475779

Симони

Клюжевъ

1948 г.

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ XIII.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

475779

475779

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

1948 г.

ПУШКИНЪ.

891.71.092
П91

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ XIII.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Куйбышевская
№ 475779
Обл. Библиотека

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1910 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Шифрованное стихотвореніе Пушкина. П. О. Морозова. 1—12
Эпиграмма Пушкина на переводъ Иліады. П. О Морозова. 13—17
«Возстань, возстань, пророкъ Россіи...». Н. О. Лернера. 18—29
Пушкинъ въ воспоминаніяхъ и дневникѣ Н. И. Иваницкаго .... 30—37
Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. К. Я. Грота........ 38—89
Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ Музеѣ А. А. Бахрушина. Б. Л. Модзалевскаго... 90—162
Замѣтки къ тексту Пушкина. П. Е. Щеголева........ 163—174
Замѣтка Пушкина объ «Адольфѣ» Б. Констана. Н. О. Лернера........ 175—176
Пушкинъ и цензура. А. Егоркина........ 177—179
Къ статьѣ «Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ». Дополнительная замѣтка. К. Я. Грота........ 180—187
Указатель........ 188—202

Шифрованное стихотвореніе Пушкина.

Въ числѣ автографовъ Пушкина, принесенныхъ въ даръ Академіи Наукъ вдовою Л. Н. Майкова, находится перегнутый вдвое полулистъ писчей бумаги съ клеймомъ 1829 года и съ красными жандармскими цифрами: „66“, „67“. Наружныя стороны этого полулиста оставлены пустыми, внутреннія же двѣ страницы заняты стихами, написанными, какъ видно на прилагаемомъ снимкѣ, почти безъ помарокъ [1]).

Въ первомъ столбцѣ *лѣвой* страницы находится 27 строкъ [2]):

Нечаянно пригрѣтый славой
Орла двуглаваго щипали
Остервененіе народа
Мы очутилися въ П
Скажи за чѣмъ ты въ сам дѣлѣ
Но стихоплетъ Великородный
Авось по манью — —
Сей всадникъ Папою вѣнчанный
Безрукій К. друзьямъ Мореи

1) См. „Пушкинъ и его современники“, вып. IV, стр. 15, № 57.

2) Зачеркнутыя слова заключаемъ въ прямыя скобки, недописанныя обозначаемъ точками.

10 А про тебя и въ усъ не дуетъ
11 Предавшихъ нѣкогда — —
12 Но искры пламени инова
13 Они за рюмкой руской водки
14 У безпокойнаго Никиты
15 Свои рѣшительныя мѣры
16 Блеститъ надъ К. тѣнистой
17 Надъ нами З — валъ тогда
18 У Б — шатра
19 Б., зима иль Р. Б.
20 А Р. З. главой З.
21 Меня уже предупредилъ
22 Семействамъ возвратитъ с
23 Изчезнувшій какъ тѣнь зари
24 Изъ К. ужъ мигалъ
25 Ты А. холопъ
26 Свирѣпой шайкѣ палачей
27 Уже издавно можетъ быть

На той же лѣвой страницѣ второй столбецъ состоитъ всего изъ четырехъ стиховъ, которые мы оставляемъ безъ нумераціи:

Моря достались Албіону
Авось дороги намъ испр.
Измученъ казнію покоя
Кинжалъ. . . тѣмъ. . .

На *правой* страницѣ находятся слѣдующіе стихи, для которыхъ мы продолжаемъ нумерацію перваго лѣваго столбца:

28 Вл. слабый и лукавый
29 Его мы очень смирн знали
30 Гроза 12 года
31 Но Богъ помогъ — сталъ ропотъ ниже

32 И чѣмъ жирнѣе тѣмъ тяжелѣ
33 Авось, о Шиболетъ народный
34 Авось аренды забывая
35 Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный
36 Тряслися грозно Пиринеи —
37 Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ
38 Потѣшный полкъ Петра титана
39 Р. Р. снова присм . . .
40 У нихъ [свои бывали] сходки
41 Витійствомъ рѣзкимъ знамениты
42 Другъ Марса, Вакха и Венеры
43 [Но т] Такъ было надъ Невою льдистой

---

44 Плѣшивый щеголь врагъ труда
45 Когда ненаши повара
46 Насти . . . — кто тутъ намъ помогъ?
47 И скоро сило вещей
48 ОР . . . нашъ н
49 Тебѣ бъ я оду посвятилъ
50 Ханжа запрется въ монастырь
51 Предъ кѣмъ унизились З
52 Волканъ Неаполя пылалъ

Тутъ же, сбоку, написано еще 7 строкъ:

53 Нашъ З. въ покоѣ говорилъ
54 Дружина старыхъ усачей
55 И пуще З. пошелъ кутить
56 Они за чашею вина
57 Сбирались члены сей семьи
58 Тутъ [бы] Л. дерзко предлагалъ
59 Но тамъ гдѣ ранѣе весна

Эти стихи, въ томъ видѣ, какъ они записаны Пушкинымъ, не имѣютъ „ни риемы, ни смысла". Но, вѣдь, для чего же нибудь они были такъ сравнительно тщательно записаны, и должны же они что-нибудь значить?

Пытаясь разрѣшить эту загадку, мы остановились, прежде всего, на стихахъ 8, 23, 35 и 51:

Сей всадникъ Папою вѣнчанный
Изчезнувшій какъ тѣнь зари
Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный
Предъ кѣмъ унизились З

Эти стихи, въ иномъ расположеніи (35, 51, 8, 23) представляютъ очевидный варіантъ къ стихамъ написаннаго въ 1830 году стихотворенія „Герой":

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ *смирилися цари*,
Сей *ратникъ, вольностью* вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

Въ этихъ четырехъ строчкахъ и въ ихъ расположеніи и находится ключъ къ нашей загадкѣ. Переставивъ всѣ остальные стихи соотвѣтственно порядку послѣдняго четверостишія, т. е. 35, 51, 8, 23, мы находимъ, что стихотвореніе начинается на *правой* страницѣ рукописи, стихомъ 28, продолжается на той же страницѣ, послѣ черты, стихомъ 44, затѣмъ переходитъ на *лѣвую* страницу, гдѣ соотвѣтствующими первымъ двумъ стихамъ 28 и 44 будутъ стихи 1 и 17. Продолжая эту перестановку, мы получаемъ слѣдующій шифръ стихотворенія:

28, 44, 1, 17; 29, 45, 2, 18; 30, 46, 3, 19; 31, 47, 4, 20 и т. д. Сокращенія болѣе или менѣе легко поддаются разбору.

Расшифровывая, такимъ образомъ, это стихотвореніе,

получаемъ рядъ куплетовъ изъ которыхъ одни состоятъ изъ четырехъ стиховъ, а другіе, къ сожалѣнію, только изъ трехъ, такъ какъ соотвѣтствующаго четвертаго стиха въ нашей рукописи не имѣется; наконецъ, есть стихи, вовсе не поддающіеся расшифровкѣ, за неимѣніемъ подходящихъ къ нимъ другихъ. Вотъ въ какомъ видѣ получается стихотвореніе при чтеніи его по указанному выше способу:

Вл. слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый славой,
Надъ нами ц—валъ тогда.
Его мы очень смирн(ымъ) знали,
Когда не наши повара
Орла двуглаваго щипали
У Б(онапартова) шатра.
Гроза двѣнадцатаго года
Насти(гла) — кто тутъ намъ помогъ?
Остервененіе народа,
Б(арклай), зима иль Р(усскій) Б(огъ)?
Но Богъ помогъ — сталъ ропотъ ниже
И скоро сило(ю) вещей
Мы очутилися въ П(арижѣ),
А Р(усскій Ц(арь) — главой ц(арей)

Дальнѣйшіе стихи — 32, 48, 5 — представляютъ непонятное сочетаніе:

И чѣмъ жирнѣе, тѣмъ тяжелѣ
ОР. . . нашъ н(ародъ?)
Скажи, зачѣмъ ты въ сам(омъ) дѣлѣ
. . . .

Соотвѣтствующаго стиха нѣтъ, и вообще дальше слѣдуютъ четверостишія и трехстишія, между которыми

трудно установить непосредственную связь и приходится предполагать пропуски:

Авось, о Шиболетъ народный,
Тебѣ бъ я оду посвятилъ,
Но стихоплетъ Великородный
Меня уже предупредилъ.
. . . .
Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется въ монастырь;
Авось, по манью (Николая?)
Семействамъ возвратитъ (Сибирь?). . .
. . . .
Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный,
Предъ кѣмъ унизились Ц(ари),
Сей всадникъ, папою вѣнчанный,
Изчезнувшій, какъ тѣнь зари
. . . .
Тряслися грозно Пиринеи,
Волканъ Неаполя пылалъ,
Безрукій К(нязь) друзьямъ Мореи
Изъ К(ишинева) ужъ мигалъ
. . . .
„Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ“,
Нашъ Ц(арь) въ покоѣ говорилъ
. . . .

Соотвѣтствующихъ двухъ стиховъ недостаетъ.

Потѣшный полкъ Петра титана,
Дружина старыхъ усачей,
Предавшихъ нѣкогда (тирана)
Свирѣпой шайкѣ палачей. .
(Ребята?) присмирѣли снова,
И пуще Ц(арь) пошелъ кутить,

Но искры пламени инова,
Уже издавно, можетъ быть,
. . . .
У нихъ свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
. . . .
Витійствомъ рѣзкимъ знамениты
Сбирались члены сей семьи
У безпокойнаго Никиты *)
. . . .
Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тутъ Л(унинъ) дерзко предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры
. . . .
Такъ было надъ Невою льдистой,
Но тамъ, гдѣ ранѣе весна
Блеститъ надъ К(аменкой) тѣнистой
. . . .

Стихи 10 — „А про тебя и въ усъ не дуетъ", 25 — „Ты А. холопъ", и 4 стиха, оставленные нами безъ нумераціи:

Моря достались Албіону
Авось дороги намъ испр(авятъ?)
Измученъ казнію покоя
Кинжалъ . . . тѣмъ . . .

не имѣютъ соотвѣтствующихъ по риѳмамъ и не поддаются объясненію. Но, за этими немногими исключеніями, содержаніе прочитанныхъ нами отрывковъ пред-

*) Сюда можно прибавить стихъ: „У осторожнаго Ильи", приведенный кн. П. А. Вяземскимъ въ Соч., IX, 152. Князь Илья Долгоруковъ вмѣстѣ съ Никитой Муравьевымъ принадлежалъ, по словамъ Пушкина въ программѣ „Русскаго Пелама", къ „обществу *умныхъ*".

ставляется достаточно яснымъ: рѣчь идетъ, очевидно, о зарожденіи того движенія умовъ, которое, въ конечномъ своемъ результатѣ, привело къ событіямъ 14 декабря 1825 года. Пушкинъ начинаетъ съ войны 1812 года и слѣдовавшаго затѣмъ похода русской арміи въ Парижъ, потомъ говоритъ о революціяхъ въ Испаніи, Италіи и Греціи и переходитъ къ первымъ начаткамъ революціоннаго настроенія въ Россіи: здѣсь упоминаются и „потѣшный" Семеновскій полкъ, среди офицеровъ котораго были „горячія головы", и сходки „у безпокойнаго Никиты" Муравьева, стоявшаго во главѣ „Сѣвернаго Общества", къ составу котораго принадлежалъ также и декабристъ Лунинъ, и у Ильи Долгорукова; затѣмъ дѣйствіе переносится въ Каменку, бывшую, какъ извѣстно, однимъ изъ центровъ подготовлявшагося движенія. Таковъ общій ходъ этого „историческаго обозрѣнія", въ которомъ поэтъ, среди разныхъ надеждъ, между прочимъ, повидимому, высказываетъ мысль о томъ, что, можетъ быть, по повелѣнію Императора, строго покаравшаго декабристовъ, Сибирь возвратитъ осиротѣвшимъ семействамъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ...*).

Нѣкоторыя частности съ трудомъ поддаются объясненію. Такъ, остается непонятнымъ выраженіе „шиболетъ народный": слово „шибболетъ" (по-еврейски — колосъ) взято изъ библейскаго (Суд. XII, 5—6) повѣствованія о томъ, какъ Іевфай, начальствуя надъ мужами галаадскими, ополчился на племя Ефраима и почти все его истребилъ, а затѣмъ занялъ проходы у Іордана, чтобы не пропускать уцѣлѣвшихъ ефраимитовъ. Когда послѣдніе пытались проходить черезъ эти ущелья, мужи галаадскіе ихъ останавливали и спрашивали: „А вы не изъ Ефраи-

*) Ср. письмо Пушкина къ кн. Вяземскому отъ 5 ноября 1830: „Каковъ Государь! Молодецъ! того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ, — дай Богъ ему здоровье!" (Переписка, II, 188).

мова племени?“—Нѣтъ, отвѣчали они. „А скажите: шибболетъ!“ Этого слова ефраимиты не могли произнести правильно, и непріятель, узнавая ихъ такимъ образомъ, безпощадно ихъ избивалъ. Итакъ, „шибболетъ“ есть такой признакъ, которымъ человѣкъ самъ себя обличаетъ въ непринадлежности къ той народности или партіи, къ какой онъ себя причисляетъ. Въ этомъ смыслѣ еврейское слово иногда употребляется и теперь—преимущественно нѣмецкими писателями; вѣроятно, оно употреблялось и масонами, отъ которыхъ и стало извѣстно Пушкину; но этотъ смыслъ, повидимому, непримѣнимъ къ даннымъ стихамъ, — а другого значенія слова „шибболетъ“ мы не знаемъ. Въ томъ же четверостишіи „стихоплетъ великородный“ можетъ, пожалуй, означать Хвостова; но смыслъ все-таки, остается неяснымъ. Далѣе, въ одномъ изъ слѣдующихъ куплетовъ, „безрукій князь“ — очевидно — Ипсиланти, о которымъ Пушкинъ писалъ въ 1821 году В. Л. Давыдову, что

съ горя на брегахъ Дуная
Бунтуетъ нашъ *безрукій князь.*

Въ стихѣ 39 буквы Р. Р., прочитанныя нами предположительно: „ребята“, можетъ быть, должны означать чтонибудь другое.

Къ послѣднимъ семи стихамъ нашего отрывка въ той же коллекціи автографовъ Пушкина нашлось продолженіе съ нѣкоторыми варіантами, написанное уже безъ криптографическихъ пріемовъ и подтверждающее правильность нашей расшифровки перваго отрывка. Это продолженіе оказалось на листкѣ сѣроватой бумаги съ клеймомъ 1823 года и красною цифрою „55“ [1]). По мнѣнію В. И. Срезневскаго, написанные на этомъ листкѣ стихи предста-

1) Тамъ же, стр. 11, № 37.

вляютъ „наброски изъ Путешествія Онѣгина“. Дѣйствительно, стихи здѣсь написаны „онѣгинскими“ строфами, что̀ и отличаетъ ихъ отъ разобраннаго нами шифрованнаго текста; непосредственная ихъ связь, по содержанію, съ этимъ послѣднимъ, наводитъ на предположеніе, что и шифрованные отрывки также могутъ относиться къ Путешествію Онѣгина, котораго поэтъ приводилъ въ кругъ декабристовъ. Но въ такомъ случаѣ, въ отрывкахъ недостаетъ уже очень многихъ стиховъ, такъ какъ составить изъ нихъ „онѣгинскія“ строфы совершенно невозможно.

Приводимъ эти новые наброски, крайне исчерканные и неразборчивые, въ томъ видѣ, въ какомъ намъ удалось ихъ возстановить [1]).

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
[Тамъ] Имъ рѣзко Лун(инъ) предлагалъ
[Тутъ Л. рѣзко предлаг]
[Свои] Свои [губительныя] рѣшительныя мѣры
И вдохновенно бормоталъ
[Ихъ разжигалъ]
Читалъ свои стихотв(оренья)
. . . .
[Стихи читалъ и] . . . .
Казалось [какъ обреченный] [предлагалъ] обнажалъ
[Какъ обреч]
Цареубійственный кинжалъ
Одну Россію [щастье] въ игѣ видя
[Кумира] [. . . .] . . . . [рабство ненавидя]
Лаская въ ней [боготворя свой] идеалъ
Хвал(илъ) Т — кто вникая
И [цѣпи] слово: рабъ н. . .

1) Зачеркнутыя слова поставлены въ прямыя скобки; неразобранныя мѣста означены точками.

[Въ толпѣ] Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
[Зрѣлъ избавителей] Освободителей крестьянъ.

(Сбоку:)

Тамъ П(естель?) д . . . кинжалъ
И рать . . . набиралъ
Холоднокровный Генералъ
Въ союзъ свободы вербовалъ
И лучшее его село
Исполненъ дерзости и силъ
[Въ союзъ свободы] торопилъ
[Порывы вольности] . . . .

Такъ было надъ Невою льдистой,
Но тамъ, гдѣ ранѣе весна
Блеститъ надъ Каменкой тѣнистой
И надъ [чертогомъ] [равниной] холмами Т(ульчина),
Гдѣ Витгенштейновы дружины
Днѣпромъ [о] подмытыя равнины
И степи Буга облегли,
Дѣла [другимъ порядкомъ] [иныя ужъ по]шли.

(На оборотѣ:)

Сначала эти за . . .
Все это были разговоры
Между Лафитомъ и Клико
[лишь]
[были раз . . .]
[Куплеты], [За вистомъ] дружескія споры]
[Не] И не [входило] [не] глубоко
Въ сердца мятежное [мечтанье] [ая наука]
[Все это было подражанье]
[Все это было только] скука
Бездѣлье молодыхъ умовъ,

Забавы взрослыхъ шалуновъ.
. . .казалось, [палъ]
. . .по пустякамъ
[Вездѣ] [бесѣды недовольныхъ]
[И скоро] [Сѣтью тайной]
узлы [с]къ узлам[и]ъ
[И скоро]
[И постепенно сѣтью тайной] Нашъ Ц. . .
[Россія] [И] дремалъ

Очевидно, въ этомъ совершенно неотдѣланномъ наброскѣ мы имѣемъ передъ собою опять ту же поэтическую исторію декабриcстовъ.

Спрашивается теперь, для чего Пушкину понадобилось переписывать начало этой исторіи въ такомъ намѣренно запутанномъ видѣ?

Единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что поэтъ, уже пострадавшій, незадолго передъ тѣмъ, за свою нескромность (исторія съ „Гавриліадой"), опасался, какъ бы это новое его произведеніе не нашло себѣ нежелательныхъ читателей. Въ предупрежденіе такой непріятной случайности онъ и перепуталъ стихи, держась при этомъ, однако, извѣстной системы. Отсутствіе въ нашемъ автографѣ нѣкоторыхъ стиховъ, необходимыхъ для уясненія смысла и дополненія риѳмъ, объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что все стихотвореніе не помѣстилось на одномъ листѣ, и часть его была переписана на другомъ, до насъ, къ сожалѣнію, не дошедшемъ. Но и тѣ немногія строки, которыя намъ удалось разобрать, представляютъ высокую цѣнность, какъ выраженіе взглядовъ поэта на то движеніе, въ которомъ онъ до извѣстной степени и самъ участвовалъ и съ главными представителями котораго онъ былъ въ близкой дружбѣ.

П. Морозовъ.

Нечаянно пригретый славой
Орла двуглавого щипали
Остервенение народа
Мы очутилися в П—
Скажи зачем ты в самом деле
Но стихоплет великородный
Авось по манью —
Сей всадник Папа увенчанный
Безрукий К. друзьям Мореи
А про тебя и в ус не дует
Предавших некогда тирана
Но искра пламени иного
Они за рюмкой русской водки
У беспокойного Никиты
Свои решительные меры
Блестит над К. тенистой
Над нами Ц—вал тогда
У Б— шатра
Б—, зима иль Р. Б.
А Р. Ц. главой Ц.
Меня уж предупредил
Семействам возвратит С—
Исчезнувший как тень зари
Из К. уж мигал
Ты А. холоп
Свирепой шайке палачей
Уже издавна может быть

Моря достались Албиону
Авось дороги нам испр.
Цареубийств. кинжал
Кинжал Л. тень Б.

Собр. Л. Н. Майкова № 57.

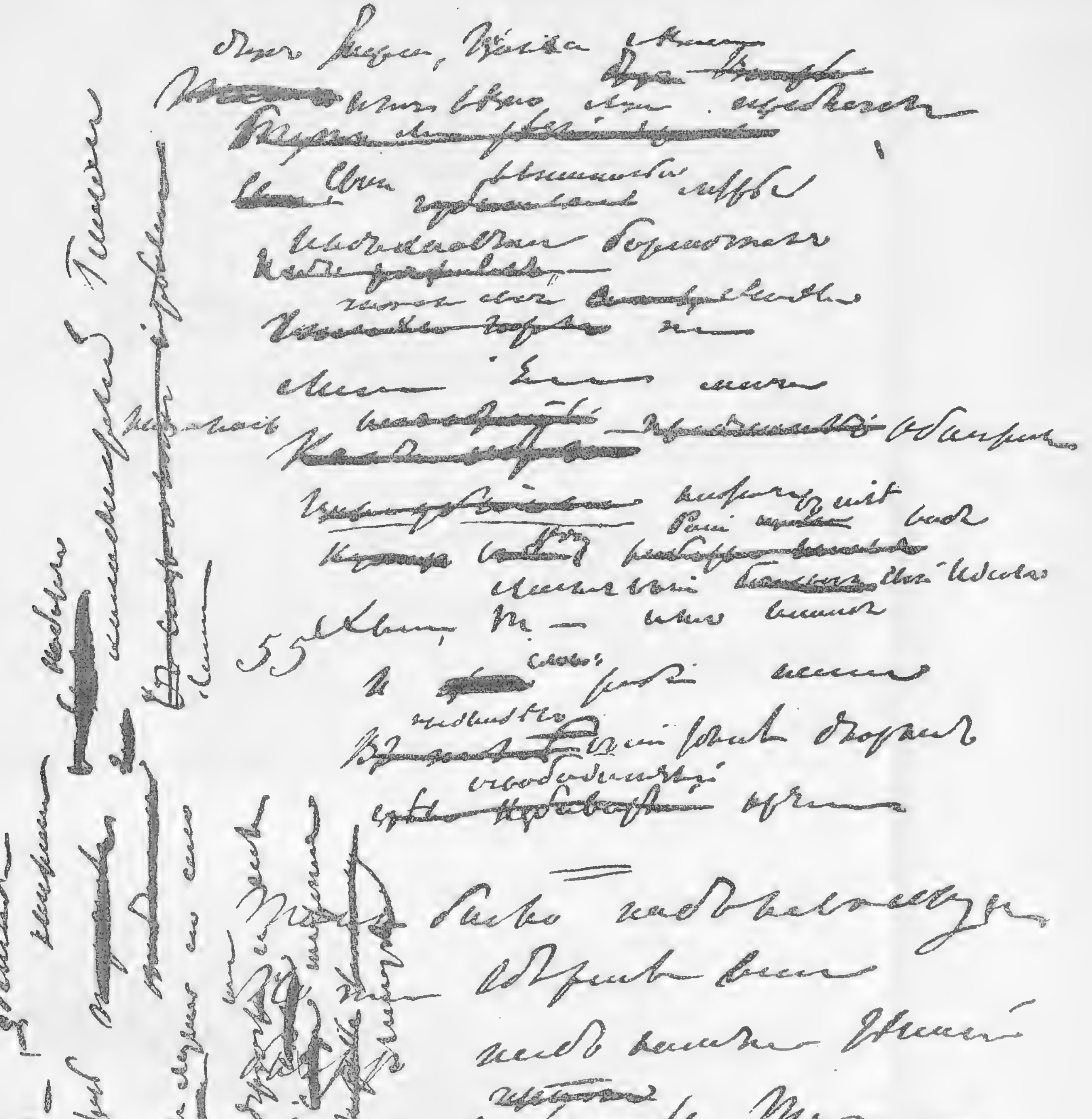
Вл.- слабый и лукавый
Его мы очень смирн[ым] знали
Гроза 12 года
Но бог помог — стал ропот ниже
И чем жирнее тем тяжеле.
Авось, о Шиболет народный
Авось аренды забывая
Сей муж судьбы, сей странник бранный
Тряслися грозно Пиренеи —
Я всех уйму с моим народом
Потешный полк Петра титана
Р.Р. — снова присм—
У них ~~свои бывали~~ сходки
Витийством резким знамениты
Друг Марса, Вакха и Венеры
~~Ко~~ меж Лунин [illegible]

[illegible]
Когда [illegible]
[illegible] — [illegible]?
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] от [illegible]
[illegible] 3
[illegible]

[illegible] сей семьи
Тут ~~Лу~~ Л. дерзко предлагал
Но там где ранее весна

Наш 3 в те поры говорил
Дружина старых [illegible]
И лучше 3 пошлет [illegible]
Они за чашею вина

Собр. Л. Н. Майкова № 57.



Собр. Л. Н. Майкова № 37[1].

[illegible]

Въ сердца [illegible]

[illegible]

Собр. Л. Н. Майкова № 37д.

Эпиграмма Пушкина на переводъ Иліады.

Всѣмъ извѣстно двустишіе Пушкина на переводъ *Иліады:*

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Оказывается, что поэтъ, прежде, чѣмъ выразить въ этой классической формѣ свое одобреніе труду Гнѣдича, воспользовался тою же формою для выраженія совсѣмъ иной мысли — не похвальнаго, а сатирическаго содержанія.

Въ коллекціи автографовъ Пушкина, поступившихъ въ библіотеку Академіи Наукъ отъ А. А. Майковой, значится подъ № 44, по описанію В. И. Срезневскаго[1]), листокъ въ восьмушку писчей бумаги, мелко съ обѣихъ сторонъ исписанный. Здѣсь находятся стихотворенія, набросанныя Пушкинымъ въ Болдинѣ, въ началѣ октября 1830 года, а именно: на лицевой сторонѣ (помѣченной жандармскою цифрою „20“) — „Румяный критикъ мой...“, а на оборотѣ—„Къ статуѣ въ Царскомъ Селѣ“ („Урну съ водой уронивъ...“) и, нѣсколько ниже, отрывки: „Куда же ты?—въ Москву...“ и „Изъ записки

1) Пушкинъ и его современники, вып. IV, стр. 12—13.

пріятелю". Первое и второе изъ упомянутыхъ стихотвореній датированы 1 октября, а послѣднее — 10 октября. Между стихотвореніемъ „Къ статуѣ" и отрывкомъ „Куда же ты?" находится старательно зачеркнутое двустишіе. Совмѣстными усиліями моими и Б. Л. Модзалевскаго, съ помощью значительно увеличеннаго фотографическаго снимка, удалось возстановить текстъ этого двустишія, представляющаго, такъ же, какъ и извѣстная надпись на переводъ Иліады, совершенно правильный пентаметръ:

Къ переводу Иліады.

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, прелагатель слѣпова Гомера;
Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, но чутьемъ догадавшійся о томъ недостаткѣ перевода Иліады, въ которомъ критика стала впослѣдствіи упрекать Гнѣдича, — объ его напыщенности, выразившейся въ обиліи славянизмовъ, — не могъ удержаться, чтобы не кольнуть переводчика эпиграммой. Но, вѣроятно, опасаясь, что эта вспышка юмора можетъ какъ-нибудь дойти до крайне самолюбиваго Гнѣдича и испортить существовавшія между обоими поэтами добрыя отношенія, поторопился ее зачеркнуть съ особенною тщательностью и замѣнить двустишіемъ совсѣмъ иного рода.

Здѣсь нелишнимъ будетъ привести нѣсколько неизвѣстныхъ до настоящаго времени въ печати оффиціальныхъ документовъ, касающихся службы Гнѣдича въ Государственной Канцеляріи[1]).

1) Вообще о службѣ Гнѣдича см. въ книгѣ Вад. Л. Модзалевскаго „Малороссійскій родословникъ", т. I, Кіевъ. 1908, стр. 281.

Н. И. Гнѣдичъ, уже занимавшій должность библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, былъ опредѣленъ въ Государственную Канцелярію 10 августа 1814 года, на должность письмоводителя, съ жалованьемъ въ 1.200 р. въ годъ. Это опредѣленіе состоялось по ходатайству А. Н. Оленина, бывшаго въ то время Государственнымъ Секретаремъ, который, въ представленномъ Императору Александру Павловичу всеподданнѣйшемъ докладѣ о Гнѣдичѣ, между прочимъ, писалъ:

„Извѣстность его въ кругу Отечественной Словесности, способность сочинять прозою, возвышеннымъ, пріятнымъ и яснымъ слогомъ, подаютъ мнѣ надежду, что онъ можетъ быть весьма полезенъ при Государственной Канцеляріи". Впослѣдствіи Гнѣдичъ занималъ должность экспедитора. Въ мартѣ 1825 года Оленинъ, высоко цѣнившій если не служебныя, то литературныя заслуги своего сотрудника, обратился къ Императору Александру Павловичу съ слѣдующимъ ходатайствомъ:

„Г. коллежскій совѣтникъ Гнѣдичъ, служащій въ Государственной Канцеляріи экспедиторомъ, съ нѣкотораго времени чувствуетъ сильное разстройство въ здоровьѣ своемъ; день ото дня силы его болѣе и болѣе ослабѣваютъ, и по совѣту врачей (между прочимъ, г. лейбъ-медика Гаевскаго), надежнѣйшаго нѣтъ средства къ излѣченію г-на Гнѣдича, какъ употребленіе Кавказскихъ минеральныхъ водъ у самыхъ ихъ источниковъ, что подтверждаетъ г. Гаевскій даннымъ свидѣтельствомъ, при семъ прилагаемымъ.

„Обыкновенная служба г-на Гнѣдича по Государственной Канцеляріи, въ теченіе которой не встрѣтилось ему случая показать особенныхъ своихъ дарованій въ Русской Словесности, конечно, не подаетъ ему надежды на особую милость Вашего Императорскаго Величества; но если отличная нравственность, испытанная мною въ

продолженіе почти 20 лѣтъ короткаго моего съ нимъ знакомства, а сверхъ того и отличный его талантъ въ Словесности Русской, могутъ, къ его счастію, обратить на себя Всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества, то, по недостаточному его состоянію, пожалованіе отъ щедротъ Монаршихъ нынѣ положеннаго оклада по мѣсту, имъ въ Государственной Канцеляріи занимаемому, т. е. 3.000 р., съ произвожденіемъ во время пользованія водами слѣдующаго по тому же штату жалованья, можетъ сохранить жизнь человѣка, посвятившаго свободные отъ службы часы къ исполненію великаго предпріятія, въ которомъ до сихъ поръ ни Франція, ни Англія, ни Германія въ полной мѣрѣ еще не успѣли, а именно—перевода съ подлинника знаменитѣйшей въ мірѣ поэмы, *Омировой Иліады*. Переводъ сей имъ уже доведенъ до послѣдней пѣсни; но разстройство его здоровья не позволяетъ ему приступить къ совершенному окончанію онаго; возвративъ же силы свои на Кавказѣ съ помощію Царскихъ щедротъ, онъ съ новою дѣятельностію и съ лучшимъ успѣхомъ приступитъ къ довершенію предпріятія, которое должно быть въ числѣ знаменитыхъ памятниковъ благополучнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества".

На подлинной докладной запискѣ рукою графа Аракчеева написано: „Государь соизволяетъ, 11 марта 1825 г.".

Позднѣе, уже въ царствованіе Императора Николая Павловича, результатомъ новыхъ ходатайствъ Оленина явились слѣдующіе два Высочайшіе указа Министру Финансовъ:

13 ноября 1826 года: „Въ вознагражденіе за службу коллежскаго совѣтника Николая Гнѣдича, и въ особенности за труды его въ преложеніи имъ въ стихахъ на Русскій языкъ Иліады *Гомеровой*, Мнѣ поднесенномъ, Всемилостивѣйше повелѣваю производить ему въ пен-

сіонъ по смерть по три тысячи рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, сверхъ получаемаго имъ по службѣ жалованья".

12 іюня 1827 года: „Изъ уваженія къ болѣзненному состоянію экспедитора Государственной Канцеляріи коллежскаго совѣтника Гнѣдича, Я приказалъ уволить его изъ вѣдомства сей Канцеляріи. Но, снисходя къ таковому состоянію здоровья, разстроеннаго трудами и прилежаніемъ къ наукамъ на пользу словесности, повелѣваю вамъ производить Гнѣдичу изъ государственнаго казначейства по три тысячи рублей въ годъ, впредь до опредѣленія къ другой должности, силамъ его соотвѣтственной".

Послѣ этого увольненія, Гнѣдичъ уже не поступалъ вновь на государственную службу.

П. Морозовъ.

„Возстань, возстань, пророкъ Россіи...“

СТИХОТВОРЕНІЕ ПУШКИНА.

Съ знаменитымъ „Пророкомъ“ Пушкина и первой встрѣчей поэта и царя Николая Павловича (8 сентября 1826 г.) связано любопытное преданіе. Оно было впервые разсказано въ редактированномъ П. А. Ефремовымъ очеркѣ „А. С. Пушкинъ“ [1]). „Въ кругу знакомыхъ Пушкина, увѣрявшихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича, сохранился разсказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ на лѣстницѣ Кремлевскаго дворца. Дѣло въ томъ, что государь выразилъ (будто бы) желаніе узнать, нѣтъ ли при Пушкинѣ какого-нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, но не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькѣ лоскутъ бумажки, поднялъ и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь... Эту бумажку онъ выронилъ, вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостиницу (?), онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе“. Не вдаваясь въ оцѣнку достовѣрности факта, скажемъ только, что во всякомъ случаѣ стихотвореніемъ,

1) „Русск. Стар.“ 1880 г., январь, 133.

о которомъ говорится здѣсь, не могло быть посланіе въ Сибирь, написанное позднѣе. „Этотъ разсказъ“—читаемъ далѣе,—„ходившій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ впослѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми только варіантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами сдѣлана; листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ „Пророка“, съ первоначальнымъ, впослѣдствіи измѣненнымъ текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди—и съ вервіемъ на выи“ и пр....

Авторъ статьи, гдѣ сообщено это преданіе, причислилъ его къ числу разсказовъ „сомнительной правдивости“, что вызвало вскорѣ весьма интересное возраженіе А. П. Пятковскаго [1]): „Я не понимаю, почему разсказъ объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ, повторяемый безъ особеннаго разнорѣчія людьми, несомнѣнно близкими къ Пушкину (какъ, напримѣръ, Соболевскимъ), можетъ заслужить себѣ аттестацію „сомнительной правдивости“:—развѣ только потому, что онъ позже другихъ разсказовъ попалъ въ печать, и что самъ Пушкинъ не упоминаетъ объ интересующемъ насъ обстоятельствѣ?... Но это обстоятельство имѣетъ настолько щекотливый характеръ, что разглашать его было вовсе неудобно какъ самому Пушкину, такъ и друзьямъ его,—тѣмъ болѣе, что въ это же время весьма бдительнымъ аргусомъ возлѣ великаго поэта сталъ шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ... Думаю, что ничѣмъ инымъ, кромѣ вынужденной скромности, нельзя объяснить и молчаніе Соболевскаго, кото-

1) Тамъ же, мартъ, 673—675.

рый только „впослѣдствіи“, т. е. по смерти Пушкина, разсказывалъ объ этомъ, да и то въ тѣсномъ кругу. Что Соболевскій не выдумалъ этого факта, — я могу лично подтвердить тѣмъ, что подобный же разсказъ я слышалъ отъ А. В. Веневитинова (родного брата поэта Д. В. Веневитинова), который до преклонныхъ лѣтъ отличался замѣчательною памятью и въ особенности твердо помнилъ все то, что относилось къ порѣ его молодости. А. В. Веневитиновъ разсказывалъ мнѣ, что Пушкинъ, выѣзжая изъ деревни съ фельдъегеремъ, положилъ себѣ въ карманъ стихотвореніе „Пророкъ“, которое въ первоначальномъ видѣ оканчивалось слѣдующею строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
Къ царю . . . . . . явись!

(Послѣдніе два стиха составляютъ измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ „Русской Старинѣ“ варіанта). Являясь въ Кремлевскій дворецъ, Пушкинъ имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ государемъ, вручить Николаю Павловичу на прощанье это стихотвореніе. Счастливая судьба сберегла для Россіи пѣвца „Евгенія Онѣгина“, и благосклонный пріемъ государя заставилъ Пушкина позабыть о своемъ прежнемъ намѣреніи. Поэтическое оружіе, захваченное имъ для самозащиты, такъ и осталось въ его карманѣ. . . Считаю нужнымъ прибавить, въ видѣ ручательства за правдивость этого разсказа, что А. В. Веневитиновъ былъ въ это время въ Москвѣ, что Пушкинъ въ домѣ Веневитиновыхъ читалъ своего „Бориса Годунова“, и что, слѣдовательно, А. В. могъ слышать всю эту исторію изъ первыхъ устъ“.

Тѣмъ не менѣе, критика еще не пришла ни къ

какому опредѣленному выводу ни о правдивости этихъ сообщеній, ни о достовѣрности стиховъ, ни объ отношеніи ихъ къ „Пророку". П. А. Ефремовъ въ обоихъ первыхъ своихъ изданіяхъ [1]) повторилъ разсказъ Соболевскаго съ полнымъ довѣріемъ, но въ третьемъ изданіи [2]) отказался внести даже въ примѣчанія это „плохое и неумѣстное четверостишіе", которое „недостойно даже упоминанія" рядомъ съ „Пророкомъ". П. О. Морозовъ, въ первомъ своемъ изданіи [3]) также приведшій разсказъ Пятковскаго съ довѣріемъ къ нему, во второмъ изданіи [4]) уже призналъ, что „преданіе, подхваченное легковѣрными критиками, представляется по существу совершенно невѣроятнымъ, не говоря уже о технической сторонѣ четверостишія".

Впервые отрицательно отнесся къ достовѣрности преданія В. Д. Спасовичъ [5]), дополняющій послѣдній стихъ сообщеннаго Пятковскимъ четверостишія: „Къ царю Россійскому явись!"...: „Не имѣя права выѣзда изъ имѣнія, Пушкинъ не могъ и помышлять о томъ, что онъ вскорѣ предстанетъ передъ лицомъ государя. Увезенный фельдъегеремъ, онъ не могъ догадываться, что его повезутъ въ Чудовъ дворецъ. Строфа, сохранившаяся въ устномъ преданіи, не могла быть заключительною, такъ какъ она оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, зачѣмъ имѣлъ явиться и что имѣлъ сказать этотъ съ вервьемъ на шеѣ человѣкъ въ своемъ, совсѣмъ необычномъ по нашему времени костюмѣ и съ своими весьма малопонятными библейскими рѣчами? Въ данныхъ условіяхъ его поступокъ сильно походилъ бы на выходку помѣшаннаго.

1) 1880 г., II, 415—416, и 1882 г., II, 398.
2) Т. VIII, 1905 г., стр. 263.
3) Литературнаго фонда, II, 3.
4) Тов. Просвѣщенія, II, 395.
5) „Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова"—„Вѣстн. Европы" 1888 г., мартъ, 83.

Вспомнимъ еще, что либеральный бредъ прошелъ у Пушкина еще въ то время, когда онъ писалъ „Сѣятеля“, что въ январѣ 1826 г. онъ уже непремѣнно желалъ помириться съ правительствомъ. Онъ не былъ заодно съ декабристами,—онъ только скорбѣлъ о нихъ. У него не могло быть въ запасѣ никакихъ „жгучихъ глаголовъ“, какъ скоро отъ милостивыхъ словъ государя онъ мгновенно раскаялся и сдѣлался на остальную жизнь человѣкомъ не противнымъ правительству“.

Со Спасовичемъ согласился другой изслѣдователь— Н. И. Черняевъ [1]), не только отвергшій преданіе о происхожденіи четверостишія, но и разобравшій его не безъ придирчивости. „Всѣ эти разсказы, думается намъ, принадлежатъ къ безчисленному множеству вымышленныхъ о Пушкинѣ анекдотовъ, долго гулявшихъ на Руси и не разъ вводившихъ въ заблужденіе комментаторовъ и біографовъ поэта. Можно ли допустить, чтобы такая геніальная вещь, какъ „Пророкъ“, заканчивалась такимъ плохимъ и прозаическимъ финаломъ, какъ „Возстань, возстань, пророкъ Россіи“. . . — финаломъ, достойнымъ развѣ только какого-нибудь безталаннаго подражателя Рылѣева? Если прочесть четверостишіе, о которомъ идетъ рѣчь, немедленно вслѣдъ за „Пророкомъ“, оно произведетъ впечатлѣніе банальнаго марша, пристегнутаго къ одной изъ лучшихъ сонатъ или симфоній Бетховена, или безжизненной фигуры, вписанной въ картину Рафаэля какимъ-нибудь живописныхъ дѣлъ мастеромъ... „Сонная кисть художника-варвара“ чувствуется чуть ли не въ каждомъ словѣ четверостишія.... Двукратное повтореніе слова „возстань“ послѣ того, какъ оно уже встрѣчается въ Божьемъ воззваніи къ пророку, отзывается однообра-

---

1) „Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану“, М., 1898 г., стр. 12—16.

зіемъ и риторикой, а обращеніе къ невѣдомому пророку Россіи, пристегнутое къ разсказу пушкинскаго пророка, поражаетъ своею неожиданностью и звучитъ дикимъ и рѣзкимъ диссонансомъ, нарушающимъ гармоническую стройность всего стихотворенія. „Позорной ризой облекись“—это такой стихъ, какого не могъ написать не только Пушкинъ, но и ни одинъ сколько-нибудь грамотный (?) поэтъ. Зачѣмъ понадобилось напоминать „пророку Россіи“, что ему необходимо, отправляясь къ царю, возложить на себя „позорную ризу“,—неизвѣстно. Развѣ только для того, чтобы заручиться риѳмой къ слову „явись“. Трудно (?) также понять, что надлежитъ понимать подъ выраженіемъ „позорная риза“. Ужъ не рубище ли? Но почему же „пророкъ Россіи“ долженъ ходить непремѣнно въ разодранной одеждѣ? Это тайна автора разбираемаго четверостишія. Слово „иди“, которымъ начинается третій стихъ, нимало не усиливаетъ значеніе слова „явись“ и, вообще, представляется совершенно излишнимъ. Оно, очевидно, вставлено лишь для сохраненія размѣра. Третій стихъ —„И съ вервіемъ на выѣ“ („пророкъ Россіи“, вѣроятно, ждалъ казни за свои обличительныя рѣчи и, въ качествѣ политическаго мученика, желавшаго пострадать за правду, заранѣе обрекалъ себя висѣлицѣ), производящій, несмотря на весь его задоръ, нѣсколько комичное впечатлѣніе, могъ бы удовлетворить развѣ только завзятаго „славеноросса“, приверженнаго къ высокому слогу во вкусѣ Шишкова и считавшаго тяжкимъ піитическимъ грѣхомъ не называть веревку вервіемъ, а шею выей. Вообще, замѣтимъ кстати, авторъ четверостишія пользовался славянскими реченіями съ такимъ пристрастіемъ къ нимъ, какого нѣтъ и тѣни въ пушкинскомъ „Пророкѣ“... Содержаніе и форма четверостишія исключаютъ всякую возможность допустить, что оно принадлежитъ Пушкину. Къ такому же выводу можно придти и путемъ критиче-

скаго отношенія къ связанному съ нимъ преданію, на неправдоподобіе котораго впервые указалъ Спасовичъ... Мнимый финалъ „Пророка", очевидно, нужно отнести къ числу тѣхъ „сочиненій" Пушкина, которыя имъ никогда не писались, но которыя настойчиво приписывались ему молвой".

Мнѣніе Н. И. Черняева вызвало возраженіе Н. Ѳ. Сумцова [1]): „г. Черняеву не понравились „позорная риза" и „вервіе на выѣ" пророка Россіи, что, однако, вовсе не такъ ужъ странно, если присмотрѣться къ культурной исторіи Россіи и вспомнить объ участи Максима Грека, Крижанича, Новикова, Радищева, Рылѣева, А. Одоевскаго, Пушкина, Лермонтова, Шевченка, Достоевскаго и мн. др. Рѣдко кому приходилось избѣгнуть „вервія" въ той или другой формѣ. И мы думаемъ, что „Возстань"... не было концомъ „Пророка" въ отдѣланномъ и законченномъ видѣ, такъ какъ оно плохо вяжется со всѣмъ строемъ стихотворенія и совсѣмъ непригодно послѣ перерожденія и полученія божественнаго повелѣнія жечь глаголами сердца людей. Хороши были бы глаголы—съ веревкой на шеѣ! Пушкинъ, при его умѣ, не могъ допустить такого нелѣпаго окончанія въ „Пророкѣ". Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ согласиться съ категорическимъ утвержденіемъ г. Черняева, что „содержаніе и форма четверостишія исключаютъ всякую возможность допустить, что оно принадлежитъ Пушкину". Совершенно наоборотъ. И по содержанію, и по формѣ это чисто-пушкинское стихотвореніе... Что касается до техники стиха, то и въ этомъ отношеніи четырестишіе имѣетъ чисто-пушкинскій характеръ... Мнѣ кажется, что тутъ можетъ быть двоякое предположеніе: или Пушкинъ допустилъ

---

1) „Изслѣдованія о поэзіи Пушкина"—„Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина", Хар., 1900, стр. 28, 192—193.

окончаніе „Возстань“... въ первоначальномъ черновомъ набросkѣ „Пророка“ и потомъ, при исправленіи отбросилъ его, какъ это онъ неоднократно дѣлалъ въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ въ интересахъ художественной цѣльности, широты и общаго правдоподобія; устраняя личные, субъективные элементы, Пушкинъ тѣмъ самымъ расширялъ общечеловѣческую сторону художественнаго образа;—или, что вѣроятнѣе, четырестишіе представляетъ совершенно самостоятельный набросокъ, написанный вскорѣ послѣ „Пророка“, когда Пушкинъ подъ вліяніемъ этого стихотворенія имѣлъ наклонность въ самомъ себѣ видѣть пророка, наклонность, не выдохнувшуюся въ немъ и впослѣдствіи, какъ видно изъ его „Памятника“. Понятно, что это былъ набросокъ для себя и никоимъ образомъ для печати или для публики, и не для поднесенія императору Николаю Павловичу, которому такое стихотвореніе легко могло не понравиться, что Пушкинъ долженъ былъ отлично понимать“.

Едва ли можно говорить о достоинствахъ или недостаткахъ четверостишія, переданнаго современниками по памяти, такъ что, напримѣръ, третій стихъ имѣетъ два варіанта: „Иди—и съ вервіемъ на выи“... и „И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи“...; послѣдній, по вѣрному замѣчанію Ефремова [1]), „даже трудно выговорить“. Чьи бы стихи ни были, мы можемъ думать, что они дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, быть можетъ очень далекомъ отъ подлинника. Намъ предстоитъ рѣшить болѣе важный вопросъ, — какъ относиться къ преданію, окружающему четверостишіе и самую пьесу, съ которою его связываютъ. Ни съ совершеннымъ игнорированіемъ четверостишія, будто бы ложно приписаннаго Пушкину, ни съ включеніемъ его въ „Пророкъ“ согласиться нельзя. Изъ всѣхъ

1) Сочиненія Пушкина, т. V, 1881 г., стр. 537.

высказанныхъ по этому поводу мнѣній наиболѣе вѣскимъ и близкимъ къ истинѣ намъ представляется мнѣніе Сумцова, готоваго видѣть въ четверостишіи „совершенно самостоятельный набросокъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не опороченнымъ ни однимъ серьезнымъ доводомъ показаніямъ С. А. Соболевскаго и А. В. Веневитинова мы не имѣемъ права не довѣрять; единственное допустимое въ этомъ случаѣ ограниченіе довѣрія къ ихъ разсказамъ — это предположеніе, что непосредственные передатчики намъ этихъ разсказовъ, авторъ статьи въ „Русской Старинѣ“ и А. П. Пятковскій, кое-что сообщили невѣрно, причемъ надо замѣтить, что въ виду краткости и несложности самой исторіи это отступленіе отъ того, что сообщили Соболевскій и Веневитиновъ, не могло, конечно, быть значительно, если только, повторяемъ, — было какое-нибудь отступленіе. И Веневитиновъ, и Соболевскій, въ особенности второй, хорошо знали Пушкина и, что особенно знаменательно въ данномъ случаѣ, встрѣчались съ нимъ какъ разъ по пріѣздѣ его, 8 сентября 1826 г., въ Москву. Что свидѣтельство ихъ заключаетъ въ себѣ истину, видно изъ очень любопытнаго, но до сихъ поръ не обратившаго на себя вниманіе изслѣдователей разсказа человѣка, тоже встрѣчавшагося въ это время съ Пушкинымъ въ Москвѣ и оставившаго весьма цѣнныя по своей безупречной фактической правдивости воспоминанія о поэтѣ, — С. П. Шевырева. Вотъ что передавалъ Шевыревъ [1]): „во время коронаціи государь послалъ за Пушкинымъ нарочнаго курьера *(обо всемъ этомъ самъ Пушкинъ разсказывалъ)* везти его немедленно въ Москву. Пушкинъ передъ тѣмъ писалъ какое-то сочиненіе въ возмутительномъ духѣ, и теперь, воображая, что его везутъ не на добро, дорогой обдумывалъ это сочиненіе; а между

1) „Пушкинъ“, сборн. статей Л. Н. Майкова, С.-Пб., 1899, стр. 329.

тѣмъ извѣстно, какой пріемъ сдѣлалъ ему великодушный императоръ; тотчасъ послѣ этого Пушкинъ уничтожилъ свое возмутительное сочиненіе и болѣе не поминалъ о немъ".

Эти данныя, взаимно дополняя другъ друга, рисуютъ слѣдующій эпизодъ. Когда поэта везли въ Москву, онъ, не зная навѣрное, что его ждетъ: получитъ ли онъ желанную свободу, или, наоборотъ, подвергнется еще горшимъ гоненіямъ, и приходя въ отчаяніе за свою судьбу, слагалъ какое-то, быть можетъ начатое уже раньше, стихотвореніе, „возмутительное сочиненіе", которое послѣ свиданія съ государемъ уничтожилъ, такъ какъ заключавшійся въ немъ протестъ уже не вязался съ новымъ поворотомъ въ жизни поэта. Въ этомъ стихотвореніи, насколько можно судить по особенно выдающимся и, значитъ, наименѣе измѣненнымъ памятью разсказчиковъ мѣстамъ, онъ сравнивалъ себя съ пророкомъ, стоящимъ предъ царемъ съ веревкой на шеѣ и, значитъ, ждущимъ помилованія или казни. Извѣстно, какъ принялъ онъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ, какъ тревожила его воображеніе висѣлица, на которой повисли пять дѣятелей свободы „съ вервіемъ на выѣ"; онъ рисовалъ эту висѣлицу съ пятью качающимися трупами [1]). Утвержденіе Спасовича: „Пушкинъ не могъ и помышлять, что скоро предстанетъ передъ лицомъ государя", невѣрно. Уже изъ внезапнаго появленія фельдъегеря; изъ того, что въ Псковѣ, куда сначала привезъ его фельдъегерь изъ Михайловскаго, онъ нашелъ „весьма любезное" письмо, которымъ могъ „гордиться" [2]) отъ начальника главнаго штаба И. И. Дибича; изъ того, что Дибичъ въ своемъ отношеніи отъ 31 августа на имя псковскаго граждан-

1) См. „Русск. Стар." 1884 г., іюнь, 550, и іюль, 47; Сочиненія Пушкина, изд. С. А. Венгерова, II, 527, 529—530.

2) См. письмо Пушкина къ П. А. Осиповой 4 сентября 1826 г.

скаго губернатора [1]) писалъ, что поэтъ „по прибытіи въ Москву имѣетъ явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба е. и. в.“; изъ самаго факта отправленія въ Москву, гдѣ тогда происходили коронаціонныя торжества, Пушкинъ не могъ не понять, *кто* имъ интересуется; конечно, поэту было извѣстно, какое дѣятельное личное участіе принималъ царь въ слѣдствіи по дѣлу декабристовъ. Наконецъ, его не могли не взволновать и неслыханная, сверхъ-фельдъегерьская быстрота, съ которой его примчали въ трое сутокъ изъ Пскова въ Москву [2]), и то, что по пріѣздѣ въ Москву онъ до представленія Николаю Павловичу не былъ отпущенъ на свободу, а задержанъ при канцеляріи дежурнаго генерала [3]). Поэтъ, какъ извѣстно, заключилъ съ правительствомъ компромиссъ, отъ котораго, правда, давно былъ не прочь, но въ ожиданіи этой сдѣлки, полагаясь всецѣло на произволъ судьбы и готовясь принять все, что она ни пошлетъ, колебался между компромиссомъ и ролью, хотя чисто пассивной, пророка, униженно стоящаго въ одеждѣ позора и съ веревкой на шеѣ передъ торжествующимъ властелиномъ. Съ характеромъ Пушкина не вяжется театрально-эффектное врученіе царю стиховъ о пророкѣ съ веревкой на шеѣ. Поэтъ могъ отожествлять себя въ поэтическомъ воображеніи съ гонимымъ пророкомъ, но, какъ человѣкъ трезвый и самолюбивый, конечно, никогда не рѣшился бы вручить царю подобные стихи и, разыгравъ напыщенную, театральную сцену, поставить себя въ положеніе не то что небезопасное, а просто смѣшное. Стихи, вѣрнѣе, предназначались, въ случаѣ неблагопріятнаго результата свиданія, для хожденія по рукамъ, въ

1) „Письма Пушкина и къ Пушкину“, сборн. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 32; П. В. Анненковъ, „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, С.-Пб., 1874, стр. 321.

2) „Русск. Стар.“ 1908 г., октябрь, 117—118.

3) Анненковъ, „П. въ Александровскую эпоху“, 324.

качествѣ „сочиненья, презрѣвшаго печать“. Въ общей достовѣрности показаній трехъ современниковъ Пушкина, одинъ изъ которыхъ прямо ссылается на слова поэта, мы не имѣемъ права сомнѣваться, противопоставить ихъ разсказамъ нечего. Остается безъ отвѣта, за неимѣніемъ никакихъ документальныхъ данныхъ, которыя однѣ могутъ имѣть здѣсь рѣшающее значеніе, удачно формулированный Сумцовымъ вопросъ объ отношеніи четверостишія „Возстань“... къ „Пророку“. Быть можетъ, это были двѣ разныя пьесы, между которыми единственная общая черта — образъ пророка, и именно эта общность могла слить въ памяти лицъ, сообщеніями которыхъ мы пользуемся, обѣ пьесы въ одно цѣлое, расчлененное самимъ художникомъ. Возможно, что изъ однихъ и тѣхъ же образовъ возникли и гордый пророкъ, преображенный десницей серафима и послушный лишь высшей волѣ, и смиренный пророкъ съ веревкой на шеѣ и въ ризѣ позора. Во всякомъ случаѣ ясно, что было какое-то „возмутительное сочиненіе“ Пушкина о пророкѣ, и что оно вполнѣ сложилось въ душѣ поэта въ началѣ сентября 1826 г. Чутье не обмануло В. Я. Стоюнина [1]), признавшаго четверостишіе принадлежащимъ Пушкину; того же мнѣнія и В. В. Сиповскій [2]), который считаетъ его заключительной строфой „Пророка“, хотя и неудачно пристроенной. Отождествленіе пророка съ поэтомъ, которое составляетъ душу дошедшаго до насъ четверостишія, косвенно усиливаетъ значеніе тѣхъ толкованій „Пророка“, наиболѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ (Мицкевичъ, Анненковъ, Кохановская, Аполлонъ Григорьевъ, Страховъ, Незеленовъ, В. Никольскій, Влад. Соловьевъ, Дашкевичъ), которыя объясняютъ эту пьесу, какъ исповѣданіе призванія поэта.

Н. Лернеръ.

---

1) „Пушкинъ“, С.-Пб., 1881, стр. 286—287.

2) „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, С.-Пб., 1907, стр. 255, 263.

Пушкинъ въ воспоминаніяхъ и дневникѣ Н. И. Иваницкаго.

Въ VIII выпускѣ «Щукинскаго Сборника», вышедшемъ въ концѣ 1909 года, помѣщены (стр. 218—358) весьма любопытныя воспоминанія и дневникъ Николая Ивановича Иваницкаго (род. близъ Вологды 2-го января 1816 года); первыя написаны имъ въ 1843 г., а съ 17-го декабря 1843 г. начинается его дневникъ, оканчивающійся наступленіемъ 1849 года. Иваницкій, кандидатъ 1-го отдѣленія Философскаго факультета С.-Петербургскаго Университета выпуска 1838 г., будучи еще студентомъ вращался въ литературныхъ кругахъ, былъ подъ покровительствомъ Плетнева и самъ занимался литературой, печатая свои произведенія въ разныхъ журналахъ 1840-хъ годовъ. Въ студенческіе годы, а затѣмъ во время службы своей въ Петербургѣ, онъ познакомился со многими писателями того времени, и въ его воспоминаніяхъ и дневникѣ находимъ немало интересныхъ о нихъ свѣдѣній. Будучи горячимъ поклонникомъ Пушкина, онъ и о немъ занесъ въ свои записки три разсказа, которые перепечатываются, съ любезнаго разрѣшенія Петра Ивановича Щукина, въ нашемъ изданіи, какъ потому что «Щукинскій Сборникъ» для многихъ недоступенъ [1]), такъ и оттого, что въ разсказахъ Иваниц-

---

1) Уже послѣ того, какъ эта статья была набрана, воспоминанія и дневникъ Иваницкаго перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909, № 10, а отрывки изъ нихъ—въ газетѣ „Новая Русь“ 6 октября 1909 г., № 274.

каго находятся нѣкоторыя подробности, которыя заслуживаютъ вниманія, хотя бы какъ разсказы современника.

Н. И. Иваницкій скончался во Псковѣ 23-го іюня 1858 г., будучи директоромъ Псковской Гимназіи.

„25 Генваря умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей Гречь, сынъ Н. И. Греча; 28 числа всѣ мы собрались въ Аннинскую кирху на его погребеніе; передъ началомъ службы Зубовъ [1]) подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «знаешь ли, братъ? Пушкинъ умираетъ: вчера онъ былъ на дуэли и смертельно раненъ!“ Я остолбенѣлъ. Зубовъ сказалъ мнѣ, что былъ вчера у Плетнева, который въ 9 часу возвратился отъ Пушкина и разсказывалъ о несчастномъ событіи. При этомъ случаѣ я очень жалѣлъ, что не былъ у Плетнева прошедшую среду [2]), т. е. ровно за недѣлю до этой дуэли, — потому, что Пушкинъ былъ тамъ и, говорятъ, очень много и весело говорилъ... О причинахъ дуэли и тогда и послѣ толковали различно; но я имѣлъ случай узнать это дѣло довольно вѣрно. Жена Пушкина была красавица, и слѣд. немудрено, что многіе занимались ею. Въ числѣ ея поклонниковъ самый неутомимый былъ Дантесъ, одинъ кавалергардскій офицеръ, побочный сынъ Голландскаго посланника Гекерна. Жена Пушкина, говорятъ, нѣсколько разъ жаловалась мужу на этого волокиту, и Пушкинъ нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчанія; но тотъ не отставалъ. Впрочемъ объ этомъ я навѣрно не знаю; по крайней мѣрѣ толки согласны. На одномъ балѣ поклонниковъ у Пушкиной было болѣе обыкновеннаго; Пушкинъ видѣлъ это и хмурился. Жена подходитъ къ нему и говоритъ: «что ты такъ задумчивъ, мой поэтъ!» А онъ отвѣчалъ:

---

1) Студентъ-юристъ С.-Петербургскаго Университета Павелъ Зубовъ. *Б. М.*

2) Ср. Дневникъ Никитенка, I, 379. *Б. М.*

„Мой другъ! для твоего поэта
Уже насталъ великій постъ;
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ!“ [1]).

Это мнѣ разсказалъ Крамеръ [2]), который самъ былъ при этомъ. Между тѣмъ аристократическая партія ненавидѣла Пушкина за разныя остроты и сатиры. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* онъ напечаталъ стихотвореніе подъ названіемъ *На выздоровленіе Лукулла*, съ примѣчаніемъ— переводъ съ Латинскаго; между тѣмъ какъ всѣ очень хорошо знали, что ни у одного Римскаго писателя нѣтъ такого стихотворенія, и что это есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на Министра Уварова, который во время болѣзни своего родственника Шереметьева мечталъ уже воспользоваться его имѣніемъ, и вдругъ ошибся въ разсчетахъ; потому что Шереметьевъ выздоровѣлъ. Даже и средній классъ неблагопріятно уже отзывался о Пушкинѣ: говорили обыкновенно, что Пушкинъ исписался и т. п. Онъ началъ даже получать безъименныя письма, въ которыхъ поздравляли его съ рогами и пр. Это окончательно взорвало Пушкина, и онъ вызвалъ Дантеса на дуэль, въ среду 27 Генваря... Якубовичъ [3]) разсказывалъ послѣ при мнѣ у Никитенки, что онъ въ этотъ самый день былъ у Пушкина съ Сахаровымъ часу во 2-мъ. Пушкинъ былъ очень сердитъ, и безпрестанно бранилъ Полеваго за его Исторію: ходилъ скоро взадъ и впередъ по кабинету, хваталъ съ полки какой-нибудь томъ Исторіи

---

1) Ср. у П. А. Ефремова „Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ“, С.-Пб. 1903, стр. 35. *Б. М.*

2) Михаилъ Севастьяновичъ Крамеръ (род. 1813), окончившій курсъ съ Н. И. Иваницкимъ по 1-му отдѣленію Философскаго факультета въ 1838 г.,—впослѣдствіи тайн. сов. *Б. М.*

3) Лукьянъ Андреевичъ Якубовичъ, писатель и поэтъ, умершій въ 1839 году. *Б. М.*

Полеваго, и читалъ для выдержки... Якубовичъ и Сахаровъ ушли отъ него въ 3-мъ часу, а въ 4-мъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ секундантомъ, старымъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, инженернымъ маіоромъ, Данзасомъ — стрѣляться... [1]) Болѣзнь его и послѣднія минуты жизни описаны Жуковскимъ. Въ пятницу 29 числа въ 3 часа и 45 минутъ Пушкина не стало. Журналисты соревновали въ краснорѣчіи, извѣщая о смерти поэта; но самое лучшее объявленіе напечатано было въ Литтературной Газетѣ; вотъ оно отъ слова до слова: „Солнце нашей поэзіи закатилось: Пушкинъ умеръ... Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость: наша народная слава! неужели у насъ нѣтъ болѣе Пушкина? къ этой мысли нельзя еще привыкнуть“... Всякой, кто знаетъ Плетнева, безъ сомнѣнія, тотчасъ узналъ, чьи это слова [2]). Весь Петербургъ заговорилъ о смерти Пушкина, и невыгодное мнѣніе о немъ тотчасъ замѣнилось самымъ искреннимъ энтузіазмомъ: всѣ обратились въ книжныя лавки — покупать только что вышедшее новое миніатюрное изданіе Онѣгина; болѣе 2000 экз. было раскуплено въ 3 дня. Между тѣмъ въ кабинетѣ Пушкина найдены были безъимянныя письма и началось слѣдствіе. Тайная полиція часто обращалась съ

---

1) Иванъ Петровичъ Сахаровъ, въ своемъ воспоминаніи о Якубовичѣ пишетъ: „Съ Пушкинымъ у нихъ была дружба неразрывная. Предъ смертію Пушкина приходимъ мы, я и Якубовичъ, къ Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ на стулѣ—на полу лежала медвѣжья шкура; на ней сидѣла жена Пушкина, положа свою голову на колѣни мужу. Это было въ воскресенье; а чрезъ три дня уже Пушкинъ стрѣлялся. Здѣсь Пушкинъ горячо спорилъ съ Якубовичемъ и спорилъ дѣльно. Здѣсь я слышалъ его предсмертные замыслы о Словѣ Игорева полка—и только при разборѣ библіотеки Пушкина видѣлъ на лоскуткахъ начатыя замѣтки. Тогда же Пушкинъ показывалъ мнѣ и дополненія къ Пугачеву, собранныя имъ послѣ изданія. Пушкинъ думалъ передѣлать и вновь издать своего Пугачева“ („Русск. Арх.“ 1873 г., кн. II, стр. 955). Якубовичемъ былъ написанъ некрологъ Пушкина въ „Сѣверной Пчелѣ“. *Б. М.*

2) Этотъ некрологъ былъ написанъ Краевскимъ, а не Плетневымъ. *Б. М.*

этими письмами къ нашему отставному профессору Бутырскому—не можетъ ли онъ узнать по почерку этихъ писемъ; потому что подъ его руководствомъ воспитывалось много молодыхъ людей, и слѣд. онъ могъ примѣниться къ разнымъ почеркамъ. Но Бутырской, разумѣется, не могъ узнать. Я слышалъ это отъ Бутырскаго. Слѣдствіе тянулось долго; но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ запутано было много аристократовъ, то оно и кончилось ничѣмъ. Секундантъ Пушкина, Данзасъ, былъ прощенъ; а Дантесъ, какъ не Русскій подданный, высланъ заграницу *).

---

2 Декабря [1844 г.]. Былъ вчера у Никитенки и провелъ вечеръ очень пріятно. Сначала пришелъ туда Краевскій. Разговоръ нечувствительно склонился къ Крылову. Много было говорено о его умѣ — чисто Русскомъ — точномъ, тонкомъ, смѣтливомъ, о его ужасномъ цинизмѣ въ жизни и пр. и пр. Между прочимъ вотъ два анекдота, разсказанные Краевскимъ. Однажды (К. не помнитъ, въ которомъ году) Крыловъ сидѣлъ у Князя Одоевскаго. Приходятъ Якоби, который тогда бредилъ гальвано-пластикой, и химикъ Гессъ [1]). Одоевскій тотчасъ познакомилъ ихъ съ Крыловымъ. Начались разныя вѣжливости и комплименты. Крыловъ между прочимъ сказалъ: „да, и я очень люблю естественныя науки, но не имѣю возможности заниматься ими какъ слѣдуетъ; а потому много вопросовъ для меня нерѣшимы, хотя очень занимаютъ меня“. Якоби и Гессъ, разумѣется, захотѣли узнать, что это за вопросы. „А вотъ, напримѣръ, сказалъ Крыловъ: я не понимаю преломленія лучей свѣта. Положимъ, я отсюда, справа, смотрю на лѣвый конецъ картины и вижу его; а вы слѣва—

*) Щукинскій Сборникъ, вып. VIII, стр. 261—263.

1) Борисъ Семеновичъ Якоби и Германъ Ивановичъ Гессъ — академики Имп. Акад. Наукъ, первый—по механикѣ, а второй—по химіи. *Б. М.*

на правый и также видите. Какимъ же образомъ, если мы видимъ предметы потому, что лучи свѣта падаютъ на нихъ и отражаются въ глазу, здѣсь эти лучи пересѣкаютъ другъ друга и не перемѣшиваются?“ Другой анекдотъ. Въ 1836 году, въ послѣдній годъ жизни Пушкина, у Жуковскаго были субботы. Однажды въ субботу сидѣли у него Крыловъ, Краевскій и еще кто-то. Вдругъ входитъ Пушкинъ, взбѣшенный ужасно. Что за причина? спрашиваютъ всѣ. А вотъ причина: цензоръ Крыловъ не хочетъ пропустить въ стихотвореніи Пушкина — Пиръ Петра Великаго — стиховъ: *чудотворца-исполина чернобровая жена*...[1]). Пошли толки о цензорахъ. Жуковскій, съ свойственнымъ ему дѣтскимъ поэтическимъ простодушіемъ, сказалъ: „странно, какъ это затрудняются цензоры! Уставъ имъ данъ: ну, что подходитъ подъ какое-нибудь правило — не пропускай; тутъ въ томъ только и трудъ: прикладывать правила и смотрѣть“. — „Какой ты чудакъ! сказалъ ему Крыловъ: ну, слушай. Положимъ, поставили меня сторожемъ къ этой залѣ и не велѣли пропускать въ двери плѣшивыхъ. Идешь ты (Жуковскій плѣшивъ и зачесываетъ волосы съ висковъ), я пропустилъ тебя. Меня отколотили палками — зачѣмъ пропустилъ плѣшиваго. Я отвѣчаю: да вѣдь Жуковскій не плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на виски) есть волосы“. Мнѣ отвѣчаютъ: „здѣсь есть, да здѣсь-то (показывая на маковку) нѣтъ“. Ну хорошо, думаю себѣ, теперь-то ужъ я буду знать. Опять идешь ты; я не пропустилъ. Меня опять отколотили палками. „За что“? — „А какъ ты смѣлъ не пропустить Жуковскаго“. — „Да вѣдь онъ плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на темя) нѣтъ волосъ“. — „Здѣсь то нѣтъ, да здѣсь-то (показывая на виски) есть“. — Чортъ возьми,

1) Это стихотвореніе напечатано въ 1-мъ № „Современника“, который вышелъ въ свѣтъ 11-го апрѣля 1836 г., а подписанъ былъ къ печати цензоромъ А. Л. Крыловымъ 31-го марта. *Б. М.*

думаю себѣ: не велѣли пропускать плѣшивыхъ, а не сказали, на которомъ волоскѣ остановиться". Жуковскій такъ былъ пораженъ этой простой истиной, что не зналъ, что отвѣчать, и замолчалъ**).

---

23 фев. [1846 г.]. Вотъ что разсказывалъ графъ Сологубъ Никитенкѣ о смерти Пушкина[1]). Въ послѣдній годъ своей жизни, Пушкинъ рѣшительно искалъ смерти. Тутъ была какая-то психологическая задача. Причины никто не могъ знать, потому что Пушкинъ былъ окруженъ шпіонами: каждое слово его, сказанное въ кабинетѣ самому искреннему другу, было извѣстно правительству. Стало быть — что̀ таилось въ душѣ его, извѣстно только Богу. Онъ искалъ смерти. Въ 1836 г. онъ вызвалъ на дуэль Сологуба, по самой пустой причинѣ, за какую то сплетню. Сологубъ не отказался. Это понравилось Пушкину. Онъ сблизился съ Сологубомъ, и они сдѣлались друзьями. Вскорѣ онъ вызвалъ на дуэль Дантеса — и просилъ Сологуба быть секундантомъ. Сологубъ согласился. Секунданты объяснились съ Дантесомъ. Тотъ сказалъ, что готовъ исполнить всѣ требованія Пушкина. Пушкинъ потребовалъ, чтобы Дантесъ женился на его своячинѣ. Дантесъ женился. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Пушкинъ опять потребовалъ его на дуэль. Дантесъ опять объявилъ, что въ жизни этого великаго человѣка онъ обязанъ будетъ дать отчетъ передъ цѣлымъ народомъ, — и потому готовъ сдѣлать ему всевозможныя уступки. Пуш-

---

**) Щукинскій сборникъ, вып. VIII, стр. 322—323. Этотъ же разсказъ, почти дословно, приведенъ въ статьѣ Василія Заочнаго: „Обозрѣніе литературныхъ журналовъ за апрѣль мѣсяцъ 1862 г." въ „Сѣверной Почтѣ" 1862 г., № 108. *Б. М.*

1) Въ дневникѣ Никитенка этого разсказа нѣтъ. Ср. разсказъ самого Соллогуба въ „Русск. Арх." 1865 г., ст. 1216—1235, и въ „Воспоминаніяхъ" его, С.-Пб. 1887, стр. 175—188. *Б. М.*

кинъ сказалъ, что онъ хочетъ непремѣнно стрѣляться съ нимъ; потому что они не могутъ жить вмѣстѣ. Сологубъ уѣзжалъ тогда въ Москву, и секундантомъ Пушкина былъ Данзасъ. Разумѣется обвиненія пали на жену Пушкина, что она будто бы была въ связяхъ съ Дантесомъ. Но Сологубъ увѣряетъ, что это сущій вздоръ. Жена Пушкина была въ формѣ красавица и поклонниковъ у ней были цѣлые легіоны. Немудрено стало быть, что и Дантесъ покланялся ей, какъ красавицѣ; но связей между ними никакихъ не было. Подозрѣваютъ другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной[!] при Дворѣ, такъ думаютъ что не было-ли у ней связей съ Царемъ. Изъ этого понятно будетъ, почему Пушкинъ искалъ смерти и бросался на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Для души поэта не оставалось ничего, кромѣ смерти [1]).

---

1) Щукинскій сборникъ, вып. VIII, стр. 327—328.

Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него[1]).

Извѣстія о „лицейскихъ годовщинахъ“ и ихъ празднованіи I-мъ курсомъ во времена Пушкина, на основаніи современныхъ сохранившихся бумагъ и протоколовъ, сгруппированы въ статьяхъ старѣйшихъ бытописателей лицейской старины В. П. Гаевскаго и Я. К. Грота[2]).

Писавшій о томъ еще при жизни многихъ товарищей Пушкина, по случаю 50-лѣтія Лицея (въ 1861 г.), Гаевскій имѣлъ въ рукахъ наиболѣе источниковъ изъ лицейскаго архива и обнародовалъ изъ нихъ все главное и существенное. Тѣми же почти матеріалами, дошедшими до него, однако же, уже не въ полномъ объемѣ, воспользовался Я. К. Гротъ, передавшій, впрочемъ, кое-что подробнѣе и сдѣлавшій еще нѣкоторыя добавленія въ своемъ разсказѣ.

Здѣсь мы намѣрены объединить всѣ имѣющіяся объ этихъ годовщинахъ извѣстія въ систематическомъ (хронологическомъ) порядкѣ, дополнивъ ихъ изъ дошедшихъ

---

1) Настоящая статья является переработкой и распространеніемъ очерка, помѣщеннаго нами въ газ. „Новое Время“ 19 окт. 1909 г. (№ 12071), нынѣ значительно дополненнаго еще извѣстіями о празднованіи Лицейскаго дня послѣ Пушкина не только I-мъ курсомъ, но и ближайшими къ нему.

2) Въ „Отечеств. Запискахъ“ 1861 г., т. CXXXIX, стр. 29—41 и въ кн. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, 2 изд., С.-Пб. 1899, стр. 81—86 и 284—87 (тоже въ „Трудахъ Я. К. Грота“, ч. III).

до насъ бумагъ еще нѣсколькими новыми, не вошедшими въ прежнія сообщенія, подробностями и чертами изъ Пушкинскаго времени, а равно и нѣкоторыми документами о послѣдующихъ лицейскихъ годовщинахъ, какъ ихъ праздновали товарищи Пушкина и старѣйшіе курсы послѣ его кончины.

I.

Безъ сомнѣнія, обычай вспоминать день открытія Лицея (19 октября 1811 г.) ежегодной сходкой на скромную товарищескую пирушку установился у воспитанниковъ I курса непосредственно по выходѣ изъ Лицея (въ 1817 г.), такъ какъ навѣрно и въ стѣнахъ Лицея они привыкли по своему чествовать этотъ день. Но о первыхъ годовщинахъ, съ 1817 по 1822 г., мы свѣдѣній не имѣемъ. Пушкинъ оставилъ Петербургъ весной 1820 г. и послѣ того впервые посѣтилъ столицу лишь весной 1827 г., такъ что въ собраніяхъ этой эпохи не могъ участвовать.

Первыя письменныя воспоминанія о праздновавіи дня 19 октября относятся къ 1822 году. Первенцы Лицея собирались въ эту эпоху въ день 19 октября вечеромъ то у одного, то у другого товарища и за дружеской трапезой и жжёнкой проводили долгіе часы въ задушевной бесѣдѣ, воспоминаніяхъ о лицейскихъ годахъ и о пережитомъ въ стѣнахъ Лицея и въ пѣніи лицейскихъ пѣсенъ и своихъ импровизацій. Такъ какъ эти вечернія пирушки обыкновенно очень затягивались, то впослѣдствіи, когда участники ихъ, достигнувъ почтенныхъ лѣтъ, по состоянію ли здоровья, или по обязанностямъ службы, нерѣдко принуждены были манкировать, ужины были замѣнены съ 1835 г. обѣденными собраніями, тоже происходившими всегда у одного изъ товарищей и имѣвшими поэтому все такой же семейный характеръ.

И такъ, въ *1822 г.* собрались у Илличевскаго, по свидѣтельству Гаевскаго (самаго протокола не сохранилось),

15 человѣкъ[1]). Были пѣты сочиненные лицейскими поэтами куплеты (Илличевскаго и Дельвига).

Изъ экспромпта перваго, справедливо признаннаго очень слабымъ, былъ напечатанъ лишь одинъ (третій) куплетъ. Такъ какъ для исторіи важнѣе содержаніе, чѣмъ поэтическія достоинства, то мы приводимъ его цѣликомъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ мы лицейски стали,
Одиннадцать ужъ лѣтъ прошло,
Но октября не миновали
Мы 19-то число.

Такъ этотъ день на сердцѣ вѣчно
Останется у насъ, друзья,
Родные братья мы конечно
И нашъ лицей одна семья.

Здѣсь всѣ мы: изъ Литвы, Сибири,
Изъ-за Бухаріи степей,
Такъ нынѣ на моей квартирѣ
Возобновляется лицей.

Доколѣ сердце въ насъ свободно
И чести внятенъ строгій гласъ,
Дадимъ же руки ежегодно
Мы освящать сей день межъ насъ.

---

1) В. П. Гаевскій, располагавшій, очевидно, и протоколомъ этой сходки, гдѣ были, вѣроятно, поименованы присутствовавшіе, не счелъ нужнымъ сообщить подробности, по его мнѣнію, „любопытныя" де „только для небольшого кружка", а отмѣтилъ лишь, что эти подробности имѣются въ переданной имъ въ библіотеку Лицея рукописи его статьи. Не знаемъ, сохранилась ли въ Лицеѣ эта рукопись, но по крайней мѣрѣ въ описаніи лицейскаго Пушкинскаго Музея (изд. Лицея подъ ред. И. А. Шляпкина, С.-Пб. 1899) мы не нашли о ней упоминанія.

А вотъ и слѣдующій за этимъ экспромптъ Дельвига:

Что Илличевскій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ кажетъ намъ бокалъ,
Ура друзья! Въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.

Какъ пѣсни пѣть не позабыли
Лицейскаго мы Мудреца,
Дай Богъ, чтобъ такъ-же сохранили
Мы скотобратскія сердца.

Пушкинъ въ это время былъ на югѣ, въ Кишиневѣ, и навѣрно не забылъ 19-го числа.

1823 годъ. О лицейской годовщинѣ этого года не сохранилось письменныхъ воспоминаній, но есть основаніе думать, что она справлялась подобнымъ же образомъ[1]). Пушкинъ проводилъ этотъ день въ Одессѣ.

О годовщинѣ въ *1824 г.*, къ сожалѣнію, уже не дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства были еще въ рукахъ у В. П. Гаевскаго. Онъ сообщаетъ, что на сходкѣ на квартирѣ у жившихъ вмѣстѣ Вольховскаго, Стевена и Яковлева было рѣшено: въ 1827 г., въ десятилѣтіе со дня выпуска, праздновать серебряную дружбу, а по прошествіи 20 лѣтъ — золотую. Но впослѣдствіи предположеніе это было забыто, а въ годъ 20-лѣтія не стало и Пушкина. Въ заключеніе ужина Дельвигъ сочинилъ экспромптъ, пропѣтый тутъ же хоромъ на голосъ извѣстной пѣсни Коцебу: „Es kann doch nicht immer so bleiben“:

Семь лѣтъ пролетѣли, но, дружба,
Ты та же у старыхъ друзей:
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про лицей.

---

1) См. протоколъ 1828 г. (писанный Пушкинымъ) о стихахъ предшествовавшихъ „шести годовъ“ (т. е. 1822 — 27 гг.).

Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой,
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай.

Пушкинъ въ этомъ году проводилъ 19 октября уже у себя въ Михайловскомъ[1]).

1825 годъ. Въ этомъ году Пушкинъ жилъ еще въ Михайловскомъ и написалъ тамъ свою первую „Лицейскую годовщину“, знаменитые чудные стихи: „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“, всецѣло обращенные къ далекимъ товарищамъ, собравшимся въ этотъ день на обычную пирушку.

Вспомнимъ не вошедшій въ окончательную редакцію стиховъ и сохранившійся въ рукописи 2-ой куплетъ:

Товарищи, сегодня праздникъ нашъ;
Завѣтный срокъ! сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, на сладостное вѣче
Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
Вы собрались, мгновенно молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить на языкѣ Лицея
И съ жизнью вновь свободно пошалить.

А вотъ и столь извѣстный 17-й куплетъ:

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ,

---

1) Въ февралѣ (28-го) 1824 г. директоръ Энгельгардтъ писалъ Ѳ. Ѳ. Матюшкину: „Сегодня у меня на прощаніи обѣдаютъ Пущинъ и Данзасъ, которые дня въ два отправляются и съ которыми и письмо мое поѣдетъ. Будетъ лицейскій обѣдъ на Васильевскомъ островѣ (т. е. у Энгельгардта?), ибо настоящій Лицей теперъ — внѣ Лицея; онъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и проч., гдѣ есть нѣсколько чугунниковъ“. См. Д. Ѳ. Кобеко, „Дир. Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы—„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“ 1899, № 1, стр. 95.

Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Товарищи Пушкина собрались въ этотъ день—не знаемъ у кого, быть можетъ тамъ же, гдѣ и въ предыдущемъ году. В. П. Гаевскій, неизвѣстно откуда, почерпнулъ извѣстіе, что на этотъ разъ въ числѣ собравшихся находился въ первый и послѣдній разъ Кюхельбекеръ — незадолго, слѣдовательно, до печальныхъ декабрьскихъ событій, столь роковыхъ въ его судьбѣ. Но въ сохранившихся записяхъ стиховъ и именъ присутствовавшихъ нѣтъ никакихъ тому доказательствъ.

На этомъ собраніи пѣлись опять импровизированные стихи Дельвига (записанные Яковлевымъ на голосъ пѣсни изъ „Волшебнаго стрѣлка“), изъ которыхъ Гаевскимъ приведены только два куплета. Приводимъ здѣсь всѣ стихи цѣликомъ:

Въ третій разъ, мои друзья,
Вамъ пою куплеты я
На пиру лицейскомъ.
О, моя, повѣрьте, тѣнь
Огласитъ сей братскій день
Въ царствѣ Елисейскомъ.

Хоть немного было насъ,
Но засталъ насъ первый часъ
Дружныхъ и веселыхъ.
Отъ вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
Отъ стиховъ тяжелыхъ.

И въ четвертый разъ, друзья,
Воспою охотно я
Вамъ лицейскій праздникъ.
Лейся жжёнка черезъ край,
Ты жъ подъ голосъ нашъ играй,
Яковлевъ проказникъ.

Подъ этими стихами читаемъ:

„19 октября 1825.

„На праздникѣ были: бар. Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ“.

Итакъ всего 6, а не 7, и между ними нѣтъ Кюхельбекера. Развѣ предположить случайное, а можетъ быть и сознательное, обдуманное отсутствіе его подписи [1])?

Къ слѣдующему, *1826 г.*, въ которомъ еще не сбылась надежда Пушкина, высказанная въ стихахъ 1825 г., что онъ будетъ черезъ годъ опять въ кругу товарищей, относятся только сохранившіеся на сильно запачканномъ листкѣ почтовой бумаги куплеты опять тѣхъ же Илличевскаго и барона Дельвига (сдержавшаго свое обѣщаніе „и въ четвертый разъ воспѣть лицейскій праздникъ“); но ни объ участникахъ сборища, ни о томъ, у кого оно было, нѣтъ тутъ упоминанія. Впрочемъ, изъ стиховъ Дельвига мы узнаемъ, что друзья не досчитывались на этотъ разъ двоихъ изъ своей среды. Кто эти двое? Судя по посвященнымъ имъ стихамъ, это были пострадавшіе вслѣдствіе участія въ дѣлѣ декабристовъ Пущинъ и Кюхельбекеръ, которые, впрочемъ, и не одни только отсутствовали и въ предыдущіе годы (хотя о Кюхельбекерѣ есть, какъ мы видѣли, сомнѣніе для 1825 г.). О нихъ упомянуто ско-

1) Гаевскій, замѣчая, что на этой сходкѣ не было, кромѣ Дельвига, никого изъ товарищей, которыхъ вспомнилъ поэтъ въ своей „Лицейской годовщинѣ“, самъ противорѣчитъ своему показанію, что на ней присутствовалъ Кюхельбекеръ.

рѣе по трагической важности и безнадежности постигшей ихъ тяжкой доли.

Стихи Илличевскаго:

Хвала лицейскимъ! Святъ обѣтъ
Имъ день сей праздновать свиданьемъ,
Уже мы розно девять лѣтъ,
Но связаны воспоминаньемъ!

И что же время намъ? Оно
Расторгнуть братскихъ узъ не смѣетъ,
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнетъ, чѣмъ старѣетъ.

Стихи Дельвига:

Снова, други, въ братскій кругъ
Собралъ насъ отецъ похмелья,
Поднимите жъ кубки вдругъ
Въ честь и дружбы и веселья.

Но на время омрачимъ
Мы веселье наше, братья,
Что мы двухъ друзей не зримъ
И не жмемъ въ свои обьятья.

Нѣтъ ихъ съ нами, но въ сей часъ
Въ ихъ сердцахъ пылаетъ пламень.
Вѣрьте. Внятенъ имъ нашъ гласъ,
Онъ проникнетъ твердый камень.

Выпьемъ, други, въ память ихъ!
Выпьемъ полные стаканы.
За далекихъ, за родныхъ
Будемъ нынѣ вдвое пьяны.

1826 г. октября 19-го.

Пушкинъ провелъ этотъ день въ 1826 году въ Москвѣ, а вскорѣ затѣмъ, въ декабрѣ, изъ Пскова послалъ извѣстный поэтическій привѣтъ И. И. Пущину, посѣтившему „поэта домъ опальный“ въ Михайловскомъ въ январѣ рокового для него 1825 года, — привѣтъ, достигшій своей цѣли (Сибири) лишь въ 1828 году:

„Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!“ и пр.

Отъ *1827 года* не сохранилось ни протокола, ни стиховъ. Не знаемъ, гдѣ собирались лицейскіе первокурсники въ этомъ году. Пушкинъ, на участіе котораго въ этой пусходкѣ есть косвенное указаніе въ запискахъ И. И. Пущина[1]), прославилъ эту годовщину задушевнымъ привѣтомъ:

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

Незадолго до 19-го октября, именно 14-го, произошла извѣстная случайная встрѣча поэта (ѣхавшаго въ Петербургъ) около Боровичей съ Кюхельбекеромъ, котораго переводили тогда изъ Шлиссельбурга въ Динабургъ, — столь жестоко прерванная встрѣча, описанная самимъ Пушкинымъ, а также въ рапортѣ сопровождавшаго ссыльныхъ фельдъегеря своему начальству[2]).

---

1) На это ссылается Н. Лернеръ въ „Русск. Арх.“, февр. 1910 (стр. 216). Но трудно положиться на воспоминаніе, записанное Пущинымъ спустя почти 30 лѣтъ послѣ событія.

2) См. разсказъ П. „Встрѣча съ Кюхельбекеромъ“ — Соч. Пушк., изд. подъ ред. Морозова, т. V, стр. 51—52. Срв. Лернеръ, тамъ-же, о вѣроятномъ прибытіи поэта къ 19-му октября въ столицу.

Наконецъ, въ *1828 г.* Пушкинъ, впервые послѣ своего отъѣзда изъ Петербурга въ 1820 г., принялъ участіе въ товарищеской сходкѣ 19-го октября и притомъ столь живое, что самъ собственноручно записалъ протоколъ собранія.

Объясненія къ нему читатель можетъ найти въ извѣстныхъ статьяхъ гг. Гаевскаго и Грота. Вотъ онъ дословно:

„19 октября 1828. Спб.

Собрались на пепелище скотобратца курнофеіуса Тыркова (по прозвищу кирпичнаго бруса) 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ—Тося, Илличевскій—Олосенька, Яковлевъ—Паясъ, Корфъ—дьячокъ-морданъ, Стевенъ — Шведъ, Тырковъ (смотри выше), Комовскій—лиса, Пушкинъ — Французъ (смѣсь обезіаны съ тигромъ):

а) пѣли извѣстный лицейскій пэанъ Лѣто, знойна. NB. Пушкинъ-Французъ открылъ, и согласилъ съ нимъ соч. Олосенька, что должно вмѣсто общеупотребительнаго припѣва „Лѣто знойно“ пѣть, какъ выше означено. b) вели бесѣду. с) выпили вдоволь ихъ здоровій. d) пѣли рефутацію г. Беранжера. е) пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ. f) пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ. g) Олосенька въ видѣ французскаго тамбура мажора утѣшалъ собравшихся. h) Тырковіусъ безмолвствовалъ. j) толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенія скотобратцевъ. k) Паясъ представлялъ восковую персону. l. и завидѣли на дворѣ часъ первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику императорскаго лицея Пушкину-Французу, иже написа сію грамоту“.

Слѣдуютъ собственноручныя подписи перечисленныхъ восьми друзей съ ихъ прозвищами въ скобкахъ, а въ заключеніе, опять рукою Пушкина, — его четверостишіе:

„Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ *ура*,
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора“.

Дѣйствительно, поэтъ вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ деревню.

О празднованiи лицейской годовщины въ *1829 и 1830 г.* товарищами Пушкина, къ сожалѣнiю, не сохранилось никакихъ прямыхъ документальныхъ извѣстiй. Самого поэта въ эти годы не было въ столицѣ: конецъ октября 1829 года онъ проводилъ въ своей псковской деревнѣ (впрочемъ, 16-го числа онъ былъ въ тверскомъ имѣнiи Вульфа Малинникахъ, откуда писалъ А. Н. Вульфу), а въ 1830 г.—въ Болдинѣ (женихомъ). Вскорѣ послѣ 19-го октября Пушкинъ получилъ письмо отъ Кюхельбекера изъ Динабурга отъ 20-го октября, въ которомъ тотъ вспоминаетъ о нихъ случайной встрѣчѣ въ 1827 г. и о 19-мъ: „Вчера былъ лицейскiй праздникъ; мы его праздновали не вмѣстѣ, но одними воспоминанiями, одними чувствами“ . . .[1]).

Впрочемъ, о празднованiи въ 1829-мъ и въ 1830-мъ гг. остался все таки слѣдъ въ сохранившихся письмахъ: 1) Энгельгардта къ Матюшкину и 2) Костенскаго къ Вальховскому.

18-го ноября 1829 старый директоръ писалъ Матюшкину: „Я было хотѣлъ, при сходкѣ 19 октября, чтобы написали къ тебѣ всѣ собранные скотобратцы посланiя, но эта сходка по какому-то недоразумѣнiю не сошлась; у Тыркова было три человѣка и у Дельвига четыре, я же, не зная—куда? не былъ нигдѣ. Впрочемъ, число нашихъ здѣсь очень мало: Дельвигъ, Стевенъ, Корфъ, Яковлевъ, Тырковъ, Илличевскiй и Комовскiй, да заштатные Гревеницъ, Юдинъ, Мартыновъ и Костенскiй; прочiе всѣ разсыпаны“[2]). А вотъ письмецо Костенскаго 1830 г.:

1) См. П. И. Бартенева „А. С. Пушкинъ“, ч. I, М. 1881, стр. 49—51.
2) Кобеко, ibid., стр. 97.

„Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, потрудитесь благодарить гг. моихъ товарищей за сдѣланное мнѣ приглашеніе: оно для меня лестно тѣмъ болѣе, что этимъ самымъ показываетъ, что любовь товарищей перваго выпуска пылаетъ все также и въ 1830 году, какъ и въ 1811-мъ. Но мнѣ къ крайнему сожалѣнію нельзя быть участникомъ вашего веселія: я страдаю горломъ вотъ уже четыре недѣли, ничего не могу ни ѣсть, ни пить. Повѣрь мнѣ, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, что это истинная правда[1]). Повеселитесь, господа, и безъ меня, а за здоровье больного хоть одну рюмку.

Вамъ преданный К. Костенскій.

19 окт. 1830".

Въ *1831 г.* товарищи вновь собрались 19 октября, на сей разъ у Яковлева, всемеромъ. Долженъ былъ быть и Пушкинъ, вернувшійся въ эти дни въ столицу изъ Царскаго Села, но, по словамъ протокола, онъ „не былъ потому только, что не нашелъ квартиры". Какъ-то мало правдоподобною кажется такая причина! Тѣмъ болѣе, что передъ послѣдними словами находится зачеркнутая фраза (которую намъ все-же удалось прочесть); „не хотѣлъ до 19 октября увидѣться съ кѣмъ либо изъ Лицейскихъ товарищей 1-го выпуска"; вѣдь и такое объясненіе мало разъясняетъ дѣло. Не отговорка ли это? Не искать ли скорѣе разгадки этого факта въ недавней женитьбѣ поэта, въ его тяготѣніи къ домашнему очагу, а можетъ быть, еще скорѣе,— въ опасеніи его нарушить товарищеское веселье невольными грустными воспоминаніями объ умершемъ (въ январѣ того года) лучшемъ другѣ своемъ Дельвигѣ и другихъ лицейскихъ утратахъ[2]) и своими собственными

1) Вѣроятно, это была его смертельная болѣзнь: онъ скончался въ концѣ того-же 1830-го года. *К. Г.*

2) Есаковъ и Саврасовъ скончались въ томъ же году.

мрачными предчувствіями? Вѣдь эта грустная нота такъ сильно звучитъ въ прекрасныхъ его стихахъ на годовщину этого года!.. Онъ бы долженъ былъ ихъ прочесть на дружеской пирушкѣ, а быть можетъ боялся при этомъ не совладать съ собой и некстати расчувствоваться (какъ это съ нимъ дѣйствительно случилось въ послѣднюю сходку 1836 г. при чтеніи его послѣдней „Годовщины“)... Вѣдь здѣсь уже, въ 1831 г., онъ предрекъ свой скорый конецъ. Вспомнимъ строки:

„Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ:
Шести друзей не узримъ болѣ[1]):
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой —
И всѣхъ мы братски поминали.
И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.“

И это предчувствіе его сбылось такъ скоро: въ 1837 году пришла, дѣйствительно, его очередь!

Протоколъ собранія 1831 года записанъ Яковлевымъ, въ квартирѣ котораго собрались участники, на томъ же листѣ, на которомъ написанъ Пушкинымъ протоколъ 1828 года.

Онъ гласитъ: „Праздновали на квартирѣ Яковлева (въ казенномъ домѣ, на Литейной). Собрались: Илличевскій, Корниловъ, Стевенъ, Комовскій, Данзасъ, Корфъ.

1) Эти шесть умершихъ были: Ржевскій, Корсаковъ, Костенскій, Дельвигъ, Есаковъ и Саврасовъ. См. о нихъ статью Д. Ѳ. Кобеко „Шесть упраздненныхъ мѣстъ“ въ изд. „Пушкинъ и его современники“, вып. V, С.-Пб. 1907, стр. 75—81.

Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры (послѣднія два слова написаны вмѣсто приведенной выше зачеркнутой фразы).

При заздравномъ кубкѣ или заздравной чашѣ вспоминали пѣвца 19 октября:

И первую полнѣй, друзья, полнѣй,
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови! да здравствуетъ лицей!

Подписались: Корфъ (дьячокъ Морданъ), Комовскій (лиса-смола), Илличевскій (Олосенька и К...[1]), Корниловъ (Сибирякъ), Стевенъ (Шведъ), Данзасъ (осада Данцига). Скрѣпилъ Яковлевъ (паясъ 200 №№)".

Не смотря на состоявшуюся сходку, быть можетъ въ виду отсутствія на ней Пушкина, старый директоръ Е. А. Энгельгардтъ сообщилъ о 19-мъ октября своему далекому другу И. И. Пущину, повидимому, неутѣшительныя вѣсти[2]). По крайней мѣрѣ, отъ имени Пущина жена декабриста, баронесса А. В. Розенъ писала Егору Антоновичу въ февралѣ 1832 г.: ... „Грустно ему было читать въ письмѣ вашемъ о послѣднемъ 19-мъ октября. Прискорбно ему, что этотъ день уже такъ мало соединяетъ людей около стараго Директора. Передайте дружескій поклонъ Ивана Ивановича всѣмъ вѣрнымъ союзу дружбы; охладѣвшимъ попеняйте. Для него собственно этотъ день связанъ съ незабвенными воспоминаніями,—онъ его чтитъ ежегодно памятью о всѣхъ старыхъ товарищахъ, старается сколько возможно живѣе представить себѣ бытъ и кругъ дѣйствія

1) Неразборчиво.

2) Можно думать, что Е. А. уже тогда мечталъ объединить около себя для празднованія Лицейской годовщины всѣхъ воспитанниковъ первыхъ 3-хъ курсовъ и ворчалъ на сепаратизмъ I-го курса.

каждаго изъ нихъ. Вы согласитесь, что это довольно трудно послѣ столь продолжительной и вѣроятно вѣчной разлуки. Воображеніе дополняетъ недостатокъ существенности. При этомъ случаѣ И. И. проситъ напомнить вамъ его просьбу: онъ желалъ бы имѣть отъ васъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ его лицейскихъ товарищей"...

Въ *1832 г.* Пушкинъ былъ 19-го октября въ Петербургѣ, пріѣхавъ туда изъ Москвы, кажется, числа 12-го, т. е. за недѣлю, и лицейское собраніе состоялось при его участіи, о чемъ Е. А. Энгельгардтъ сообщаетъ въ письмѣ къ его товарищу Матюшкину отъ 23-го октября: „Кстати о 19 октября: была сходка годичная, не людная.: Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевенъ, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ, итого 8 человѣкъ. Юдинъ, Гревеницъ, Мартыновъ не являются. Собраніе было у Илличевскаго, въ квартирѣ женатаго брата его. Пушкинъ говорилъ довольно милые стишки, которые надѣюсь получить и прислать тебѣ. Поминали старину, поминали отсутствующихъ, умершихъ: и тѣхъ и другихъ много. Спасибо остающимся, что держатся старины" [1]).

Итакъ, въ этомъ году собрались тѣ-же, что въ предыдущемъ, съ прибавленіемъ Пушкина. Что за стихи онъ читалъ, мы не знаемъ: въ нашихъ бумагахъ отъ этой годовщины не дошло ничего.

Въ *1833 г.* лицейскіе друзья несомнѣнно собирались (о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившійся листъ со стихами), но на сей разъ опять безъ Пушкина, который былъ въ Болдинѣ. На листѣ подъ заголовкомъ „19 октября 1833 года" написаны стихи рукой Илличевскаго:

Опять мы на лицейскій праздникъ
Соединились въ кругъ родной.

---

1) Д. Ѳ. Кобеко, тамъ же, стр. 101.

Спасибо, Яковлевъ проказникъ,
Ты староста у насъ лихой!

Лицей, когда мы соберемся,
Въ насъ обновляется опять...
Смотрите жъ, братцы, поклянемся
День этотъ вѣчно поминать.

Внизу карандашомъ приписка рукою Яковлева:

Нашъ Пушкинъ далеко,
Нашъ добрый Дельвигъ въ гробѣ
И вся поэзія въ одной моей утробѣ!

Собраніе это, безъ сомнѣнія, было опять у Яковлева — „лицейскаго старосты", но должно быть уже на новой его квартирѣ (на Екатерининскомъ каналѣ, въ бывшемъ домѣ Библейскаго Общества), куда онъ переселился въ началѣ 1833 года, какъ видно изъ одной записочки къ нему барона М. А. Корфа (28-го марта), пославшаго ему на новоселье чайный сервизъ. „Домъ твой—какъ полная чаша, любезный Михайло Лукьяновичъ,—писалъ ему Корфъ,—но самъ ты мнѣ сказалъ, что нѣтъ у тебя чайнаго сервиза: спѣшу немножко этому пособить и прошу принять на новоселье слѣдующій присемъ сервизецъ, весьма неважный и небольшой, но который погодится хоть на 19 октября или на другой день, когда ты задумаешь собрать у себя нашихъ".

Служившій тогда на Кавказѣ Вольховскій въ письмѣ къ Яковлеву отъ 17-го октября 1833 г. изъ Тифлиса, вспоминая дорогихъ товарищей, прибавилъ: „Надѣюсь, что получу отъ кого-нибудь реляцію о 19-мъ октября" [1]).

1) Этотъ 1833 г. ознаменовался тѣмъ, что 17-го октября осчастливилъ Лицей своимъ посѣщеніемъ Государь Николай Павловичъ (во 2-ой разъ; въ 1-й разъ онъ былъ въ 1829 г.).

19-го октября *1834 года* Пушкинъ былъ въ Петербургѣ, вернувшись изъ Болдина 18-го октября, т. е. къ самой годовщинѣ, и участвовалъ въ сходкѣ, опять состоявшейся у Яковлева. Сохранилась записочка поэта къ послѣднему: „Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? не правда ли? № 14.—19 октября 1834“.

Кромѣ того, сохранилась записка барона Корфа къ Яковлеву съ лаконическимъ вопросомъ: „Что прикажете? 19 октября 1834“, и затѣмъ подъ этимъ, рукою Яковлева, уже послѣ собранія, записано:

„Были на праздникѣ на квартирѣ Яковлева, въ бывшемъ домѣ Библейскаго Общества на Екатерининскомъ каналѣ.

1) Стевенъ, 2) Пушкинъ, 3) Данзасъ, 4) баронъ Корфъ, 5) Матюшкинъ, 6) Комовскій и 7) Яковлевъ“. Сбоку приписано: „Илличевскій за болѣзнью не былъ“.

Сохранилась и краткая, написанная Яковлевымъ, протокольная запись объ этомъ собраніи съ наименованіемъ восьми лицъ, т. е. всѣхъ, кто долженъ былъ присутствовать (включая и Илличевскаго): 1) Матюшкинъ, 2) баронъ Корфъ, 3) Комовскій, 4) Стевенъ, 5) Илличевскій, 6) Данзасъ, 7) Яковлевъ, 8) Пушкинъ, и тутъ же внизу записанъ счетъ истраченному на пирушку:

„Ужинъ	60 р.	—	к.
Вино	55 „	—	„
3 ф. миндаля	3 „	75	„
3 ф. изюму	3 „	—	„
4 десятка бергамотъ	3 „	20	„
	124 р.	95	к.“

По поводу лицейской годовщины 1834 г. отъ имени И. И. Пущина писала княгиня Е. И. Трубецкая еще 5-го октября изъ Петровскаго Завода къ Е. А. Энгельгардту: „. . . Онъ (т. е. И. И. Пущинъ) увѣренъ, что въ нынѣшнемъ мѣ-

сяцѣ, 19-го числа, соберутся у васъ[1]) или гдѣ нибудь лицейскіе. Вы имъ скажете, что Ив. Ив., не смотря на отдаленіе, мысленно въ вашемъ кругу: онъ убѣжденъ, что, не дожидаясь этого письма, вы увѣрили всѣхъ, что онъ какъ бы слышитъ ваши бесѣды этого дня и что онѣ находятъ вѣрный отголосокъ въ его сердцѣ"...

Протокола праздника лицейской годовщины въ *1835 г.* не дошло до насъ, но сохранилось нѣсколько записочекъ, свидѣтельствующихъ, что собраніе этого года было многолюднѣе предыдущихъ и что къ обычнымъ участникамъ прибавилось еще нѣсколько. Особенностью праздника было то, что ужинъ былъ замѣненъ обѣдомъ. Яковлевъ 18-го октября извѣщаетъ объ этомъ Илличевскаго слѣдующей запиской: „По желанію Вашего Высокородія, завтра у насъ назначенъ обѣдъ, вмѣсто ужина. Просимъ покорно къ 4-мъ часамъ пожаловать на извѣстную квартиру или Лицейское Подворье.—М."

Илличевскій на это отвѣчалъ: „Я ужъ слышалъ отъ Комовскаго о такомъ предположеніи, которое для меня очень съ руки и вѣрно болѣе по сердцу устарѣвшимъ скотобратцамъ, нежели безконечные вечера и неизбѣжные ужины, крайне тягостные для многихъ желудковъ. На вечеръ я можетъ быть и не явился бы, а теперь твой покорнѣйшій слуга".

Въ другой запискѣ того же числа Комовскій писалъ къ Яковлеву: „Ломоносовъ уѣхалъ въ Кронштатъ; но непремѣнно хотѣлъ воротиться къ Лицейскому обѣду и быть у тебя завтра около 4 часовъ вмѣстѣ съ Юдинымъ и Гревеницемъ, коихъ я ни въ Канцеляріи, ни дома не засталъ. Сверхъ того я написалъ особыя записки къ Гревеницу, Корфу и Стевену, а потому вели приготовить

---

1) Какъ извѣстно, это была давняя мечта Е. А. — быть объединителемъ лицейскихъ первенцевъ въ дни Лицея. *К. Г.*

лучше обѣдъ на полное число нашихъ съ небольшимъ завтракомъ[1]) въ ожиданіи запоздалыхъ.

Весь твой С. Комовскій.

Илличевскаго лично пригласилъ.

18 октября 1835.“

Наконецъ, на третьей записочкѣ расписался (карандашемъ) *№ 41* (т. е. Мясоѣдовъ): „Явлюсь непремѣнно“.

Повидимому, къ этому же году относится записочка Корфа къ Яковлеву отъ 18-го октября (безъ обозначенія года): „Пріѣхалъ Ломоносовъ: я думаю, что послѣ такого долгаго времени, всѣмъ столько же, какъ и мнѣ, пріятно бы было увидѣться съ нимъ въ нашей дружеской бесѣдѣ, — мнѣніе, которое вѣрно и ты, любезный Михайло Лукьяновичъ, вполнѣ раздѣляешь. Но я не знаю, гдѣ онъ живетъ; можетъ быть тебѣ это извѣстно и тогда не дашь ли ему знать о нашей завтрашней сходкѣ? Я истинно бы обрадовался свиданію съ нимъ.

Твой Модестъ.

18 окт.“

Въ виду многолюдства этой сходки очень жаль, что не сохранилось о ней никакихъ другихъ подробностей. Но главный вопросъ, насъ интересующій: былъ ли на этомъ собраніи Пушкинъ? Еще недавно мы высказались объ этомъ утвердительно[2]), предположивъ, что поэтъ успѣлъ попасть на пирушку друзей, пріѣхавъ въ Петербургъ изъ Михайловскаго въ самый день 19-го; но нынѣ, вновь разсмотрѣвъ подробнѣе всѣ данныя[3]), мы затрудняемся утверждать это и склонны, напротивъ, усумниться въ этомъ. Конечно, чтобъ допустить участіе Пушкина, оставалось бы только предположить его возвращеніе въ столицу именно

1) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, закуска.

2) Въ статьѣ, напечатанной въ „Новомъ Времени“, 19 окт. 1909.

3) Къ этому насъ побудили сомнѣнія, высказанныя намъ Н. О. Лерneромъ.

лишь 19-го, ибо раньше онъ поспѣть едва-ли могъ. Но дѣло въ томъ, что во 1-хъ, по многимъ соображеніямъ, его 19-го еще не было въ Петербургѣ, а во 2-хъ если-бъ даже онъ пріѣхалъ въ этотъ день, то его пріѣздъ, какъ видно изъ переписки его родныхъ, былъ для всѣхъ полною неожиданностью. Ни товарищи не ждали его (слѣдовательно не могли во́ время оповѣстить его), ни онъ не могъ знать, когда и гдѣ назначено собраніе (обѣдъ вмѣсто ужина). Въ перепискѣ же товарищей наканунѣ нѣтъ о немъ никакого упоминанія[1]). Итакъ, въ вопросѣ объ участіи поэта въ

1) Изъ данныхъ переписки самого поэта и изъ переписки его сестры Ольги Сергѣевны съ мужемъ, помѣщенной въ выдержкахъ (но, къ сожалѣнію, часто безъ точныхъ датъ) въ „Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ" Л. Павлищева (М. 1890), мы знаемъ, что Пушкинъ, получивъ отпускъ на 3 мѣсяца, уѣхалъ изъ Петербурга 12-го сентября и собирался пробыть въ деревнѣ (въ Тригорскомъ), по словамъ сестры, весь ноябрь. Еще 11-го октября Пушкинъ пишетъ изъ Михайловскаго Плетневу (Соч. Пушк., VII; № 432, стр. 385), не собираясь еще въ столицу и замѣчая лишь: „Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ Вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось"... Внезапное его рѣшеніе вернуться было вызвано, по всѣмъ вѣроятіямъ, серіозной болѣзнью матери. Родители поэта жили лѣтомъ въ Павловскѣ, гдѣ была и пріѣхавшая изъ Варшавы ихъ дочь, О. С. Павлищева, съ сыномъ. Изъ ея-то писемъ къ мужу мы и почерпаемъ наши свѣдѣнія и соображенія. Вѣроятно (какъ можно заключить изъ сопоставленія извѣстій) старики-Пушкины переѣхали въ городъ въ 20-хъ числахъ сентября, а можетъ быть и въ началѣ октября, не имѣя еще новой квартиры, а О. С. осталась еще на нѣкоторое время въ Павловскѣ. Такъ какъ сына не было дома, а жену его старики не хотѣли стѣснять, то остановились пока у знакомыхъ: мать у Княжниной, а отецъ у графа Толстого. Тутъ-то мать поэта и расхворалась серіозно, и вѣроятно объ этомъ тотчасъ и дано было знать сыну—поэту, который получилъ письмо о томъ очевидно послѣ 11-го октября (письма къ Плетневу) и вслѣдствіе того ускорилъ пріѣздъ. 16-го октября О. С. Павлищева тоже переѣхала въ городъ, о чемъ сообщаетъ въ письмѣ отъ 20-го, гдѣ пишетъ о состояніи больной матери: „У Княжниной нашла Мама̀ очень ослабѣвшей, въ постелѣ" etc. Изъ этого письма можно заключить, что А. С. тогда еще не успѣлъ вернуться, а одна изъ слѣдующихъ выдержекъ письма (безъ даты) „Александръ возвратился вчера изъ Тригорскаго" видимо взята не изъ того-же письма (отъ 20-го), какъ мы раньше думали, а изъ послѣдующаго письма, или по крайней мѣрѣ была написана нѣсколько позже. Выходитъ, такимъ образомъ, что Пушкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ лишь послѣ 20-го (въ одинъ изъ слѣдующихъ дней).

годовщинѣ 1835 г. приходится болѣе склониться къ отрицательному заключенію.

Наконецъ, насталъ и *1836 годъ* съ его *25-лѣтней годовщиной* основанія Лицея, которую слѣдовало отпраздновать, конечно, торжественнѣе обыкновеннаго. Въ виду этого и возникло предложеніе бывшаго директора Лицея Е. А. Энгельгардта, какъ мы видѣли, давно лелѣявшаго мечту о сліяніи первыхъ курсовъ 19-го октября, соединиться на этотъ разъ хотя бы первымъ платьямъ курсамъ для совмѣстнаго празднованія знаменательнаго дня. Вотъ что писалъ объ этомъ Яковлевъ къ Корфу[1]) (а не къ Пушкину, какъ полагали до нынѣ со словъ Гаевскаго) 9 октября:

„Сегодня утромъ былъ у меня Егоръ Антоновичъ съ предложеніемъ соединить, по крайней мѣрѣ, три выпуска для 19 числа. Я ему рѣшительнаго отвѣта не сказалъ, а совѣтовалъ, чтобъ онъ завтра переговорилъ съ тобою.

„Послѣ обѣда было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе и рѣшительно положено: *праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску.* Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывшій Директоръ Лицея, соединяетъ подъ свои знамена 2-й, 3-й и прочіе выпуски, и воздастъ честь и хвалу существованію Лицея, но пусть насъ стариковъ оставитъ въ покоѣ.

---

1) На рукописи Яковлева нѣтъ никакихъ признаковъ, кому оно было адресовано. Между тѣмъ, приводимый здѣсь отзывъ барона М. А. Корфа есть *прямой отвѣтъ* на письмо Яковлева, бывшаго съ нимъ въ ближайшихъ сношеніяхъ и по случаю Лицейскихъ годовщинъ ведшаго всегда съ нимъ переговоры. Если бы письмо было обращено къ Пушкину, то послѣдній и отвѣчалъ бы Яковлеву лично, а не такъ, какъ онъ отозвался, что де онъ „согласенъ *съ мнѣніемъ № 39*“. Къ тому же — по существовавшимъ отношеніямъ — Энгельгардтъ не могъ быть „въ крѣпкой надеждѣ“, что Пушкинъ согласится на его предложеніе, тогда какъ на сочувствіе барона Корфа онъ могъ вполнѣ разсчитывать. Безъ сомнѣнія, Яковлевъ, получивъ отвѣтъ барона Корфа, сообщилъ, по совѣту его, оба письма на судъ Пушкина и прочихъ товарищей, результатомъ чего и былъ отзывъ поэта съ подписями подъ нимъ другихъ первокурсниковъ.

„Егоръ Антоновичъ въ крѣпкой надеждѣ, что ты на его предложеніе согласишься. Конечно и нѣтъ причины повидимому отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ. Но вотъ задача: какъ отстать отъ Ветерановъ, которые рѣшительно объявили, что съ мнѣніемъ Энгельгардта согласиться не хотятъ? И такъ, да здравствуетъ Лицей, и да воскреснетъ его воспоминаніе черезъ 25-ть лѣтъ между скотобратцами.

№ 39.“

Баронъ Корфъ на это отвѣчалъ: „Во 1-хъ, совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, что *нѣтъ причины* отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ, и во 2-хъ долженъ сознаться, что это будетъ вѣрно несравненно *веселѣе:* всѣ мы люди знакомые; веселиться одинъ другому не будемъ мѣшать; аппетита другъ у друга не отнимемъ; лицейскія воспоминанія между нами всѣми могутъ быть точно также живы и *громки*, а о другомъ, постороннемъ, едва-ли тутъ кто и затѣетъ говорить, да, кажется, и лѣта наши уже не тѣ, чтобы опасаться имѣть при нашемъ разговорѣ свидѣтелей. Между тѣмъ, какъ насъ будетъ гораздо больше, то при томъ же вносѣ ты можешь чѣмъ-нибудь приправить нашъ праздникъ и придать ему побольше поэзіи: напримѣръ позвать къ обѣду музыку. Я бы даже пригласилъ и старожиловъ нашихъ: Кайданова, Пешеля, Чирикова. И такъ я съ моей стороны совершенно согласенъ съ предложеніемъ Энгельгардта; но какъ тутъ дѣло не въ моемъ личномъ, а въ *общемъ* мнѣніи, то, кажется, всего бы лучше собрать голоса и рѣшить большинствомъ, которому я охотно повинуюсь, хотя бы оно было и противно моему убѣжденію. Такъ я завтра скажу и Егору Антоновичу.

Пятница. № 8.“

Но у большинства лицейскихъ первенцевъ предложеніе стараго Директора не встрѣтило сочувствія. О такомъ

разногласіи Яковлевъ увѣдомилъ Пушкина, пославъ къ нему и къ прочимъ товарищамъ оба мнѣнія, на что и полученъ былъ такой отвѣтъ поэта: „Согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ *одинъ* будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить.—*№ 14.*“ Подъ этимъ подписались, соглашаясь съ тѣмъ-же, и другіе своими нумерами: №№ 40 (Гурьевъ), 33 (? 34. Мартыновъ), 41 (Мясоѣдовъ) и 35 (Комовскій)[1]).

Протоколъ состоявшагося у Яковлева праздника опять (какъ въ 1828 г.) написанъ Пушкинымъ, для котораго эта годовщина стала послѣднею въ его такъ неожиданно и трагически пресѣкшейся жизни, но законченъ Яковлевымъ. Вотъ онъ полностью:

„Праздновали двадцатипятилѣтіе лицея (вписанъ адресъ Яковлева его рукою) Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Модестъ Корфъ, А. Пушкинъ,

---

1) Е. А. Энгельгардтъ не на шутку огорчился и даже обидѣлся за такое фіаско своего предложенія. Онъ въ этотъ день оставался совсѣмъ одинъ у себя дома, такъ какъ непогода не позволила никому изъ его молодыхъ друзей навѣстить его, и излилъ свою грусть и разочарованіе въ письмахъ къ отсутствующимъ первенцамъ Лицея, гдѣ находимъ даже горькіе, но, конечно, несправедливые упреки по адресу его питомцевъ, которые виноваты были лишь въ томъ, что хотѣли праздновать 25-тилѣтіе Лицея въ своемъ тѣсномъ кружкѣ. Вотъ, между прочимъ, что онъ писалъ Матюшкину: „Я было затѣвалъ сходку первыхъ трехъ курсовъ, думалъ хоть разъ полицействовать стариной. Заговаривалъ нѣкоторымъ ветеранамъ первокурснымъ. Они выслушали очень равнодушно: надо подумать, посовѣтоваться, — и да и нѣтъ; остылъ, обдержался первый курсъ питерской въ здѣшнемъ большомъ свѣтѣ. Лицей и лицейское стало имъ чуждо. Жаль, больно!... Первый курсъ, какъ слышалъ я, собирался у Яковлева. Я провелъ этотъ день дома...“. Тутъ Е. А. описываетъ свое грустное одиночество и предается воспоминаніямъ, а затѣмъ возвращается къ прежней темѣ... „Еслибъ были здѣсь Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, Корниловъ, то они бы подмогли Стевену и Комовскому устроить сходку лицейскаго 25-ти лѣтія...“ (см. Д. Ѳ. Кобеко, тамъ же, стр. 102—103).

Алексѣй Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ (подписи эти собственноручныя).

„Собрались вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ: 1) обѣдали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому toasts): a) за двадцатипятилѣтіе лицея, b) за благоденствіе лицея, c) за здоровье отсутствующихъ, 3) читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей[1]) 4) читали старинные протоколы и пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева, 5) поминали лицейскую старину, (тутъ кончается автографъ поэта, остальное писано рукой Яковлева) 6) пѣли національныя пѣсни, 7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-лѣтіе лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу. *Примѣчаніе*. Собрались всѣ въ половинѣ пятаго часа, разошлись въ половинѣ десятаго.“

Меланхолическіе, глубоко прочувствованные стихи поэта на 25-лѣтіе Лицея, въ которыхъ вновь слышатся его грустныя предчувствія, достаточно извѣстны.

„Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался“...

Вспомнимъ грустный второй куплетъ:

„Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился:

1) Весьма вѣроятно, что здѣсь разумѣются нѣсколько старыхъ писемъ Кюхельбекера къ С. Комовскому, который передалъ ихъ впослѣдствіи (въ 1875 г.) Я. К. Гроту на лицейскомъ обѣдѣ, и изъ которыхъ одно (1823 г.) было напечатано Я. К. въ его извѣстной книжкѣ (стр. 257—58). *К. Г.*

Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ,
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается,
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ“.

По показанію Яковлева, Пушкинъ, начавъ чтеніе своихъ стиховъ, не могъ отъ охватившаго его волненія продолжать: слезы показались на глазахъ его![1]). Если это вѣрно, то это не могло не придать особую меланхолическую окраску этому юбилейному собранію, ставшему для поэта и послѣднимъ, прощальнымъ съ лицейскими друзьями!

Извѣстно, что и Кюхельбекеръ въ своемъ далекомъ изгнаніи воспѣлъ этотъ юбилейный день въ задушевныхъ стихахъ съ трогательнымъ обращеніемъ къ Пушкину.

Онъ послалъ эти стихи въ письмѣ къ поэту, отъ 18-го октября 1836 г. (изъ Баргузина), въ которомъ сообщалъ о намѣреніи жениться: „Завтра 19 октября“, заключалъ онъ письмо свое: „Вотъ тебѣ, другъ, мое приношеніе. Чувствую, что оно не достойно тебя; но право, мнѣ теперь не до стиховъ“.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ этой пьесы[2]):

Поминки нашей юности! И я
Ихъ праздновать хочу; воспоминанья,

---

1) Это свидѣтельство, даже съ добавленіемъ, что поэтъ, „положивъ бумагу на столъ, отошелъ въ уголъ комнаты, на диванъ...“, было передано, со словъ одного изъ товарищей Пушкина, еще П. В. Анненковымъ въ его „Матеріалахъ для біографіи А. С. П.“ (1855, стр. 425).

2) Впервые эти стихи были напечатаны В. П. Гаевскимъ въ извѣстной его статьѣ („Отечеств. Зап.“ 1861) изъ дошедшей до него въ 1856 г. тетради неизданныхъ стихотвореній Кюхельбекера. Позже, вмѣстѣ съ письмомъ его, они были перепечатаны П. И. Бартеневымъ („А. С. Пушкинъ“. I, М. 1881, стр. 54—55).

Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья,
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя!
Всѣхъ васъ, Лицея вѣрная семья!
Я съ Вами былъ когда-то счастливъ, молодъ:
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пѣснопѣвецъ, это ты!
Твой образъ — свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Когда, уединенъ, ты пилъ кручину...

и т. д.

Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ этого собранія 19-го октября совершилось ужасное дѣло, безвременно пресѣкшее дни Пушкина, и Россія лишилась своего несравненнаго генія-поэта, а лицейскій товарищескій кружокъ первокурсниковъ — свою главную объединяющую и притягательную силу, свой духовный магнитъ, свою душу...

Послѣ Пушкина все какъ-то измѣняется: празднованіе лицейскихъ годовщинъ вступаетъ въ новую фазу, утрачивая свой первоначальный замкнутый, интимно-братскій характеръ. Дружная семья первенцевъ Лицея вдругъ осиротѣла, еще замѣтнѣе распалась и словно потеряла твердую почву подъ ногами... Ея геній отлетѣлъ!

II.

Послѣ смерти Пушкина лицеисты I-го курса правильно не собираются болѣе въ Лицейскій день (19-го октября) *особо*, своимъ замкнутымъ кружкомъ, что̀ объясняется не только уходомъ со сцены самыхъ пылкихъ и одушевлен-

ныхъ участниковъ собраній, но отчасти и малымъ числомъ оставшихся, особенно проживавшихъ въ столицѣ. Такимъ образомъ, давняя мысль и упорное стремленіе стараго директора Е. А. Энгельгардта слить для празднованія этихъ годовщинъ сперва хотя бы первые три курса находила теперь все болѣе благопріятную почву и стала понемногу осуществляться, хотя у нѣкоторыхъ изъ лицейскихъ первенцевъ сепаратистское настроеніе и желаніе остаться вѣрными Пушкинскому завѣту еще не разъ давали себя чувствовать, быть можетъ также изъ-за пристрастія Энгельгардта къ устройству собраній всегда у одного изъ лицеистовъ 3-го курса (Жадовскаго [1]), къ которому не могло ничто особенно привлекать первокурсниковъ съ ихъ завѣтными привычками и традиціями.

Лицейскій праздникъ *1837* года долженъ былъ обратиться въ печальную тризну по великомъ товарищѣ, и къ тому-же не по немъ одномъ: 6-го октября, переживъ Пушкина всего на 8 мѣсяцевъ, скончался Илличевскій, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ завсегдатаевъ лицейскихъ сборищъ.

Въ декабрѣ 1837 г. И. И. Пущинъ изъ Петровскаго Завода писалъ къ Энгельгардту: „Только что хочу благодарить васъ за памятные листки о послѣднихъ минутахъ поэта-товарища, какъ узнаю изъ газетъ, что нашего Илличевскаго не стало. Еще крестъ въ нашихъ рядахъ, еще преждевременная могила! Вы скажите, что и какъ. О Пушкинѣ давно я глубоко погрустилъ; въ Современникѣ прочелъ письмо Жуковскаго; это не помѣшало мнѣ и теперь не разъ вздохнуть о немъ, читая Спасскаго и Даля. Мы здѣсь очень скоро узнали о смерти Пушкина, и въ Сибири даже, кого могла, она поразила, какъ потеря общественная“....

---

1) О немъ см. замѣчаніе Я. К. Грота „Пушкинъ“ etc., стр. 86.

Въ какомъ составѣ собрались въ этотъ годъ на Лицейскую трапезу — къ лицеисту III курса Жадовскому (С.-Петербургскому вице-губернатору), мы не знаемъ, но что въ ней участвовали лицеисты I курса, приглашенные на нее устроителемъ Е. А. Энгельгардтомъ, мы заключаемъ изъ одного косвеннаго позднѣйшаго свидѣтельства (ибо писаніе протоколовъ повидимому вовсе прекратилось, а стиховъ и некому было сочинять)[1].

Объ этой годовщинѣ и привлеченіи на нее первенцевъ Лицея свидѣтельствуетъ еще одинъ документъ — письмецо къ Яковлеву Е. А. Энгельгардта, очевидно явившагося иниціаторомъ обѣда, съ приглашеніемъ на это собраніе.

„У С.П.б. Вицегубернатора завтра сирѣчь 19 октября положено собраться на общую обѣденную трапезу — старинѣ лицейской. Онъ поручилъ мнѣ пригласить тебя, любезный Яковлевъ, явиться къ нему на Владимирской противъ церкви въ домѣ Фитонова къ 4 часамъ. — Надѣюсь, что ты не откажешь украсить нашу дружескую бесѣду своимъ присутствіемъ

весь твой Егоръ Энгельгардтъ.

18 октября
1837.“

Своимъ удовольствіемъ по поводу состоявшагося, по его настоянію, общаго празднованія лицейской годовщины первыми курсами Энгельгардтъ поспѣшилъ подѣлиться, очевидно въ тотъ же вечеръ, 19-го (не въ коллективномъ ли письмѣ?), съ своимъ дальнимъ и дорогимъ корреспондентомъ И. И. Пущинымъ, который 30-го декабря отвѣчалъ ему: „Примите искреннюю мою благодарность за письмо

1) Это свидѣтельство — помѣщаемая ниже записочка Корфа къ Яковлеву въ 1840-мъ г. Кромѣ того, въ протоколѣ собранія VI курса за тотъ же 1837 г. (см. ниже) есть указаніе, что у Жадовскаго въ этотъ день пировали I и III курсы, но о II-мъ нѣтъ упоминанія.

отъ *19 октября*. Истинно признателенъ вамъ, что вы мнѣ удѣлили часокъ этого памятнаго для насъ дня и побесѣдовали со мной, (также) старымъ товарищамъ и друзьямъ юности. Отрадно слышать все, что вы говорите объ нихъ и объ семейномъ вашемъ кругѣ, гдѣ я часто мыслью съ вами"...

Не забылъ этой грустной годовщины и другой далекій товарищъ-изгнанникъ, искренній другъ и горячій поклонникъ Пушкина, В. Кюхельбекеръ, воспѣвшій эту годовщину трогательными и грустными стихами, изъ которыхъ нельзя не выписать здѣсь хоть маленькаго отрывка [1]).

. . . .

„И вотъ опять лицея день священный,
Но Пушкина уже межь вами нѣтъ!

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши —
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ...
Пора и мнѣ!... Я вынесъ заточенье,
Изгнаніе, разлуку, сиротство;
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья
И здѣсь во мнѣ пылало божество!

Теперь пора!..." etc.

Кюхельбекеръ прожилъ еще 9 лѣтъ: онъ скончался въ 1846 г.

Въ *1838 г.* возобновленъ былъ Энгельгардтомъ шагъ къ совмѣстному празднованію лицейскаго дня первыми курсами (на этотъ разъ уже четырьмя, у того-же Жадовскаго) и, какъ мы имѣемъ основаніе утверждать, съ тѣмъ-

1) См. ст. В. П. Гаевскаго, „Отеч. Зап." 1861, т. 139, стр. 40.

же успѣхомъ [1]). Сохранилось любопытное письмо-приглашеніе Е. А. къ Яковлеву, изъ котораго видно, какъ старикъ относился къ „расколу", какъ онъ,—впрочемъ, едва ли справедливо,—называлъ ту замкнутость кружка, которую старались поддержать среди семьи первокурсниковъ особенно нѣкоторые (въ то время уже покойные) товарищи. Но старый директоръ пользовался у своихъ питомцевъ такимъ уваженіемъ и любовью, что оставшіеся въ живыхъ первенцы Лицея не могли долго сопротивляться его настойчивымъ приглашеніямъ къ соединенію всѣхъ первыхъ курсовъ на собраніяхъ 19-го октября.

Вотъ это письмо Энгельгардта:

„Подходитъ 19 октября, день родной Лицейской, день дружбы и воспоминаній. Грѣшно бы было не праздновать его по древнему обычаю дружескою сходкою. Мы, т. е. первые четыре курса, собираемся у Жадовскаго, радушнаго холостяка и хлѣбосола. Я принялъ на себя пригласить старѣйшинъ Лицея 1-го курса, обѣщалъ, что они будутъ, и надѣюсь, что не выдадутъ стараго Директора. — Этотъ общій обѣдъ не помѣшаетъ вамъ, если захотите, собраться и отдѣльно вечеркомъ у кого-либо изъ первокурсныхъ, а уже на общую сходку надо явиться неотмѣнно. Всѣхъ на все здѣсь оказалось на лицо только 27 человѣкъ, — исключивъ изъ нихъ обыкновенныхъ дикарей, кружокъ нашъ будетъ очень не великъ, тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе, еслибъ І-й курсъ тутъ не участвовалъ.

„И такъ надѣюсь на прежнее Лицейство, и увѣренный, что пустые расколы, которымъ нынѣ уже и причины нѣтъ, совершенно исчезли, я приглашаю тебя, любезный Яков-

1) Прямое тому доказательство имѣемъ въ записочкѣ барона Корфа къ Яковлеву отъ 12-го октября 1840 г. (см. ниже), гдѣ Корфъ выражается, что Жадовскій „радушно и безкорыстно приглашалъ и принималъ насъ нѣсколько лѣтъ" (т. е., съ 1837 г.).

левъ, явиться непремѣнно въ среду, въ 4 часа къ Жадовскому на дружескую трапезу, тряхнуть стариной и, если по сердцу прійдетъ, помочь подтягивать наше родное Шесть лѣтъ. — Право хорошо, хотя разъ въ году, сердце дружбою отогрѣть, чтобы не совсѣмъ остыло въ великосвѣтскомъ быту.

Прощай до свиданія. Отъ всего сердца твой
старый другъ Егоръ Енгельгардтъ.

16 октября
1838.“

Отъ *1839 года* въ нашихъ рукахъ нѣтъ ничего касающагося празднованія 19 октября [1]).

О лицейскихъ годовщинахъ *1840-хъ* годовъ мы имѣемъ лишь отрывочныя, очень скудныя свѣдѣнія изъ все той-же, служившей намъ и прежде, переписки „лицейскаго старосты“ М. Л. Яковлева, именно съ барономъ М. А. Корфомъ, а также изъ другихъ случайно дошедшихъ писемъ и записочекъ (Энгельгардта и другихъ).

Что въ то время старанія Энгельгардта привлечь первенцевъ Лицея къ общей сходкѣ первыхъ курсовъ у Жадовскаго все еще встрѣчали извѣстную оппозицію со стороны по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе уже готовы были нарушить старый обычай въ пользу пока лишь II-го курса, доказываетъ слѣдующая записочка Яковлева къ барону Корфу отъ 12-го октября *1840 г.*

„Горчаковъ предлагаетъ праздновать 19 октября со 2-мъ выпускомъ. — Данзасъ [2]) охотно соглашается на этотъ вызовъ и ручается за своихъ товарищей. Какъ ты

1) Но упомянутое ниже выраженіе барона Корфа въ письмецѣ 1840 г. говоритъ ясно о томъ, что и въ 1839 г. повторилось то-же, что было въ 1837 и 1838-мъ гг.

2) Вѣроятно разумѣется братъ первокурсника, воспитанникъ II курса Борисъ Карловичъ Данзасъ.

думаешь? — Сегодня должно рѣшить непремѣнно, какъ и чему быть, чтобы предупредить приглашеніе Ж. и возваніе Енг. . . " [1]). На это Корфъ отвѣтилъ: „Хотя и не знаю никакихъ подробностей: гдѣ, какъ и у кого, и хотя въ существѣ не знаю также, за что обижать Жадовскаго, который такъ радушно и безкорыстно приглашалъ и прининималъ насъ нѣсколько лѣтъ [2]), однако охотно пристаю къ общему мнѣнію. Богъ знаетъ только, легко ли будетъ достигнуть его исполненія и все это уладить".

Корфъ, какъ мы это знаемъ изъ случая 1836 г., не сочувствовалъ сепаратизму; онъ вообще въ общежитіи и въ вопросахъ такта и деликатности былъ всегда очень щепетиленъ. Его опасенія, что примирить различныя теченія и интересы слишкомъ мудрено, оправдались вполнѣ, какъ видно изъ послѣдующей переписки его съ Яковлевымъ о той-же годовщинѣ 1840 г.

Черезъ 4 дня послѣ приведенныхъ записокъ (т. е., 16-го октября) онъ писалъ Яковлеву: „Препровождаю къ Вашему Превосходительству прилагаемую записку, въ которой ничего или почти ничего не понимаю. Какое приглашеніе изъ Лицея на 19 октября? Я ничего не получилъ. Что будетъ, за этимъ новымъ распоряженіемъ, изъ предположеннаго тобою плана? Всѣ ли мы званы на 20-е къ Жадовскому и имъ ли самимъ званы: ибо Е. А. (т. е. Энгельгардтъ) тамъ вѣдь не хозяинъ? Вотъ вопросы, на которые мнѣ очень хотѣлось бы твоихъ отвѣтовъ. . . Повторяю опять, что срокъ уже на носу, а я все не знаю еще ничего рѣшительнаго". Объясненіе новаго осложненія находимъ въ слѣдующей запискѣ, отъ 18-го [3]). „Съ

---

1) Подъ подписью М. Я. (т. е. Яковлевъ) стоитъ еще чья-то, но разобрать нельзя.

2) Т. е. слѣдовательно годы 1837, 38 и 39-ый.

3) Приводимъ здѣсь всѣ эти записочки, такъ какъ онѣ бросаютъ свѣтъ на существовавшія отношенія и многое въ нихъ разъясняютъ.

тѣхъ поръ, что я тебѣ писалъ, иное измѣнилось. У меня были два воспитанника Лицея, въ видѣ Депутаціи, съ приглашеніемъ къ ихъ спектаклю. Они сказывали мнѣ, что къ нимъ званы воспитанники 1-го, 2-го и нѣкоторыхъ другихъ курсовъ, и также особы посторонніи, и что вечеръ ихъ обѣщали почтить своимъ присутствіемъ Цесаревичъ и В. К. Михаилъ П. — Вслѣдствіе того я считаю долгомъ — и долгомъ пріятнымъ — туда поѣхать[1]). Къ Е. Ант. я сейчасъ писалъ, что съ удовольствіемъ явился бы къ Жадовскому на обѣдъ 20-го числа, но не имѣю еще отъ него личнаго приглашенія, равно какъ и нѣкоторые другіе изъ моихъ товарищей. Это, вѣроятно, послужитъ достаточнымъ намекомъ. Сверхъ этихъ двухъ собраній нашихъ учреждать еще третье было-бы, кажется, уже роскошью, да, признаюсь, не знаю, какъ совладать и съ двумя при моей скудости во времени“.

Наконецъ изъ третьей записки видно, что предполагавшееся особое собраніе первыхъ 2-хъ курсовъ такъ, повидимому, и не состоялось, а состоялись общій обѣдъ у Жадовскаго и лицейскій вечеръ. „Меня, пишетъ Корфъ (вѣроятно 19-го), пріѣхали звать Энгельгардтъ и Жадовскій къ послѣднему на обѣдъ въ 4½ часа, объявляя, что тамъ будешь и ты и лицейскіе всѣхъ четырехъ выпусковъ. Я далъ слово, и если меня провели, то теперь не знаю какъ быть: ибо пропировать *цѣлый* день мнѣ невозможно. Не лучше ли намъ ограничиться однимъ обѣдомъ, гдѣ всетаки мы всѣ будемъ вмѣстѣ. № 8“.

Съ *1841 г.* еще болѣе упрочивается обычай совмѣстныхъ обѣдовъ первыхъ курсовъ, и никакого явнаго „раскола“ въ эти годы уже не проявляется. За то обѣды, вѣроятно, по настоянію лицейскихъ старѣйшинъ, переносятся, начиная съ этого года, на нейтральную почву

1) Очевидно, въ Царское Село, гдѣ Лицей еще находился до 1843 г.

(въ какое-то помѣщеніе, извѣстное намъ только по ниже приведенному адресу), въ ближайшее сосѣдство къ мѣсту жительства Энгельгардта, жившаго на Васильевскомъ Островѣ, кажется, во 2-й линіи, и теперь рѣшительно взявшаго въ свои руки устройство обѣдовъ. Надо замѣтить еще, что постепенное уклоненіе отъ традицій сказывается и въ томъ, что начинается нѣкоторый произволъ и въ назначеніи дня лицейскаго обѣда, который съ 19-го октября — по соображеніямъ удобства— переносится на какой-либо изъ ближайшихъ дней, повидимому, на слѣдущее послѣ 19-го воскресенье. Понятно, что все это вмѣстѣ не могло не вызывать нѣкотораго охлажденія къ этимъ собраніямъ въ немногихъ еще здравствовавшихъ первенцахъ лицея. По крайней мѣрѣ это проглядываетъ въ слѣдующей записочкѣ Корфа къ Яковлеву отъ 24-го октября 1841 г. „Въ воскресенье, 26-го въ 4 часа Энгельгардъ устраиваетъ и даетъ (вѣроятно, впрочемъ на нашъ счетъ) годичный лицейскій обѣдъ, на Васильевскомъ острову, на углу 3-й линіи и Большого проспекта въ домѣ Юнкера[1]). Что тамъ будетъ и на какихъ условіяхъ, еще не вѣдаю; но мнѣ дано порученіе пригласить туда любезнаго Михаила Лукьяновича и, хотя, вѣроятно, онъ порадовался бы вмѣстѣ со мной, еслибъ совсѣмъ ничего не было; однако, *поелику уже есть*, то конечно, для насъ, ветерановъ, было-бы уже и невозможно и неприлично туда не явиться. Ты, безъ сомнѣнія, будешь того же мнѣнія. И такъ: до свиданія. № 8“.

Въ слѣдующемъ, *1842 г.*, который являлся *юбилейнымъ* (25 лѣтъ съ выпуска 1817 г.) для первокурсниковъ, повторяется бывшее въ предыдущемъ, при чемъ опять лицейскій обѣдъ перенесенъ на воскресный день (послѣ 19-го). Вотъ что 23-го октября писалъ опять Корфъ сво-

1) Этотъ домъ Юнкера существуетъ и нынѣ.

ему другу: „Хотя любезный Михаилъ Лукьяновичъ совсѣмъ, кажется, насъ забылъ, однако я съ удовольствіемъ взялся передать ему приглашеніе Е. А. Энгельгардта на наступающее воскресенье. Это будетъ не пикникъ и не складчина, а просто праздникъ въ честь 19-го октября и нашего 25-тилѣтняго юбилея, который онъ даетъ *на собственный счетъ*. Обѣдъ въ 4 часа въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ былъ и прошлаго года, и надѣюсь, что мы хоть тамъ свидимся, такъ какъ ожиданіе свидѣться 19-го октября въ Царскомъ Селѣ[1]) не сбылось, и изъ I-го курса всего насъ было тамъ только двое. Твой отъ души № 8".

Между тѣмъ, подчиненіе лицейскихъ первенцевъ порядку, заведенному ихъ старымъ директоромъ для 19-го октября, не мѣшало имъ все же крѣпко держаться другъ друга, сознавать свою солидарность[2]) и по прежнему обращаться къ М. Л. Яковлеву, какъ къ своему представителю и посреднику во всемъ, что̀ касалось Лицея, называя его по старому „лицейскимъ старостой".

Среди протоколовъ и бумагъ, относящихся къ празднованію 19 октября, сохранилась на листѣ желтоватой бумаги съ помѣтой „15 октября *1844*" слѣдующая запись (писанная рукою одного изъ названныхъ въ ней лицъ): „Корниловъ, Стевенъ и Масловъ являлись къ Его Прев—ству Г-ну Лицейскому старостѣ для принятія приказа на счетъ 19-го октября. — Всѣ они будутъ ожидать этого приказа *лично* отъ Михаила Лукьяновича завтра въ понедѣльникъ у *Маслова за преферансомъ*. Воскресенье".

О самомъ празднованіи годовщины въ этомъ 1844 г. нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ въ дошедшихъ до насъ

1) Вѣроятно, на праздникѣ въ самомъ Лицеѣ.

2) Сохранилась отъ 19-го февраля 1842 г. записочка Корфа къ Яковлеву, въ которой онъ зоветъ его къ обѣду вмѣстѣ съ гостившимъ у того Матюшкинымъ, прибавляя: „Надобно намъ хоть разъ сойтись вмѣстѣ и согрѣться, въ холодѣ жизни, воспоминаніемъ о бываломъ. Жду съ нетерпѣніемъ любезнаго Михаила Лукьяновича съ вѣрному его № 8-му".

бумагахъ. Изъ приведенной записи можно, пожалуй, заключить, что нѣкоторые, вѣрные старымъ традиціямъ первокурсники хотѣли вновь собраться своимъ кружкомъ, чтобъ избѣжать общаго обѣда у Энгельгардта. Но изъ этого ничего, кажется, не вышло, какъ можно заключить изъ сообщенія послѣдняго въ письмѣ къ Матюшкину — единственнаго свидѣтельства объ этой годовщинѣ. Въ началѣ 1845 г. Е. А. Энгельгардтъ писалъ такъ своему питомцу. Сказавъ о полученныхъ имъ откликахъ къ 19-му октября, онъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію наличные здѣсь не такъ живо цѣнили этотъ сердечный день; несмотря на благовременное приглашеніе, изъ всѣхъ первокурсниковъ явились только Стевенъ, Комовскій и Данзасъ, а прочіе... жаль, очень жаль, что сердечное Лицейское такъ остываетъ въ великосвѣтскомъ быту.... [1])“.

Впрочемъ, и позже первокурсники не упускали случая собраться одни, своимъ тѣснымъ кружкомъ, какъ мы это увидимъ, напр., въ годъ сорокалѣтія Лицея, въ 1851 г.

Отъ 1840-хъ годовъ у насъ есть еще лишь одинъ документъ о празднованіи лицейской годовщины, именно отъ *1848 г.* Это—пригласительное письмецо Е. А. Энгельгардта (полуфранцузское, полурусское) къ лицеисту 4-го курса барону А. К. Икскулю — отъ 15-го октября.

„Notre jour de reminiscence lycéenne et la reunion des прежніе Лицейскіе aura lieu *mardi prochain 19 octobre,* comme toujours, à *4 heures* dans le modeste local de ma Земледѣльческая Газета въ 9-й линіи, близъ Невы въ домѣ Маркова. J'aime à croire, mon bon ami, que vous n'y manquerez pas; тряхнемъ стариной Лицейской, погрѣемъ воспоминаніями дружбы и прошлаго щастливаго времени сердца остывающія легко въ свѣтскомъ быту.—Venez, mon ami, n'y manquez pas, vous ferez grand plaisir au vieux Другъ Директоръ

Егоръ Антоновичъ“.

---

1) Д. Ѳ. Кобеко, тамъ же, стр. 100.

Изъ этого письма видно, что установившійся съ 1841 г. порядокъ въ чествованіи дня 19-го октября (обѣдомъ первыхъ 4-хъ курсовъ) и роль Энгельгардта, какъ устроителя, остаются и въ концѣ 1840-хъ гг. неизмѣнными. Такъ, повидимому, продолжалось болѣе или менѣе и въ теченіе 50-хъ годовъ, о которыхъ мы, къ сожалѣнію, въ настоящій моментъ прямыми свидѣтельствами почти не располагаемъ.

Но и въ эту пору бывали случаи, когда первенцы Лицея, товарищи Пушкина, вѣрные традиціямъ старины, собирались *одни* — своимъ кружкомъ справлять лицейскій праздникъ. Такъ было въ *юбилейный 1851-й* годъ (40-лѣтіе Лицея), отъ котораго сохранился даже протоколъ обѣда первокурсниковъ — послѣдній дошедшій до насъ характерный отзвукъ славныхъ годовщинъ былого времени.

Вотъ этотъ протоколъ:

„*40-лѣтіе Лицея 1851-го года.*

„Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился“...

„Собрались у Корнилова 7 человѣкъ: Корниловъ, Корфъ, Данзасъ, Масловъ, Комовскій, Яковлевъ, Матюшкинъ.

„Юдинъ по причинѣ болѣзни не былъ: Малиновскій, Мясоѣдовъ въ деревнѣ, Бакунинъ въ Твери, Горчаковъ и Ломоносовъ за границею, — Пущина нѣтъ, и Брольо безвѣстно отсутствующій.

(Подписались) Яковлевъ, Староста Лицейскій.
Комовскій
Масловъ
Матюшкинъ
Данзасъ
Модестъ Корфъ
Корниловъ“.

Внизу страницы замѣчается полустершійся рисунокъ—карандашомъ, изображающій профиль лица съ надписью „Камарашъ, лиц. экономъ".

Любопытно, что этотъ протоколъ записанъ рукою Матюшкина на 3-й страницѣ того самаго листа, на которомъ записанъ Пушкинымъ протоколъ 19-го октября тоже юбилейнаго 1836-го года.

Затѣмъ еще изъ той же эпохи, отъ *1853 г.* сохранилось письмецо барона Корфа все къ тому-же Яковлеву, въ которомъ онъ по печальнымъ обстоятельствамъ (болѣзнь близкаго родственника) отказывается на этотъ разъ отъ участія въ кругу товарищей. „...Вы не взыщете, слѣдственно, добрые друзья мои, писалъ онъ въ самый день 19-го октября, если на этотъ разъ, въ маленькомъ кружку Вашемъ будетъ однимъ меньше,—однимъ такимъ, который очень, очень лишь рѣдко отказывался пожать, въ завѣтный день, Вашу руку. Обнимаю Васъ всѣхъ, добрыхъ моихъ стариковъ, заочно отъ всего сердца, пью съ Вами на память *нашего* Лицея[1]) и молю Бога, чтобы въ наступающій новый годъ тризненнаго его празднованія никого изъ Васъ не постигли удары провидѣнія, подобные тѣмъ, которые испыталъ въ истекшемъ Вашъ, какъ всегда и на всегда

Модестъ".

Надо полагать, что Энгельгардтъ самъ въ послѣдніе годы своей жизни, по преклонности лѣтъ, не могъ уже относиться съ прежнимъ жаромъ и энтузіазмомъ къ ежегодному празднованію лицейской годовщины, которое поэтому и утратило свою прежнюю правильность и постоянство, а въ январѣ 1862 г. (черезъ 3 мѣсяца послѣ 50-лѣтія Лицея) не стало и стараго Директора, этого вѣрнаго

---

1) *Нашего* подчеркнуто, т. е. понимай: Царскосельскаго; тутъ какъ-будто желаніе отгородить себя отъ новаго Лицея, Петербургскаго.

и восторженнаго хранителя и почитателя лицейскихъ преданій и старины.

По свидѣтельству моего отца, воспитанника VI-го курса, находившагося въ близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ со многими пережившими 50-ые годы первенцами Лицея, эти послѣдніе, т. е. не одни первокурсники, но и ихъ ближайшіе товарищи, послѣ смерти Энгельгардта уже регулярно не собирались 19-го октября, хотя еще былъ живъ бывшій нѣкогда распорядителемъ сходокъ, общій любимецъ „лицейскій староста" М. Л. Яковлевъ, давно, впрочемъ, какъ мы видѣли, отказавшійся отъ дѣятельной роли.

Въ 1868 г. не стало и его, и въ послѣдующую эпоху немногіе еще пережившіе своихъ товарищей и пребывавшіе въ столицѣ первокурсники, изъ которыхъ самыми вѣрными блюстителями традиціонныхъ обычаевъ были Корфъ, Матюшкинъ и Комовскій, окончательно примкнули, по приглашенію своихъ младшихъ товарищей, къ той группѣ лицеистовъ, именно VI, а затѣмъ и V и VII курсовъ, которая, свято чтя лицейскую старину, издавна собиралась вмѣстѣ.

III.

Мы только что сказали, что лицеисты V-го, VI-го и VII-го курсовъ (VII-ой былъ послѣднимъ, при которомъ сохранились еще первоначальные лицейскіе порядки) довольно давно—это началось съ 1861 г. [1])—стали соединяться для празднованья 19-го октября и что къ нимъ примкнули съ начала 70-хъ годовъ нѣсколько остававшихся въ живыхъ первокурсниковъ. Въ этомъ кругу лицейскихъ старѣйшинъ главная инициатива въ собраніяхъ

1) Собранія этихъ курсовъ, по крайней мѣрѣ VI-го, начались очень рано, уже съ юбилейнаго 1836-го года, но сліяніе ихъ произошло позже, по возобновленіи собраній въ 1860 г., и именно въ юбилейномъ 1861 году.

и самая живая и дѣятельная роль принадлежала VI-му курсу, который, подобно I-му, очень рано организовалъ свои сходки въ дни Лицейскихъ годовщинъ и сперва праздновалъ ихъ особо, въ своемъ кружкѣ, а впослѣдствіи пригласилъ къ себѣ воспитанниковъ V-го и VII-го курсовъ, и наконецъ объединилъ всѣхъ ветерановъ первыхъ 7 курсовъ. VI-ой курсъ, къ которому принадлежалъ мой отецъ, Я. К. Гротъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ блюстителей лицейскихъ преданій и хранителей воспоминаній старины лицейской, слѣдовалъ съ самаго начала примѣру I-го и велъ протоколы своихъ собраній въ честь Лицейскихъ годовщинъ. Старѣйшіе изъ этихъ протоколовъ, хранившіеся вмѣстѣ съ бумагами I курса, относятся еще къ 1830-мъ годамъ и первый изъ нихъ — къ 1836 г. (25-ти лѣтію Лицея), т. е., слѣдовательно, еще къ Пушкинскому времени. Эти четыре первые протокола годовщинъ VI курса (до 1840 г.) настолько любопытны своими подробностями, въ нихъ столько общаго съ характеромъ протоколовъ I курса, что мы считаемъ долгомъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ, какъ краснорѣчивое свидѣтельство жизненности и преемственности лицейскихъ традицій и вліянія Пушкинскаго курса на послѣдующіе въ самую начальную эпоху жизни Лицея.

Всѣ эти протоколы, не считая подписей именъ-автографовъ присутствовавшихъ, писаны рукою моего отца. Къ протоколу 1837 г. приложенъ почтовый листъ большого формата съ письменными обращеніями участниковъ собранія къ отсутствовавшему товарищу Дмитревскому (очевидно, возвращенный послѣднимъ). Такія общія, сборныя посланія были издавна въ обычаѣ у лицеистовъ при праздновaніи Лицейскихъ годовщинъ, и о нихъ есть упоминаніе между прочимъ въ перепискѣ Е. А. Энгельгардта (съ Матюшкинымъ, напр., въ 1829 г., и Пущинымъ).

На собраніяхъ VI курса въ эти старые (30-ые) годы

бывали и приглашаемые на нихъ старѣйшіе лицейскіе наставники, особенно Чириковъ (гувернеръ и учитель рисованія), весьма любимый лицеистами. Мысль приглашать на лицейскіе сходки 19-го октября популярнѣйшихъ изъ бывшихъ лицейскихъ наставниковъ была высказана барономъ Корфомъ еще въ 1836 г. по поводу извѣстнаго предложенія Энгельгардта о сліяніи первыхъ выпусковъ (см. выше): онъ предлагалъ позвать Кайданова, Пешеля[1]), Чирикова; но тогда, какъ мы знаемъ, это не состоялось. Въ слѣдующемъ же, 1837 году, какъ видно изъ печатаемыхъ здѣсь протоколовъ VI курса, по постановленію, сдѣланному относительно Чирикова еще въ юбилейную годовщину 1836 г., присутствовали на обѣдѣ этого выпуска, сверхъ воспитанниковъ, „милые пѣстуны: Францъ Пешель и Сергѣй Чириковъ"; они-же были одновременно званы, какъ видимъ изъ того же протокола, Энгельгардтомъ на собраніе первыхъ 3-хъ курсовъ (вѣрнѣе I и III-го), но отказались, принявъ уже приглашеніе VI курса, и лишь отсюда, послѣ обѣда, поѣхали на пирушку къ Жадовскому. Оба гостя приняли участіе и въ сборномъ посланіи къ Дмитревскому.

Вотъ протоколы собраній VI курса, — приводимъ ихъ цѣликомъ:

I. Протоколъ Собранія 6-го курса 19 октября 1836.

(XXV-ЛѢТІЕ ЛИЦЕЯ).

Присутствовали (слѣдують собственноручныя записи именъ): 1) Егоръ Гардеръ, 2) Константинъ Гольтгоеръ, 3) Яковъ Гротъ, 4) Иванъ Дмитревскій, 5) Александръ Комовскій, 6) Алексѣй Коновницынъ, 7) В. Коцебу 8) П. Крузенштернъ, 9) Стесель, 10) С. Лихонинъ, 11) Петръ Макаровъ, 12) Павелъ Миллеръ, 13) Констан-

1) Лицейскій докторъ.

тинъ Пащенко, 14) М. Сологубъ, 15) А. Философовъ, 16) Николай Харламовъ, 17) К. Шторхъ, 18) А. Штофрегенъ, 19) Василій Эйхенъ.

Не были: 20) Анненскій, 21) Бреверпъ — по болѣзни, 22) Волковъ, въ Вологдѣ, 23) Горчаковъ — въ неизвѣстной отлучкѣ, 24) Брилевичъ, въ Польшѣ, 25) Похвисневъ, въ Москвѣ, 26) Рейнботъ, въ Кронштадтѣ, 27) Стрекаловъ, въ Грузіи, 28) Ожаровскій, 29) Швыйковскій по болѣзни, 30) Вистингаузенъ (19 октября 1837 приписано: † 1829)[1]. Собраніе было у Коновницына; сперва назначено было у Бреверна и Философова; но за болѣзнью Бреверна должно было въ самый день собранія перемѣнить мѣсто.

Начали собираться въ 7 часовъ.

Положено: каждый годъ праздновать день основанія Лицея и всякій разъ избирать для слѣдующаго собранія одного изъ насъ распорядителемъ праздника по общему согласію.

На 1837-й годъ избирается Коновницынъ, и назначено пригласить С. Г. Чирикова.

Протоколъ остается у распорядителя, слѣдовательно каждый разъ переходитъ въ новыя руки, развѣ бы оставленъ былъ тотъ же распорядитель на другой годъ.

Всякій вноситъ деньги, заблаговременно, назначенному распорядителю.

Въ началѣ собранія перечитываемы были нѣкоторые лицейскіе журналы, полицейскія объявленія (?) и послѣднее письмо, написанное покойнымъ Вистингаузеномъ изъ Петербурга ко всѣмъ намъ въ Лицей. Пѣты были пѣсни, которыя бывало пѣвались въ Лицеѣ съ Серг. Гаврило-

1) Названные въ обоихъ спискахъ Г. Гардеръ, М. Сологубъ, Горчаковъ, Брилевичъ, Ожаровскій и Вистингаузенъ были, вѣроятно, товарищами, не кончившими курса въ Лицеѣ, или по Пансіону.

вичемъ [1]). Музыка и пѣсни не умолкали во весь вечеръ. Потомъ затѣяны были два письма: одно къ Волкову, другое къ Похвисневу, и каждый вписывалъ что-нибудь обоимъ. Сняты силуэты Гардера, Сологуба, Гольтгоера и Макарова.

Между закуской и ужиномъ пѣли очень дружно *Шесть лѣтъ*; но одинъ только 1-й куплетъ шелъ довольно удачно, впрочемъ и прочіе раздавались очень шумно. — Затѣмъ Ecce quam bonum.

За ужиномъ пили здоровье Царя, Лицея, 6-го курса, женатыхъ особенно, всѣхъ отсутствующихъ, Ѳедора Григ. Гольтгоера, и всѣхъ лицейскихъ вообще. Сверхъ того положено, по большинству голосовъ, въ будущемъ году праздновать этотъ день обѣдомъ [2]).

II. *Протоколъ Собранія VI-го курса (26-ти лѣтіе лицея).*
(т. е. 19 окт. 1837 г.).

Присутствовали [3]): 1) Н. Стесель, 2) С. Лихонинъ (въ виц-мундирѣ), 3) Н. Харламовъ, 4) К. Шторхъ, 5) А. Штофрегенъ, 6) Я. Гротъ, 7) Крузенштернъ, 8) К. Гольтгоеръ, 9) В. Коцебу, 10) А. Комовскій (въ Лицейскомъ мундирѣ), 11) И. Бревернъ, 12) В. Эйхенъ, 13) А. Философовъ, 14) К. Пащенко, 15) А. Волковъ.

Сверхъ того милые пѣстуны: 15) Францъ Пешель, 16) Сергѣй Чириковъ.

Не были: 1) Анненскій, 2) Брилевичъ, 3) Горчаковъ, 4) Макаровъ, 5) Дмитревскій, 6) Миллеръ, 7) Ожаровскій, 8) Похвисневъ, 9) Рейнботъ, 10) Сологубъ, 11) Стрекаловъ, 12) Коновницынъ, 13) Швыйковскій, 14) Вистингаузенъ † 1829, 15) Гардеръ.

Собраніе было, по назначенію прошлаго года, у Ко-

---

1) Чириковымъ.
2) Т. е. вмѣсто ужина, по примѣру I-го курса.
3) Слѣдуютъ автографическія записи.

повницына. Недѣли за три уже были начаты распоряженія. Комовскій взялъ на себя приглашеніе, которое раздѣлилъ съ нимъ Штофрегенъ. Волковъ и Пащенко завѣдывали обѣдомъ.

Начали собираться въ исходѣ 4-го часа. Собраніе было обрадовано пріѣздомъ приглашенныхъ: Сергѣя Гавриловича[1]) и Франца Осиповича[2]), которые для VI курса отказались отъ приглашенія III курса и Егора Антоновича.

Послѣднее (т. е. приглашеніе) было повторено во время нашего обѣда, но, какъ само собой разумѣется, опять осталось безъ успѣха.

Сергѣй Гавриловичъ и Францъ Осиповичъ уѣхали въ 9 часовъ въ собраніе III курса къ Жадовскому.

Въ этотъ-же завѣтный день пируютъ: I-ый и III-й курсы, V-ый собирается завтра.

На будущій годъ рѣшено общимъ голосомъ собраться у Волкова и праздновать день, такъ же какъ и нынче, обѣдомъ. Положено: къ 19-му числу, безъ всякой повѣстки, доставлять Волкову положенный на нынѣшній разъ вкладъ: по 25-ти рублей съ каждаго. Пригласить: Чирикова, Пешеля и Цетреуса[3]). Позаботиться напередъ о фортепіано, потому что нынче пѣсня: *Шесть лѣтъ* пѣлась ужасно безъ инструмента. Если всѣ не внесутъ нужную сумму къ назначенному сроку, то тому же Волкову поручается дѣлать нужныя распоряженія къ собранію товарищей.

---

1) Чирикова.

2) Пешеля.

3) А. И. Цетреусъ былъ гувернеромъ и учителемъ нѣмецкаго языка (съ 1824 г.).

Начали расходиться къ 10-му часу.

Написаны письма къ Коновницыну, Похвисневу, Миллеру и Дмитревскому.

Письмо къ И. Д. Дмитревскому[1]).

(Приписка: *получено 12 ноября*).

19 Октября 1837.

Любезнѣйшій товарищъ и другъ Дмитревскій,

(Слѣдуютъ собственноручныя записи девяти участниковъ обѣда):

Почтенный и любезный Г-нъ Дмитревскій, Вечеръ сей провели мы весьма весело, васъ только не доставало. Исполненный чувствованій любви и уваженія къ вашему курсу, кое никогда не изгладится изъ моей памяти, желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ въ жизни.

Вамъ преданный и покорный слуга

Сергѣй Чириковъ.

Ich ersuche meine alten Freunde zu Jhren eigenen Wohl auf dem Welttheater nicht meine früheren Ermahnungen zu vergessen, nähmlich: dass alles auf *Verhältnissen* beruht, und man mit Geduld zum einstigen Trost die Devise hat: Nihil admirari, und für die Gesundheit: tranquilitatem animi, motionem corporis, diaetam, nempe: quantitatem et qualitatem, et aquam.

Franz Peschel.

Не знаю, поймешь ли ты насъ, но мы отъ души привѣтствуемъ тебя, любезный Дмитревскій.

Весь твой А. Комовскій.

---

1) Скончался въ 1842 г.

Мой другъ!
Все предо мною ходитъ вкругъ
И я почти безъ рукъ,
За тѣмъ пишу экспромптомъ вдругъ
Товарищъ твой и другъ —
Не рѣпа и не лукъ —
Разодранный сертукъ...

Пащенко.

Ты въ Грузіи, любезный Дмитревскій, но мысль о тебѣ не покидаетъ насъ, и имя твое раздавалось, когда въ рукахъ нашихъ пѣнилось искрометное Шампанское. Думаешь ли ты о насъ въ этотъ *прекрасный* день для всѣхъ, кто провелъ въ Лицеѣ золотые годы юности!

Гротъ.

Душевно жалѣли мы всѣ, что тебя не было сегодня между ними! Хотя намъ было и весело, но съ тобою время прошло бы еще лучше.

Я былъ твоимъ сосѣдомъ въ классахъ въ старшемъ курсѣ — проказъ всякаго рода было не мало — пріятно было бы кое-что припомнить — авось въ будущій годъ и ты будешь des nôtres, въ надеждѣ чего остаюсь искренно преданный тебѣ

В. Эйхенъ.

Цѣлую тебя мысленно, милый товарищъ Ив. Дм., будь здоровъ и пиши изъ Грузіи

Волкову.

Желаю тебѣ здоровья и счастія въ странахъ далекихъ.

Твой товарищъ С. Лихонинъ.

Прочіе были зѣло веселы, а потому и лѣнивы. Насъ было, безъ Чирикова и Пешеля, 15 человѣкъ. Разошлись въ 10 ч.

Не были: Анненскій, Макаровъ, Дмитревскій, Миллеръ, Ожаровскій, Похвисневъ, Рейнботъ, Сологубъ, Стрекаловъ, Коновницынъ (у котораго мы праздновали, но который самъ въ отпуску), Швыйковскій и Гардеръ.

III. Собраніе VI-го курса 19 октября 1838.

(27 лѣтъ отъ основанія Лицея).

Присутствовали: 1) Комовскій, 2) Похвисневъ, 3) Коновницынъ, 4) Шторхъ, 5) Гротъ, 6) Стесель, 7) Харламовъ, 8) Дмитревскій, 9) Гольтгоеръ, 10) Эйхенъ, 11) Штофрегенъ, 12) Миллеръ, 13) Пащенко, 14) Лихонинъ, 15) Ожаровскій, 16) Волковъ.

Не были: 1) Анненскій, 2) Брилевичъ, 3) Горчаковъ, 4) Макаровъ, 5) Рейнботъ, 6) Сологубъ, 7) Стрекаловъ, 8) Швыйковскій, 9) Гардеръ, 10) Крузенштернъ, 11) Коцебу, 12) Бреврнъ, 13) Философовъ.

Собраніе было, по назначенію прошлаго года, у Волкова, который взялъ на себя и всѣ нужныя распоряженія. Начали собираться въ 8-мъ часу вечера. Ужинали и встали изъ-за ужина въ $^3/_4$ перваго. Положено: выучить по тверже *Шесть лѣтъ;* Эйхенъ принимаетъ на себя роль учителя и, если судить по безчисленнымъ и чрезвычайно удачнымъ остротамъ, которыя онъ народилъ въ этотъ вечеръ, предпріятіе его будетъ выполнено какъ нельзя лучше.

IV. 4-е Собраніе VI-го курса 19-ое октября 1839.

(28 лѣтъ отъ основанія Лицея).

Ужинъ у Коновницына при помощи Пащенко. Первымъ пріѣхалъ *Комовскій,* о каковомъ похвальномъ поступкѣ и объявляется къ свѣдѣнію, для возбужденія впредь соревнованія.

Присутствовали: Волковъ, Пащенко, Гротъ, Комовскій, Эйхенъ, Дмитревскій, Коновницынъ, Ѳ. Анненскій, Стесель, Лихонинъ, К. Шторхъ, П. Миллеръ, Штофрегенъ, Гольтгоеръ.

Сверхъ того: Сергѣй Чириковъ.

Въ слѣдующемъ, 1840 г. Я. К. Гротъ былъ уже на службѣ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ и оставался профессоромъ Александровскаго Университета до 1853 г. Такимъ образомъ онъ уже не могъ участвовать за это время въ празднованіи 19-го октября его курсомъ. Вообще, собирались ли лицеисты VI-го и ближайшихъ выпусковъ въ 40-ые и 50-ые годы, — намъ неизвѣстно. Кажется, возстановленію этого обычая далъ толчокъ 50-тилѣтній юбилей Лицея въ 1861 г. Какъ выше было сказано, VI курсъ возобновилъ собранія 19-го октября уже въ 1860 г., а затѣмъ постепенно онъ привлекъ къ совмѣстному празднованію лицейской годовщины всѣ первые курсы до VIII-го включительно. Вскорѣ за тѣмъ возобновилось и веденіе протоколовъ этихъ сходокъ, которые и сохранились почти за 20 лѣтъ[1]).

1870-ые годы застали въ живыхъ всего пятерыхъ первокурсниковъ[2]): Горчакова, Корфа, Комовскаго, Матюшкина и Малиновскаго. Очередь вѣчной разлуки оказалась за Матюшкинымъ, который скончался 16-го сентября 1872 г., за мѣсяцъ до Лицейской годовщины. Изъ остальныхъ привлеченныхъ съ 1870-го года раздѣлять этотъ праздникъ въ кругу лицейскихъ стариковъ, — оставалось теперь двое: Корфъ и Комовскій, которые оба и были на обѣдѣ этого 1872 года.

---

1) Неизмѣннымъ организаторомъ этихъ возобновленныхъ лицейскихъ обѣдовъ былъ К. К. Гротъ (VII вып.), а непремѣннымъ секретаремъ—Я. К. Гротъ, которымъ и записаны почти всѣ протоколы собраній.

2) Въ январѣ 1870 г. умеръ К. К. Данзасъ.

По свидѣтельству моего отца, на этомъ обѣдѣ зашла рѣчь о нумерахъ комнатъ, принадлежавшихъ въ Лицеѣ первенцамъ его. Такъ какъ присутствовавшіе не могли припомнить ихъ всѣ и точно, то С. Д. Комовскій на другой день написалъ И. В. Малиновскому (жившему въ Харьковской деревнѣ), не поможетъ ли его память, и дѣйствительно Малиновскій въ отвѣтномъ письмѣ поспѣшилъ удовлетворить любопытство старыхъ и молодыхъ своихъ товарищей и сообщилъ почти всѣ нумера[1]). „Какой ты христіанской души человѣкъ, писалъ Малиновскій своему старому другу, — а еще столичный: помнишь усопшихъ! Ты у меня первый по нравственно-христіанскому направленію изъ насъ четырехъ Богомъ хранимыхъ. Мой сынъ передастъ тебѣ лично, на сколько ты мнѣ, 77-ми лѣтнему, отрада. Надо бы намъ съ тобою съѣхаться: чего-то бы мы не расшевелили изъ старины“ . . . Но такому свиданію уже не суждено было состояться, ибо менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца не стало и Малиновскаго († 10-го февраля 1873 г.). Затѣмъ черезъ три года, 2-го января 1876 г. скончался графъ М. А. Корфъ, а 8-го іюля 1880 г., скоро послѣ знаменательнаго дня открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, скончался и С. Д. Комовскій.

Графъ М. А. Корфъ, хворавшій послѣдніе годы, присутствовалъ въ послѣдній разъ на лицейской годовщинѣ въ 1874 г. Въ предыдущемъ году онъ не могъ быть по болѣзни и въ тепломъ обращеніи къ „дорогимъ товарищамъ“ послалъ имъ „душевное привѣтствіе, которое такъ сладко бы мнѣ было изъявить Вамъ всѣмъ лично. Да благословитъ Богъ и впредь сердечный нашъ союзъ и позволитъ, и на долгое еще будущее, праздновать его въ томъ же *неуменьшенномъ* составѣ“. — Въ 1875 г. онъ уже такъ былъ хворъ, что участвовать въ сходкѣ не былъ въ состояніи,

1) Это интересное письмо см. въ книжкѣ Я. К. Грота „Пушкинъ и его лицейскіе товарищи“, изд. 1899 г., стр. 285—287.

и на привѣтствіе товарищей отвѣтилъ письменно: „Благодарю Васъ сердечно, добрые друзья, за память обо мнѣ, недужномъ. Дай Богъ намъ еще свидѣться въ этотъ день на землѣ и праздновать его вмѣстѣ въ благодарномъ воспоминаніи о прошедшемъ“. Этому пожеланію однакожъ не суждено было осуществиться...

С. Д. Комовскій остался послѣ того единственнымъ первокурсникомъ, неизмѣнно посѣщавшимъ собранія 19-го октября еще нѣсколько лѣтъ до 1879 г. включительно; князю Горчакову совсѣмъ не доводилось участвовать въ нихъ. Въ слѣдующемъ іюлѣ не стало и Комовскаго.

19-го октября 1880 г. собрались по обычаю на лицейскій обѣдъ оставшіеся въ живыхъ воспитанники первыхъ 7-ми курсовъ, при чемъ на этотъ разъ гостемъ былъ (въ 1-й разъ) пріѣзжавшій въ столицу младшій сынъ Пушкина Григорій Александровичъ. Старшимъ изъ присутствовавшихъ оказался воспитанникъ 3-го курса (Горчаковъ былъ за-границей) Д. Н. Замятнинъ [1]), который и провозгласилъ тостъ въ память всѣхъ бывшихъ товарищей, начиная съ А. С. Пушкина.

Въ этотъ день въ первый разъ 19-ое октября празд-

1) Замятнинъ умеръ въ слѣдующемъ, 1881 году, въ самый день 19-го октября, на лицейскомъ обѣдѣ. Вотъ разсказъ о томъ изъ протокола Я. К. Грота: „...Затѣмъ предложенъ былъ тостъ въ честь старѣйшаго изъ участниковъ обѣда, воспитанника 3-го выпуска, Д. Н. Замятнина, который со свойственнымъ ему добродушіемъ благодарилъ всѣхъ за вниманіе.

Когда встали изъ-за стола, Дмитрій Николаевичъ перешелъ въ другую комнату и сѣлъ на диванъ рядомъ съ А. И. Крузенштерномъ. Во время происходившаго между ними разговора Д. Н. Замятнинъ внезапно прислонился головою къ спинкѣ дивана и, казалось, задремалъ. Но неподвижное положеніе его продолжалось такъ долго, что заставило присутствовавшихъ безпокоиться насчетъ настоящей причины этой неподвижности, и наконецъ, послѣ тщетныхъ попытокъ прекратить ее, всѣ убѣдились въ печальной истинѣ: Д. Н. уснулъ сномъ вѣчнымъ. Прибѣжавшій вскорѣ врачъ подтвердилъ дѣйствительность факта, и зять покойнаго, А. Н. Куломзинъ, отвезъ тѣло столь неожиданно скончавшагося товарища нашего къ супругѣ его“.

новалось въ тѣхъ условіяхъ, которыя поэтически изобразилъ Пушкинъ, говоря о послѣднемъ первокурсникѣ:

„Кому-жъ изъ нихъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?“ и т. д.

Вопросъ этотъ рѣшилъ князь Горчаковъ, пережившій всѣхъ товарищей и находившійся въ то время въ Ниццѣ. О немъ и о томъ, исполнилъ ли онъ въ этотъ священный день Лицея завѣтъ поэта, — было не мало разговоровъ за обѣдомъ, и маститому князю была, конечно, отправлена привѣтственная телеграмма, на которую онъ не замедлилъ отвѣтить. Князь Горчаковъ прожилъ еще болѣе 2-хъ лѣтъ и скончался 28-го февраля 1883 года, переживъ Пушкина на 46 лѣтъ.

Проходятъ года, проходятъ десятилѣтія, но все такъ же живы и ярки лицейскія преданія, живъ духъ лицейской старины, — и великій ея поэтическій геній объединяетъ и сплачиваетъ вокругъ себя все новыя и новыя поколѣнія лицеистовъ, свято чтущихъ великое прошлое своего Лицея и славный, незабвенный день 19-го октября!

Въ заключеніе будетъ кстати привести здѣсь то привѣтствіе, съ которымъ въ 1864 г. обратился на собраніи 19-го октября мой отецъ къ своимъ товарищамъ и которое впослѣдствіи не разъ читалось на лицейскихъ годовщинахъ, какъ удачное отраженіе одушевлявшихъ всѣхъ чувствъ и мыслей.

„Собираясь ежегодно въ этотъ день, мы можемъ спросить себя: для чего мы собираемся? какая идея въ нашихъ собраніяхъ? или мы пользуемся только случаемъ, предлогомъ весело провести время въ кругу товарищей?

Намъ дорого 19-ое октября, намъ дорога память Лицея? Но почему? Не потому ли, что намъ дорога наша юность со всѣмъ, что мы тогда любили, во что вѣровали,

чего надѣялись,—со всѣми, кого мы любили и уважали, съ товарищами и наставниками, со всѣми, насъ окружавшими.

Вы помните ли, какое очарованіе заключалось для насъ въ звукахъ: *Лицей* и *19-ое Октября? Того* Лицея давно уже нѣтъ; юность наша улетѣла, а 19-ое октября по прежнему звучитъ для насъ могущественно: — не значитъ ли, что въ немъ кроется идея, переживающая время?

Вы помните ли, какое высокое понятіе о благородствѣ и чести соединялось для насъ съ именемъ лицейскаго? Пусть въ этомъ понятіи была своя доля юношеской гордости и заносчивости; но оно носило въ себѣ уваженіе ко всему прекрасному, достойному, великодушному; оно опредѣляло наши стремленія, наши требованія не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя.

Празднуя 19-ое октября, мы заявляемъ, что не разорвали связи съ нашею юностью, что сколько бы кого изъ насъ ни обманула жизнь, мы не съ презрѣніемъ и не съ ироніей относимся къ помысламъ, надеждамъ и мечтамъ нашей молодости, воспитанной Лицеемъ!

Будемъ же и впредь соединяться въ память 19-го октября, покуда есть кому соединяться:

„Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ...
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему",

сказалъ нашъ лицейскій ясновидецъ. Но пусть 19-ое октября, не смотря на то, раздуваетъ въ насъ пламя не забытыхъ юношескихъ чувствъ; будемъ молодѣть хотя разъ въ году посреди тѣхъ, съ которыми вмѣстѣ были молоды, и въ ознаменованіе того выпьемъ за сохраненіе нашей духовной юности, за то, чтобъ въ насъ никогда не состарѣлось и не потухло воодушевленіе при воспоминаніи Лицея и 19-го октября!"

К. Гротъ.

Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ Музеѣ А. А. Бахрушина.

Въ ноябрѣ 1909 г. извѣстный Московскій коллекціонеръ А. А. Бахрушинъ пріобрѣлъ для своего Музея всѣ сохранившіеся документы „опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина“, учрежденной 3-го февраля 1837 г. (въ тотъ самый день, когда тѣло поэта было увезено изъ Петербурга къ мѣсту послѣдняго упокоенія). Документовъ этихъ сохранилось очень много — нѣсколько тысячъ листовъ, но въ главной своей массѣ они представляютъ обычную дѣловую, канцелярскую переписку: опека, по примѣру казенныхъ канцелярій, немедленно по своемъ учрежденіи завела особыя „дѣла“ за нумерами, писца, наблюдавшаго за правильностью дѣлопроизводства, подшивавшаго бумаги въ обложки дѣлъ и т. под.; начинаясь съ 3-го февраля 1837 г., бумаги доходятъ до середины 1850-хъ годовъ, когда дѣти Пушкина достигли совершеннолѣтія, и опека прекратилась. Кромѣ нумерованныхъ дѣлъ (судя по №№, они не всѣ сохранились или не всѣ достались А. А. Бахрушину), отъ дѣлопроизводства опеки остался цѣлый рядъ журналовъ опекунства, приходо-расходныхъ

книгъ, отчетовъ опеки и т. под., а также довольно значительное количество отдѣльныхъ, неподшитыхъ дѣловыхъ бумагъ 1840—1850 годовъ, когда за дѣлопроизводствомъ опека слѣдила не столь тщательно, какъ раньше. Таковъ общій внѣшній характеръ той массы документовъ, которую пріобрѣлъ А. А. Бахрушинъ въ томъ предположеніи, что даже въ такомъ, по виду мало интересномъ собраніи бумагъ должно найтись, при ближайшемъ разсмотрѣніи, что-либо цѣнное, разъ бумаги эти, отъ первой до послѣдней, освящены именемъ Пушкина. И дѣйствительно, онъ не обманулся, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго [1]).

Одновременно съ дѣлами опеки г. Бахрушинъ пріобрѣлъ номеръ „Московскаго Вѣстника“ за 1829 годъ со статьею Погодина „Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія“, испещренный любопытными критическими замѣчаніями Пушкина; подробное описаніе этихъ замѣчаній мы дадимъ ниже.

Архивъ опеки состоитъ изъ слѣдующихъ „дѣлъ“:

I) „Дѣло объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина. №1. Началось 3-го февраля 1837 г.“ [2]).

Здѣсь находятся, между прочимъ: копія съ письма Министра Юстиціи Д. В. Дашкова къ Н. Н. Пушкиной отъ 3-го февраля 1837 г. о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе опеки; копія съ прошенія Н. Н. Пушкиной на Высочайшее имя объ учрежденіи опеки; донесеніе Жуковскаго отъ 25-го апрѣля 1837 г. № 25 въ С.-Петербургскую Дворянскую Опеку о необходимости ему уѣхать изъ С.-Петербурга на нѣсколько мѣсяцевъ и нѣсколько другихъ бумагъ.

---

1) По находящимся въ дѣлахъ нѣсколькимъ клочкамъ бумаги со словами, написанными рукою П. В. Анненкова, видно, что біографъ поэта ихъ просматривалъ.

2) Снимокъ съ обложки этого дѣла см. въ журналѣ „Искры“ (прилож. къ газетѣ „Русское Слово“) 1909 г., № 45, стр. 357.

II) „Дѣло о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи на погребеніе А. С. Пушкина десяти тысячь рублей ассигнаціями. Нач. 3 февраля 1837 г. Конч. 28 марта 1837 г. № 3“.

Начинается оно письмомъ А. С. Танѣева отъ 31-го января 1837 г. № 195 къ В. А. Жуковскому съ извѣщеніемъ, что Министру Финансовъ сообщено о Высочайшей волѣ выдать Жуковскому на погребеніе „умершаго сочинителя Камеръ-Юнкера Пушкина“ 10000 рублей (бумага получена Опекой 3-го февраля); въ дѣлѣ этомъ находится подлинное письмо А. И. Тургенева къ графу Григорію Александровичу Строганову (напечатанное по копіи самого Тургенева въ „Пушк. и его совр.“, вып. VI, стр. 70—71) и письмо графа П. К. Эссена къ графу Г. А. Строганову отъ 3-го февраля 1837 г. (см. ниже).

III) „Дѣло о пожалованіи пансіона Вдовѣ и дѣтямъ А. С. Пушкина. Нач. 12 февраля 1837г. № 4“.

Начинается оно съ копіи письма А. С. Танѣева къ Н. Н. Пушкиной отъ 31-го января 1837 г. № 201, о томъ, что ей съ дѣтьми пожалована пенсія (въ приложенной къ письму копіи съ Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго Министру Финансовъ статсъ-секретаремъ Танѣевымъ 31-го января 1837 г. № 196, у Пушкина показанъ 1 сынъ и 3 дочери). Дѣло это закончилось 20-го декабря 1845 г. и ничего любопытнаго въ себѣ не заключаетъ.

IV) „Дѣло о помѣщеніи въ казенныя заведенія дѣтей Александра Сергѣевича Пушкина. 31 генваря 1837 г. № 5“.

Начинается съ письма графа А. И. Чернышева къ Н. Н. Пушкиной отъ 31-го января 1837 г. съ извѣщеніемъ о Высочайшемъ повелѣніи назначить въ Пажи къ Высочайшему Двору сыновей Пушкина: Александра 3-хъ лѣтъ и Григорія 2-хъ лѣтъ и о внесеніи ихъ въ общій кандидатскій списокъ Пажескаго Корпуса. Въ дѣлѣ этомъ находятся копіи съ метрическихъ записей о рожденіи дѣтей Пушкина: Маріи, Наталіи и Григорія, вполнѣ совпадаю-

щія съ такими же документами, напечатанными въ брошюрѣ Н. Невзорова „Къ біографіи А. С. Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и др. мало извѣстныхъ источниковъ“, С.-Пб. 1899 г., стр. 18. Переписка въ этомъ дѣлѣ оканчивается 5-го августа 1843 г.

V) „Дѣло по перепискѣ къ напечатанію сочиненій А. С. Пушкина. № 6. Началось 25-го февраля 1837 г.“.

Начинается оно со „Смѣты на изданіе сочиненій Пушкина въ 7 частяхъ въ числѣ 10.000 экз., изъ коихъ 1000 на веленевой бумагѣ, предполагаемыхъ къ печатанію въ Типографіи при Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ“; смѣта (на 50.834р.) составлена 25-го февраля 1837 г. кол. сов. Як. Як. Рейхелемъ (управляющимъ Типографіей) и утверждена опекунами: графомъ Г. А. Строгановымъ, графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, В. А. Жуковскимъ и Н. И. Тарасенко-Отрѣшковымъ. Затѣмъ въ этомъ, весьма объемистомъ дѣлѣ находятся: образцы бумаги для изданія, другая смѣта, выработанная опекой, письма Конторы Леонтія Снѣгирева, предлагавшей издать сочиненія Пушкина (ср. „Пушк. и его совр.“, вып. XII, стр. 37), записка князя В. Ѳ. Одоевскаго о содержателѣ Гуттенберговой Типографіи Б. А. Враскомъ (ср. тамъ-же, стр. 38), другая смѣта Экспедиціи, отъ 5-го марта 1837 г., на тѣ-же 10.000 экз., но уже на 51.299 р.; обязательства книгопродавцевъ (Смирдина, И. И. Глазунова, Н. Н. Глазунова, Ив. Тимоѳ. Лисенкова) на пріобрѣтеніе изданія для продажи; обязательство тит. сов. Шульговскаго, отъ 10-го апрѣля 1837 г., держать 1-ю, 2-ю и 4-ю корректуру изданія (3-ю корректуру долженъ былъ читать П. А. Плетневъ) по 3 р. асс. за листъ; обширная переписка по распространенію изданія и о подпискѣ на него; оффиціальныя сношенія съ Экспедиціей Заготовленія Государственныхъ бумагъ; напечатанныя въ Экспедиціи объявленія объ изданіи сочиненій, о продолженіи изданія

„Современника“ (ценз. разр. 23-го марта 1837 г.; ср. „Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ, С.-Пб. 1906, стр. 174—175); объ окончаніи 3-хъ томовъ сочиненій и о раздачѣ ихъ подписчикамъ (отъ 26-го февраля 1838 г., отъ имени Опеки) и нѣсколько писемъ, приводимыхъ нами ниже; дѣло закончено 15-го іюля 1842 г.

VI) „Дѣло по представленію ежегодныхъ отчетовъ въ денежныхъ суммахъ по Опекунству А. С. Пушкина. Тутъ же переписка о полупроцентныхъ деньгахъ, требуемыхъ С.-Петербургскою Дворянскою Опекою. № 7. Началось 28-го февраля 1837 г.“. Закончилось оно 21-го февраля 1846 г. и заключаетъ въ себѣ лишь оффиціальные черновые отчеты опеки.

VII) „Переписка по долгамъ Александра Сергѣевича Пушкина. № 8. Началось 24 февраля 1837 г. Кончилась 23 февраля 1839 г.“.

Это объемистое дѣло содержитъ множество подлинныхъ документовъ, касающихся имущественной стороны жизни Пушкина, дающихъ нѣсколько новыхъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній къ біографіи поэта и ближайшимъ образомъ опредѣляющихъ его финансовое положеніе за послѣдніе годы его жизни. Здѣсь находятся: 1) подписанная Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ копія съ контракта, заключеннаго Двора Его Имп. Величества камеръ-юнкеромъ А. С. Пушкинымъ съ гофмейстеромъ и сенаторомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ (по довѣренности статсъ-дамы свѣтлѣйшей княгини Софіи Григорьевны Волконской) 1836 г., сентября 1-го, на наемъ Пушкинымъ въ домѣ княгини Волконской (2-й Адмиралтейской части 1-го квартала подъ № 7) „всего, отъ однихъ воротъ до другихъ, нижняго этажа, изъ одиннадцати комнатъ состоящаго, со службами: кухнею и при ней комнатою въ подвальномъ этажѣ, взойдя на дворъ направо; конюшнею на 6 стойловъ, сараемъ, сѣноваломъ,

мѣстомъ въ ледникѣ и на чердакѣ и сухимъ для винъ погребомъ, сверхъ того—съ двумя комнатами и прачешною, взойдя на дворъ налѣво въ подвальномъ этажѣ во 2-мъ приходѣ (sic)"—на два года, т. е. по 1 сентября 1838 г., за 4300 р. асс. въ годъ, съ платою по три мѣсяца впередъ по 1075 р. Копія эта явлена у нотаріуса Григорія Сиднева 10-го декабря 1836 г. и въ книгу за № 155 записана. На контрактѣ помѣта: „Получено по контракту отъ г-жи Пушкиной съ 1-го сентября по 1-е декабря 1836 г. 1000 р. асс. Смотритель дома Захаръ Шумовъ"; — 2) Писанный рукою Жуковскаго черновикъ письма Н. Н. Пушкиной къ Имп. Николаю по поводу долговъ Пушкина и его имѣнія и другое письмо (писарское) съ редакціонными поправками Жуковскаго объ имѣніи Пушкина;—3) Записка С. А. Соболевскаго къ Ив. Бочарову объ отпускѣ ему изъ квартиры Пушкина его серебра, бывшаго въ залогѣ у подполковника Шишкина;—4) Письмо князя Николая Николаевича Оболенскаго (изъ С.-Пб., 26-го февраля 1837 г., на Невскомъ пр., д. Бутрюмовой, № 59) къ графу Гр. Ал. Строганову о томъ, что Пушкинъ остался ему долженъ 8000 р., занятыхъ у него въ 1836 году по двумъ заемнымъ письмамъ; срокъ имъ минулъ уже 1-го декабря 1836 г., но Пушкинъ просилъ Оболенскаго отстрочить платежъ до марта 1837 г.;—5) Объявленіе Фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Петра Алексѣева Жадимеровскаго отъ 3-го марта 1837 г. въ Опеку о томъ, что Пушкинъ остался долженъ ему по контракту за наемъ въ домѣ его квартиры 1063 р. 33½ коп., по неплатежу коихъ, рѣшеніемъ С.-Пб. Надворнаго Суда 4-го Департамента 15-го апрѣля 1835 г., искомую съ Пушкина сумму присуждено съ него взыскать, а въ случаѣ неплатежа описать его имѣніе, — о чемъ сообщено было въ Управу Благочинія; по желанію же Пушкина объ обращеніи таковаго взысканія съ имѣнія его Нижегородской губерніи Лукояновскаго уѣзда

въ сельцѣ Кистеневѣ, 4-й Департаментъ Суда и сообщилъ въ Лукояновскій Земскій Судъ, чтобы онъ изъ свободнаго въ сельцѣ Кистеневѣ имѣнія, заключающагося въ 7 душахъ крестьянъ, описалъ слѣдущее количество душъ на удовлетвореніе иска 1063 р. $33^1/_4$ коп. и штрафныхъ 106 р. 30 к. При этомъ Жадимеровскій просилъ Опеку уплатить ему деньги, и тогда онъ обѣщалъ заявить въ 4-й Департаментъ Надворнаго Суда о своемъ удовлетвореніи. — 6) Переписка по дѣлу долга Пушкина Екатеринѣ Васильевнѣ Шишкиной, рожд. дворянкѣ Сновидовой (вдовѣ подполковника Алексѣя Петровича Шишкина); въ ея прошеніи въ Опеку (С.-Пб., 20-го февраля 1838 г.) она говоритъ, что Пушкинъ остался ей долженъ 12.500 р. асс., взятыхъ у нея въ разное время подъ залогъ шалей, жемчугу и серебра (послѣднее, какъ оказалось, принадлежало Соболевскому — см. выше). Мужъ Шишкиной умеръ 5 января 1838 г.; у нея осталось 6 дѣтей, изъ коихъ 4 малолѣтнихъ и лишь двое взрослые — офицеры Черноморскаго флота; поэтому она просила Опеку уплатить ей долгъ поскорѣе (ср. ниже, а также „Пушк. и его совр.“, вып. XII, стр. 38); — 7) Составленнный Опекой счетъ уплаченныхъ долговъ Пушкина: портному мастеру Ручу, прапорщику Юрьеву по заемному письму Пушкина отъ 19-го сентября 1836 г., князю Ник. Ник. Оболенскому, портному Бригелю, бывшему камердинеру Пушкина Павлу Роминкову (по запискѣ, 100 р.), поставщицѣ дровъ Екатеринѣ Оберманъ, портному Кондратьеву, купцу Богомолову, поставщикамъ изъ разныхъ лавокъ, Ѳомину за книги, взятыя у него Пушкинымъ (на 45 р.), графу Мих. Юр. Віельгорскому (1500 р.), тайн. сов. (sic) Карамзиной (3000), книгопродавцу Беллизару по 2 счетамъ (3.399 р.), слугѣ Пушкина — Петру Крылову, полк. Жемчужникову по заемному письму 3-го іюля 1830 (за уплатою 24-го декабря 1831 г. 7500 р. — остальные 5000 р. и процентовъ 1389 р.,

всего—6389 р.), въ Англійскій Клубъ по запискѣ 535 р., д. с. с. Кайдановой за бумагу (2447.50), Французскому погребу Рауля (777 р.), книгопродавцу Диксону (308 р.), аптекарю, въ трактиръ Фильетта (25 р.), каретнику, извощику, молочницѣ, Жадимировскому (1163), хлѣбнику, булочнику, въ Англійскій магазинъ (2015); Ивану Алексѣевичу Яковлеву (6000); въ число слѣдуемыхъ камеръ-юнкеру Николаю Михайловичу Смирнову 5000 р. выдано, по довѣренности, поручику Аркадію Россетти 2000 р.; Содержателю Гуттенберговой Типографіи кол. сов. Враскому 2960 р., полковнику Василію Васильевичу Энгельгардту по заемному письму 3-го мая 1834 (1330); чиновнику Николаю Николаевичу Карадыкину, по запискѣ Пушкина, за бюро—300 р.; тит. сов. Ильѣ Ивановичу Татаринову по заемному письму Пушкина 26-го мая 1834 г. остальные 1657 р.; прапорщику Юрьеву по заемному письму 30-го декабря 1836 капиталъ и %—4131 р.; камеръ-юнкеру Ник. Мих. Смирнову остальные 2900; Переплетчику Шаблону за переплетъ въ 1836 г. книги „Современника“ 40 р.; А. А. Плюшару въ число 1500 р., за уплатой 200 р., слѣдовавшихъ Пушкину съ Московскаго книгопродавца Глазунова, — остальные 1300 р. Всего уплачено Опекой съ 6-го мая 1837 по 5-е февраля 1838 г. по 50 счетамъ около 120.000 р. Здѣсь же счеты и письма Беллизара (см. ниже).

VIII) „Дѣло по перепискѣ по разнымъ предметамъ, относительно опеки Александра Сергѣевича Пушкина. № 9. Началось 7 февраля 1837 г.“.

Здѣсь, между прочимъ, находится письмо Опеки къ Натальѣ Ивановнѣ Гончаровой, письмо къ В. А. Жуковскому объ окончаніи счетовъ Пушкина съ книгопродавцами, о посмертномъ изданіи сочиненій поэта; росписка Д. С. С. Дм. Ив. Языкова, выданная имъ 25-го апрѣля 1837 г. въ томъ, что онъ принялъ отъ В. А. Жуковскаго

живописный портретъ Пушкина (работы Кипренскаго) для снятія съ него копіи для Россійской Академіи [1]); письмо Н. Н. Пушкиной въ Опеку отъ 30-го марта 1837 г. изъ Полотнянаго Завода; все дѣло о долгѣ Пушкина Шишкину (см. выше). По указанію его сына, отст. подполковника Андрея Петровича Шишкина, Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующіе займы у его отца подъ залогъ шалей, жемчуга и серебра:

1-го	апрѣля	1835 г.	на	3550 р.	
1 „	февраля	1836 „	„	1250 „	
13 „	марта	1836 „	„	650 „	
8 „	августа	1836 „	„	7060 „	
25 „	ноября	1836 „	„	1250 „	
24 „	января	1837 „	„	2200 „	*)
			Итого на	15.960 р.	

Среди вещей, заложенныхъ Пушкинымъ, было и серебро, принадлежавшее его свояченницѣ, фрейлинѣ Александрѣ Николаевнѣ Гончаровой. Тутъ-же переписка Опеки съ С. Л. Пушкинымъ о принадлежавшихъ ему крѣпостныхъ, бывшихъ въ услуженіи Опеки; черновое письмо графа Г. А. Строганова къ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой отъ 31-го декабря 1839 г. съ просьбой доставить Опекѣ рисунокъ мѣстности Святогорскаго монастыря съ могилой Пушкина, въ виду того, что Н. Н. Пушкина хочетъ воздвигнуть надгробный памятникъ (отвѣта Осиповой нѣтъ); писарская копія, скрѣпленная цензоромъ А. В. Никитенкомъ, стихотвореній Пушкина „Къ Лицинію (съ Латинскаго)“,—съ отмѣткой на ней, что стихотворе-

1) Копія эта, работы художника Виневецкаго, находится нынѣ въ Малой Конференцъ-Залѣ Академіи Наукъ.

*) 30 фунтовъ серебра, принадлежавшаго С. А. Соболевскому. *Б. М.*

ніе напечатано въ III томѣ, стр. 117,—и В. С. Ф*** [Филимонову] при полученіи поэмы его „Дурацкой колпакъ"; наконецъ, — письма А. О. Ишимовой, И. Е. Бецкаго и князя Г. В. Кугушева (см. ниже).

IX) „Дѣло о покупкѣ села Михайловскаго въ собственность малолѣтнихъ дѣтей А. С. Пушкина. № 10. Началось 23-го мая 1838. Кончилось".

Здѣсь находится: 1) копія съ отдѣльной записи чиновника 5 класса и кавалера Сергѣя Львовича Пушкина, совершенной 27-го іюня 1830 г., въ С.-Петербургѣ, по которой онъ далъ сыну своему, дворянину кол. секр. Александру Сергѣевичу Пушкину изъ собственнаго своего недвижимаго имущества (доставшагося ему по наслѣдству послѣ умершаго родного брата его, подполковника Петра Львовича Пушкина, въ 1825 г.) состоящаго Нижегородской губ. Сергачскаго уѣзда въ сельцѣ Кистеневѣ — всего 474 души муж. п., — изъ свободныхъ (за залогомъ въ С.-Пб. Опекунскомъ Совѣтѣ 3-го февраля 1827 г. 100 душъ и 10-го іюля 1828 г. 100 душъ) 274 душъ въ вѣчное и потомственное владѣніе 200 душъ муж. п. съ женами и дѣтьми. Свидѣтели на этой отдѣльной записи: Свиты Е. В. генералъ-маіоръ Александръ Павловичъ Мансуровъ, колл. сов. и кав. князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, чиновникъ 5 класса и кав. Христофоръ Христофоровичъ Германъ, чиновникъ 7 класса Ив. Ив. Егоровъ и др. На записи сдѣлана въ Сергачскомъ Земскомъ Судѣ помѣта: „г. Пушкинъ введенъ во владѣніе черезъ дворянскаго засѣдателя Григорьева 1830 г. Сентября 16 дня, въ полученіи коихъ крестьянъ во владѣніе и дана самымъ помѣщикомъ тому засѣдателю Григорьеву росписка"; 2) письмо Н. Н. Пушкиной къ графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому отъ 22-го мая 1838 г. съ просьбою о пріобрѣтеніи сельца Михайловскаго для дѣтей Пушкина у сонаслѣдниковъ;

3) письма по этому поводу С. А. Соболевскаго (по довѣренности Льва Сергѣевича Пушкина и Ольги Сергѣевны Павлищевой) отъ 6-го іюля 1838 г. изъ С.-Петербурга; 4) записка Соболевскаго о с. Михайловскомъ (по межевымъ книгамъ 1786 г. въ немъ числилось 1974 дес. 1838 саж., по послѣдней ревизіи—80 душъ муж. пола; въ 1835 г. оно дало доходу 2000 р., а въ 1836 г. — 3000 р.); 5) „Опись, учиненная 18-го мая 1838 г. Опочецкимъ земскимъ исправникомъ Васюковымъ, имѣнію, оставшемуся послѣ смерти помѣщицы, 5 класса Надежды Осиповны Пушкиной"; здѣсь, между прочимъ, находится подробное описаніе всего с-ца Михайловскаго, его построекъ, именной перечень крестьянъ и т. под.; на первомъ мѣстѣ описанъ *домъ* въ Михайловскомъ (деревянный, на каменномъ фундаментѣ, обшитый тесомъ, длиной 8 саженъ, шириной 6 саженъ, 2 подъѣзда съ крыльцами, 1 балконъ, 20 дверей, 14 оконъ, 6 печей) и мебель, въ немъ находящаяся (между прочимъ, билліардъ корельской березы, старый, съ 4 шарами)[1]); флигель деревянный (крытый и обшитый тесомъ, въ немъ одна комната, 3 окна, 3 двери, русская печь, а подъ одною съ нимъ связью — баня съ голландскою печью съ котломъ; это, очевидно, и есть тотъ *домикъ, въ которомъ жилъ поэтъ во время изгнанія со своей няней*) и 3 другихъ флигеля, амбары, хлѣбъ, скотъ и т. д.; 6) письма С. А. Соболевскаго о продажѣ Михайловскаго къ графу Г. А. Строганову: 2-го марта, 20-го апрѣля, 14-го іюля, 2-го августа и 27-го августа 1839 г. (всѣ писаны въ С.-Петербургѣ); О. С. Павлищевой къ графу Строганову (февраль 1840 г.), Л. С. Пушкина къ нему-же (изъ Ставрополя, 9-го февраля 1840 г.) и къ В. А. Жуковскому (изъ Ставрополя, 27-го

1) Домъ этотъ былъ перестроенъ за-ново Г. А. Пушкинымъ, а недавно сгорѣлъ и онъ; теперь, по этой описи, можно довольно точно возстановить размѣры стараго дома.

января 1840 г., съ довѣренностью его Жуковскому, написанной въ Ставрополѣ 23-го января 1840 г.), Влад. Петр. Пальчикова (см. „Пушк. и его совр.", вып. IV) къ Н. И. Отрѣшкову и Антона Ивановича Самойлова (члена Псковскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія) къ В. П. Пальчикову, отъ 16-го августа 1840 г., съ согласіемъ наблюдать за хозяйствомъ въ Михайловскомъ; 7) довѣренности О. С. Павлищевой (Варшава, 3-го ноября 1837 г.) и Сергѣя Львовича Пушкина (12-го іюля 1839 г., С.-Пб.), выданныя С. А. Соболевскому; 8) росписки Л. С. Пушкина (Ставрополь, 15-го октября 1841 г.) въ полученіи 3976 р. за проданную имъ малолѣтнимъ дѣтямъ А. С. Пушкина часть Михайловскаго и Н. И. Павлищевой — о томъ же; 9) письмо Жуковскаго и записка Н. И. Павлищева (см. ниже).

X) „Дѣло о передачѣ въ С.-Петербургскую Дворянскую Опеку на сохраненіе 27 билетовъ кредитныхъ установленій на сумму 41.402 р. 24¾ к. сер., принадлежащихъ малолѣтнимъ дѣтямъ А. С. Пушкина. Нач. 25 апрѣля 1841 г. № 12".

XI) „Дѣло по второму полному изданію сочиненій А. С. Пушкина. № 14. Началось 26 апрѣля 1844 г.", вслѣдствіе предложенія колл. асс. Эраста Петровича Перцова (о немъ см. „Пушк. и его совр.", вып. III и V), представившаго 26-го апр. 1844 г. смѣту на изданіе 1) 400 экз. собранія сочиненій съ гравированными иллюстраціями, виньетками въ текстѣ и бордюрами, въ 4-хъ томахъ, 96 печат. листовъ, по 30 р. сер. за экз., 2) такого-же собранія, но безъ бордюровъ — 16.000 экз., по 17 р. сер. за экз., 3) 4000 экз. большого формата, въ 2 столбца, въ 2 томахъ, 68 печат. листовъ, 4) Альбома къ сочиненіямъ Пушкина, 600 экз., 4°, по 15 руб., 5) 300 экз. однихъ стихотвореній („за исключеніемъ лицейскихъ"), съ иллюстраціями, 4°, 3 тома, 60 печат. листовъ. Дѣло это осталось не законченнымъ и проекты Перцова неосуществленными.

XII) Денежные документы по опекунству Александра Сергѣевича Пушкина съ 1837 года. № 15".

Въ дѣлѣ этомъ сосредоточены „оправдательные документы" къ дѣлу подъ № VII (см. выше). Здѣсь имѣются: 1) счеты переписчиковъ сочиненій Пушкина для посмертнаго изданія [напр., счетъ № 2: „*Проза:* О Шатобріанѣ 8 листовъ; Слово о Ломоносовѣ (Радищева) 14 л.; Marie Schoning 2 л.; Планы сказокъ 12 л.; Городня, Русская изба, Этикетъ, Шоссе, Москва, Браки, Вышній Волочекъ (Путешествіе Радищева) 15 л.; Статья о Радищевѣ 14 л.; Происхожденіе Автора 1 л.; О цензурѣ 2 л.; I и II глав. романа 4 л.; 3 повѣсти Павлова 1 л.; О стихотворцахъ (отрыв.) 3 л.; Разныя записки и замѣчанія 61 л.; Записки и анекдоты 32 л.; Баснословныя времена старосты Трифона 7 л.; Начало романа 2 л.; Лордъ Байронъ 5 л.; Статья о Татищевѣ 6 л.; Статья о Полтавѣ (антикр.) 5 л.; Статья о Классицизмѣ и Романтизмѣ 6л.; Отрывокъ повѣсти 5 л.; О Желѣзной Маскѣ 2 л.; Дельвигъ 2 л.; Царскій Арапъ (продолж.) 4 л.; Ломоносовъ 10 л.; Рыцарскія сцены 15 л.; *Поэзія:* Къ иностранкѣ 1 л.; Къ моей чернильницѣ 1 л.; Посланіе Баратынскому 1 л.; Посланіе въ цензуру [sic] 1 л.; Кромѣшникъ 1 л.; Стихи *** 2 л.; Альбомъ Онѣгина 2 л.; На смерть Наполеона и мелкіе отрывки 3 л.; Отвѣтъ Ананиму [sic] 1 л.; Безвѣріе 1 л.; Лицейскія стихотворенія 41 л.; Исторія Петра I, три кипы (31 тетрадь) 381 л.; Всего 674 листа по 50 к.—337 р.; бумаги 2 стопы 32 р. Итого 369 рублей"; тутъ же — росписки: писаря Кирилла Кириллова въ полученіи этихъ денегъ 28-го мая 1837 г. и Жуковскаго — въ полученіи переписанныхъ копій; 2) подлинное обязательство Пушкина Государственному Казначейству 22-го марта 1834 г. по случаю выдачи ссуды на изданіе „Исторіи Пугачевскаго бунта" („Русск. Арх." 1890 г., кн. II, стр. 100 и др.); 3) тоже—въ уплатѣ этой ссуды (тамъ-же,

стр. 104); 4) письмо Дм. Макс. Княжевича къ Пушкину отъ 21-го марта 1834 г. за № 8386 по поводу той-же ссуды (по черновому отпуску напечатано въ Акад. изданіи Переписки Пушкина, т. III, стр. 86); на оборотѣ этого письма *рукою Пушкина*, карандашомъ, записанъ слѣдующій счетъ (его долговъ къ этому времени?):

„К. Ив. [Загряжской]	3,000
Яковл.[еву]	3,900
См.[ирдину или Смирнову]	3,000
Книг.[опродавцу]	2,000
Об.[оленскому?]	1.500
	13,400
Пл.[етневу?]	300
	6,200
	1,800
	1,700
	800“

5) Счетъ портного мастера Conrad Rutsch et C-ie отъ 2-го февраля 1837 г. за сдѣланные Пушкину 2-го февраля 1836 г.: surtout noir (165 R.), habit noir (150 R.), pantalon noir (60 R.), gillet de soie (30 R.)—всего на 405 руб., которые онъ и получилъ отъ Опеки; 6) подлинный вексель Пушкина 19-го сентября 1836 г. на занятые имъ у Гвардейскаго Инвалида № 1 роты г. прапорщика Василія Гавриловича Юрьева 9000 р. срокомъ по 1-е февраля 1837 г. (на векселѣ росписка Юрьева въ полученіи этихъ денегъ отъ Опеки); 7) то-же, вексель Пушкина 1-го іюня 1836 г. на занятые имъ у поручика князя Николая Николаевича Оболянскаго 5000 р. срокомъ по 1-е декабря 1836 г. (на векселѣ росписка въ полученіи этихъ денегъ отъ Опеки); 8) то-же, вексель Пушкина 1-го же іюня 1836 г. на занятые имъ у того-же князя Оболенскаго 3.000 р. срокомъ по 1-е декабря 1836 г. (на векселѣ росписка въ полученіи

денегъ отъ Опеки); 9) счетъ портного Бригеля на 1065 р.; 10) другой счетъ Бригеля отъ 10-го августа 1835 г., на 1142 р. съ помѣтами на немъ *рукою Пушкина*, чернилами:

„отдано 97—50
отдано 214—50

Камеръ-юнкеръ А. Пушкинъ.

дано 200 рублей.
дано 100 рублей"

11) подлинный вексель „10 класса" А. С. Пушкина 3-го іюля 1830 г. (въ Москвѣ) на занятые имъ у полковника Луки Ивановича Жемчужникова 12.500 р. асс. на 2 года, т. е. по 3-е іюля 1832 г. На векселѣ росписки Жемчужникова въ томъ, что онъ 24-го декабря 1831 г. получилъ отъ Пушкина по векселю 7500 р., а остальной долгъ отъ Опеки 11-го мая 1837 г.; 12) заборная книжка Пушкиныхъ отъ купца Герасима Дмитріева изъ Милютиныхъ лавокъ, изъ лавки подъ № 9, съ 26-го октября 1836 г. по 30-е января 1837 г.; здѣсь, между прочимъ, подъ 29-мъ января 1837 г., записано, что изъ лавки отпущено 2½ фунта *моченой морошки*, цѣною 2 р.; 13) заборная книжка отъ виннаго погреба Рауля съ 19-го марта 1832 г. по 30-е января 1837 г.; 14) заборная книжка Пантелеймонской Аптеки Л. Брунса съ 26-го октября 1834 по 9-е октября 1836 г.; 15) счетъ мебельнаго магазина братьевъ Гамбсъ съ 15-го іюня 1832 г. по 25-е мая 1835 г.; 16) заборная книжка аптеки Тимера съ 16-го октября 1836 г. по 9-е февраля 1837 г.; 17) счетъ Англійскаго Магазина Никольса и Плинке съ 29-го октября 1834 г. по 6-е января 1837 г. на 2,015 р. 12 к. (за матеріи, изящныя вещи, визитныя карточки и т. под.); 18) росписка Ивана Алексѣевича Яковлева, отъ 17-го мая 1837 г., въ полученіи отъ Опеки должныхъ ему Пушкинымъ 6.000 р. (ср. письмо

Пушкина къ Яковлеву въ ноябрѣ 1829 г. — „Переписка“, т. II, стр. 100); 19) подлинный вексель Пушкина 3-го мая 1834 г. на занятые имъ у полковника Василія Васильевича Энгельгардта (того самого, которому еще въ 1819 г. Пушкинъ написалъ посланіе „Я ускользнулъ отъ Эскулапа“) 1330 р. срокомъ по 3-е мая 1835 г.[1]); на векселѣ росписка Энгельгардта въ томъ, что онъ получилъ эти деньги отъ Опеки 28-го мая 1837 г.; 20) подлинный вексель „Титулярнаго Совѣтника“ Пушкина 26-го мая 1834 г. на занятые имъ у Ивана Тимофеевича Лисенко (книгопродавца) 4.000 р. срокомъ на 3 мѣсяца, т. е. по 26-е августа 1834 г.; на оборотѣ векселя *рукою Пушкина* написано:

„По сему векселю уплачено двѣ тысячи триста сорокъ три рубля; за симъ остается уплатить тысячу шесть сотъ пятьдесятъ семь рублей. Александръ Пушкинъ (1657)“,

а подъ этимъ—надпись: „Право сего заемнаго письма передаю Титулярному Совѣтнику Ильи Ивановичу Татаринову. С.-Петербургскій купецъ Иванъ Тимофеевъ Лисенко“ и росписка Татаринова въ полученіи денегъ отъ Опеки [2]); 21) вексель жены камеръ-юнкера Наталіи Николаевны Пушкиной 30-го декабря 1836 г. на занятые ею у прапорщика Василія Гавриловича Юрьева 3.900 р. на 3 мѣсяца, т. е. до 30-го марта 1837 г. [3]); тутъ-же росписка въ полученіи этихъ денегъ отъ Опеки; 22) счетъ Гуттенберговой Типографіи на 90 р. за переплетъ въ обложку 900 экз. „Современника“ № IV, отъ 4-го января 1837 г., мастеромъ Шаблономъ съ удостовѣреніемъ А. А. Краевскаго, что работа эта дѣйствительно сдѣлана по заказу Пушкина; 23) письмо H. Prevost къ Н. И. Отрѣшкову съ

1) Снимокъ съ векселя см. въ журналѣ „Искры“ (прилож. къ „Русск. Слову“) 1909 г., № 45, стр. 357, и въ „Извѣстіяхъ книжныхъ магазиновъ Т-ва М. О. Вольфъ“, 1910 г., № 1, стр. 13—14.

2) Снимокъ—тамъ-же, стр. 357.

3) Снимокъ—тамъ-же.

просьбою уплатить ему за купленныя Пушкинымъ, уже давно, у Ch. Urbain въ Москвѣ книги 113 р. и росписка Андрея Прево въ полученіи этихъ денегъ отъ Опеки въ мартѣ 1838 г.; 24) счетъ „Sichler, Marchand de nouveautés, Grande Morskoi, maison Chrapovitskij, № 31, à St. Pétersbourg", Н. Н. Пушкиной за разные наряды, на 3364р.; 25) счетъ англичанина Gaubert'а, отъ 25-го февраля 1839 г., въ Опеку за напечатаніе 13.000 экз. портрета Пушкина (для посмертнаго изданія сочиненій), по 12 коп. за экз. (1560 р.) и за 13 листовъ китайской бумаги для портрета (20 р.)—всего на 1580 р. Кромѣ того, нѣсколько писемъ и счетовъ (см. ниже). Дѣло закончилось 17-го января 1843 г.

XIII) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1837 г. (въ перепл.).

XIV) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1838 г. (въ перепл.).

XV) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1839 г. (въ перепл.).

XVI) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1840 г. (въ перепл.).

XVII) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1841 г. (въ перепл.).

XVIII) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1842 г. (въ перепл.).

XIX) Журналъ опекунства А. С. Пушкина за 1843 г. (въ перепл.).

XX) Книга прихода-расхода денегъ собственно по Опекѣ № 1 (въ перепл.); съ 8-го марта 1837 г.

XXI) Книга о приходѣ и расходѣ денегъ по изданію сочиненій А. С. Пушкина (въ перепл.); 1838 г., №2.

XXII) Книга прихода-расхода денегъ по долгамъ А. С. Пушкина. № 3 (въ перепл.); съ 7-го марта 1837 г.

XXIII) Книга на записку прихода и расхода суммъ

по опекунству А. С. Пушкина съ 1-го янв. 1845 г. (въ перепл.).

XXIV) Отчетъ о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, состоящихъ въ Опекѣ Высочайше учрежденной надъ дѣтьми и имѣніемъ покойнаго А. С. Пушкина съ 1 Генв. 1848 г. по 1 генв. 1849 г. (въ перепл.).

XXV) Приходъ и расходъ по опекунству, учрежденному надъ малолѣтними дѣтьми и имуществомъ покойнаго А. С. Пушкина съ 1 Генв. 1847 г. по 1 Генв. 1848 г. (въ перепл.).

XXVI) Книга, выданная изъ Опочецкой Дворянской Опеки Опекунству надъ имѣніемъ и дѣтьми умершаго камеръ-юнкера Пушкина на записку прихода и расхода на 1846 годъ (въ перепл.).

XXVII) Книга, данная изъ С.-Петербургской Дворянской Опеки опекунамъ надъ имѣніемъ и дѣтьми умершаго камеръ-юнкера Пушкина, на записку прихода и расхода суммъ января 17 дня 1845 г. (въ перепл.).

XXVIII) Объ истребованіи пансіона съ Главнаго Казначейства (разныя бумаги 1850-хъ г.).

XXIX) Реестръ исходящихъ бумагъ съ 31 янв. 1837 г. до 31 февр. 1846 г. (сшитая тетрадь, въ листъ).

XXX) Журналы опекунства надъ дѣтьми и имуществомъ покойнаго А. С. Пушкина за 1844, 1845 и 1846 гг.

XXXI) Входящія и исходящія бумаги за мартъ, апрѣль и май 1846 г.

XXXII) Черновыя опекунскія вѣдомости (сшитая тетрадь; бумаги 1840-хъ гг.).

XXXIII) Книга прихода и расхода денегъ по изданію сочиненій А. С. Пушкина. № 2. Съ 3 апрѣля 1837 г. (въ перепл.).

XXXIV) Книга для записи иногороднихъ подписчиковъ на посмертное изданіе сочиненій (толстая, въ переп-

летѣ; заполнено лишь нѣсколько листовъ, остальные — чистые).

XXXV) Разныя несшитыя, разбитыя бумаги по Опекѣ, 1840—1850 гг. —

Изъ всѣхъ этихъ „дѣлъ“ мы извлекаемъ неизвѣстныя доселѣ: письмо и двѣ записки Пушкина, нѣсколько писемъ къ нему, счеты книгопродавцевъ Беллизара, Диксона и Ѳомина, счеты бумажной фабрики Кайдановой, поставлявшей бумагу для „Современника“, письмо графа П. К. Эссена, касающееся перевезенія тѣла Пушкина, записку Н. И. Павлищева о своемъ управленіи Михайловскимъ, нѣсколько писемъ П. А. Плетнева, Жуковскаго, А. О. Ишимовой и нѣкоторые другіе документы; всѣ они, взятые вмѣстѣ, имѣютъ несомнѣнный интересъ для изслѣдователей, выясняя обстановку, въ которой жилъ поэтъ послѣдніе свои годы, его литературные интересы, отношеніе къ нему разныхъ лицъ и т. под. Счеты книгопродавцевъ нѣсколько дополняютъ уже извѣстный по каталогу сохранившихся книгъ составъ библіотеки Пушкина (въ этихъ счетахъ мы отмѣтили звѣздочкою книги, не сохранившіяся въ этой библіотекѣ), съ достовѣрностью подтверждаютъ принадлежность многихъ книгъ этой библіотеки Пушкину и даютъ возможность съ точностію, хотя бы отчасти, прослѣдить ходъ его литературныхъ интересовъ въ послѣдніе два года его жизни и сдѣлать заключеніе о широтѣ этихъ интересовъ и такомъ ихъ разнообразіи, которое съ перваго взгляда можетъ показаться безсистемнымъ стремленіемъ пріобрѣсти какъ можно больше книгъ. Изъ описанія библіотеки Пушкина видно, что многія изъ книгъ остались не только не прочитанными поэтомъ, но даже и не разрѣзанными; быть можетъ Пушкинъ, мечтая объ удаленіи изъ Петербурга въ тихую деревенскую обстановку, покупалъ книги „въ прокъ“. Любопытно также и то обстоятельство, что, тѣснимый до-

вольно рѣзкими напоминаніями со стороны Беллизара объ уплатѣ ему долга, Пушкинъ все-таки покупаетъ книги и — въ значительномъ количествѣ, платя большія деньги за такія сочиненія, безъ которыхъ, казалось, онъ легко могъ бы обойтись (напр., книги Lavater'a „L'art de connaître les hommes“, стоили 120 р., „Histoire de la Russie“, Leclerc'a — 150 р. и т. под.). Письмо къ Пушкину Плюшара и отвѣтъ ему поэта даютъ указаніе на неизвѣстный до сихъ поръ проектъ Пушкина выпустить новое изданіе своихъ стихотвореній, проектъ, о которомъ можно было лишь догадыватся по сохранившемуся въ библіотекѣ поэта экземпляру III и IV частей его „Стихотвореній“ изд. 1832—1835 г. (см. описаніе библіотеки, № 308), представленному имъ въ цензуру и пропущенному цензоромъ П. А. Корсаковымъ 2-го декабря 1836 г. Письма Плетнева и Жуковскаго касаются извѣстнаго уже факта черезмѣрно-ревниваго отношенія Опеки къ литературному Пушкинскому наслѣдію; нельзя не пожалѣть Плетнева, читая тѣ объясненія этого добросовѣстнаго и дѣйствительно „безъ лести преданнаго“ Пушкину друга, которыя онъ давалъ Опекѣ, отстаивая свое нравственное право печатать въ „Современникѣ“ нѣкоторыя неизданныя произведенія поэта и ссылаясь при этомъ на Жуковскаго, который, однако, забылъ свои слова и не поддержалъ Плетнева передъ Опекой...

Прочитывая дѣло Опеки объ уплатѣ долговъ Пушкина, можно наглядно видѣть, въ какихъ тискахъ матеріальной необезпеченности былъ поэтъ въ послѣдніе годы своей жизни, насколько тяжело было его финансовое положеніе, изъ котораго, повидимому, не было исхода... Векселя, выданные разнымъ частнымъ лицамъ, требованія объ уплатѣ долговъ со стороны многочисленныхъ кредиторовъ, начиная отъ книгопродавца, удовлетворявшаго духовную жажду поэта, и кончая послѣднимъ лавочникомъ, постав-

лявшимъ ему провизію; закладъ ростовщику Шишкину шалей, жемчуга и даже чужого серебра; долгъ даже собственному камердинеру; торопливая записка къ Карадыкину („Вы застали меня въ разплохъ безъ гроша денегъ")—все это дорисовываетъ ту поистинѣ трагическую обстановку, въ которой долженъ былъ жить поэтъ; прибавимъ ко всему этому хлопоты съ „Современникомъ", который только лишь начиналъ крѣпнуть, неизбѣжныя волненія, сопряженныя съ изданіемъ, непріятности съ цензурой, а въ то же время необходимость поддерживать свѣтскія отношенія, поднимать семью, вывозить и наряжать жену... Въ письмахъ къ ней поэта рано начинаютъ звучать ноты раздраженія по поводу несоразмѣрности доходовъ и расходовъ, о необходимости сокращенія послѣднихъ; имѣнія даютъ мало, почти ничего; въ службу идти уже поздно, да и невозможно. Пушкинъ сознаетъ, что поэтическая производительность его идетъ на убыль, что популярность его падаетъ, что онъ уже перестaлъ быть общимъ кумиромъ,—а тутъ еще семейныя дрязги, завершающіяся анонимными письмами, и сознаніе, что за нимъ постоянно слѣдитъ „недреманное око" Бенкендорфа и его приспѣшниковъ. Изъ заколдованнаго круга нѣтъ исхода, не предвидется никакого облегченія или улучшенія положенія; мечты о переселеніи въ деревню остались мечтами... Что же удивительнаго, что Пушкинъ ищетъ смерти, рвется на нее. Все это убѣждаетъ въ томъ, что ревность, которою одною объясняется обыкновенно трагическій исходъ жизни поэта, была лишь предлогомъ къ сведенію разсчетовъ съ жизнью, лишь однимъ изъ звеньевъ той цѣпи, которая сковала поэта, и освободиться изъ которой онъ не видѣлъ возможности иначе, какъ насильственнымъ образомъ...

Печатая документы, которые мы расположили въ хронологическомъ порядкѣ, мы при каждомъ изъ нихъ ука-

зываемъ въ скобкахъ римскую цифру того „дѣла“, въ которомъ онъ находится; цифры эти соотвѣтствуютъ помѣщенной выше описи.

1. *Ф. Беллизаръ*[1]) — *Пушкину (VII).*

7-го августа 1835 г. Петербургъ.

Monsieur,

Nous avons l'honneur de Vous adresser ci-contre la note des frais d'impression, gravure, port etc. du portrait de Pugatcheff, montant à R. 750.15 C. C'est un déboursé que nous avons fait pour vous être agréables et nous espérons que vous voudrez bien nous en remettre de suite la valeur.

C'est à regret que nous nous voyons forcés par le bésoin d'opérer nos rentrées de vous rappeller que, toute déduction faite des à compte que vous nous avez remis, le compte de nos fournitures de 1834 s'élève encore à la somme de 1566 R. 38 C. — Nous vous serions donc fort reconnaissans, si vous pouviez nous les solder également ou nous remettre au moins un à compte d'un millier de roubles qui nous seroit indispensable en ce moment pour satisfaire à des engagemens d'autant plus onéreux que nos affaires ont beaucoup souffert par suite des circonstances dans lesquelles nous nous sommes trouvés.

Solliciter ces deux réglemens avec une insistance qui ne nous est pas habituelle, c'est vous prouver de la manière la plus évidente, combien il serait important pour nous que vous voulussiez bien déférer à notre

---

1) Беллизаръ, издатель „Revue Etrangère“ и „Journal de St-Pétersbourg“, умеръ въ Петербургѣ 28-го августа 1863 года.

demande. Dans cet espoir
Nous avons l'honneur d'être,
Monsieur,
Vos très humbles et très obéissans serviteurs
F[d] Bellizard et C-ie.

St. Pétersbourg, le 7 Août 1835.
Monsieur Alex. Pouschkine etc. etc. En Ville.

#

Doit Monsieur A. Pouschkinn à F[d] Bellizard et C-ie.

Gravure du portrait de Pougatcheff	fcs 300
Tirage et papier de 3000 Exemplaires sur papier ord. à 10 f. 50 c. le cent...	„ 315
Tirage d° — de 200 Ex. sur le papier de chine à 20 fr. le cent	40
	fcs 655
Commission et frais payés à Paris 10%..	65.50
Total	fcs 720.50
Fcs 720. 50 c. au change de 110 =	R. 655 „ Cop.
Frais de transport, Assurance, droits de sortie, droits du sund, port de lettres etc. s'élèvant à 13% de la valeur..........................	„ 85.15
Notre commission de réception.........	„ 10 —
Total	R. 750.15 Cop.

St. Pétersbourg, le 18 Juillet 1835.

2. *Счетъ Ф. Беллизара, поданный Пушкину (VII).*

21-го марта 1836 г. Петербургъ.

Fourni à Monsieur A. Pouschkinn.

Suivant compte fourni le 11 Mars 1835 il nous etait dû...............	R. 1566.38 Cop.

1835, Mars 22.	Bulwer. Derniers jours de Pompéi. 2 Vol., 8⁰, venu par terre.	R. 22
— 22.	Voïart. Chants des Serviens, in 8⁰	16
Mai 23.	Bibliothèque Latine-Française, liv. 125 à 140, à 8 f. 50.....	136
	*— d⁰ — Iconographie, liv. 4 à 6, à 5 f.................	15
Juin 20.	Latouche. Valée aux loups, in 8⁰.	7.50
— 22.	Capefigue. Histoire de la Réforme. Tom. 7 et 8, 8⁰......	18
	Niebuhr. Histoire Romaine. Tom. 1 à 3, in 8⁰................	27
	La Bible, par Cohen. Tom. 6-e, 8⁰.	9
Juillet 12.	Le Globe. Atlas géographique liv. 1 à 9, pr. 10 liv-ns [соч. M. A. Dufour]	18
	La verité sur la Russie, in 8⁰ [соч. графа А. Гуровскаго]......	4
— 15.	*Souvenir de Créquy. Tom. 4-e, 18⁰ [1])....................	4
— 16.	Bulwer. La France sociale. 2 Vol., 18⁰	8
Août 1.	Reiffenberg. Le dimanche. 2 Vol. 18⁰	8
	*Souvenirs de Créquy, Tom. 4 et 5, 18⁰ [1])	8
	Irving. Abbotsford, in 12⁰ [2])...	5
	Bulwer. The Student in 12.⁰...	5
— 2.	Encyclopédie des gens du monde. Tom. IV en 2 parties....	16

1) Въ библіотекѣ Пушкина сохранились томы I, II, III, V и VII этого изданія.

2) Эта же книга куплена и у Диксона (см. ниже, стр. 127).

Septembre 5.	*Souvenirs de Créquy. Tom. 6-e, 18⁰	4
Octobre 24.	Bibliothèque latine-française, liv. 141 à 146: à 8 f. 50.	51
	Explication des médailles, in 8⁰.	„
Novembre 8.	Fénelon. Oeuvres, 3 vol., gd. 8⁰.	36
	Merimée. Notes d'un voyage, in 8⁰	9
	Agoub. De la littérature orientale, in 8⁰	9
	Thierry. Histoire des Gaulois, 3, in 8⁰.	27
	Trémadeure. La pierre de touche, in 8⁰.	10
	Schnitzler. La Pologne et la Russie, in 8⁰.	15
	Marmier. Etudes sur Goethe, in 8⁰.	9
	Abrégé de l'histoire, in 8⁰ [соч. Gasté?].	9
— 21.	Mémoires de St. Simon. 6 Vol., in 8⁰ [изданіе 1826 г.].	42
	Roman du Renard, in 8⁰.	13
1836, Janvier 10.	Sir Lionel d'Argenay, 2 Vol., in 8⁰ [соч. J. Le-Fevre].	18
	Mémoires de Luther. Tom. 2 et 3, in 8⁰, à 12 r.	24
	Le Cabinet des fées, in 18⁰ [библ. № 1121?].	5
— 24.	Oeuvres de Lafontaine, 6 Vol., in 8⁰ [изданіе 1826—1827 г.].	55
	Mémoires de M^r d'Epinay, 3 Vol. in 8⁰ [изданіе 1818 г.]	20
Février 3.	Mémoires de Mirabeau. Tom. 4 à 6, in 18⁰	11.25

	*Oeuvres de Mirabeau, 9 vol., 8⁰ [изданіе 1825—1827 г.] [1]) ..	63
— 17.	Petit volume, in 18⁰, rare [соч. J. B. Say; изд. 1818 г.].	5
Mars 7.	Rogers Poems, in 8⁰..........	45
	Autobiography of John Galt, 2 vol., in 8⁰................	35
	Journal of West India proprietor, in 8⁰ [соч. M. G. Lewis].	18
	Godwins. Lifes of the necromancers, in 8⁰................	20
	*Threatif [?] of Literatur, in 8⁰.	9
	Vendredi soir, in 8⁰ [соч. A. Karr]....................	9
	*Abonnement à la Revue Etrangère pr. 1836 avec Modes...	80
	Le Solde du compte du portrait de Pougatscheff ci-contre ...	95.15
	Total R.	2639.28 Cop.
1835, Novembre 2.	Reçu à compte......	466.38
	Rest. dû R.	2172.90

St. Pétersbourg, le 21 Mars 1836.

1836, Avril 24.	Reçu à compte pour F^d Bellizard et Cie J. Jungmeister....	975 „
	Reste R.	1197.90

На 3-ей стр:

Compte du portrait de Pougatscheff.

Suivant compte détaillé, fourni le 18 Juillet 1835, il nous était dû..... R. 850.15 Cop.

A déduire.

1835, Août 14. Reçu à compte......... R. 555

1] Въ библіотекѣ не сохранилось тома VI.

1836, Janvier 24. „d°.“	„ 100
Solde en notre faveur	R. 650
	95 „ Cop.

St. Pétersbourg, le 21 Mars 1836.

3. *Ф. Беллизаръ*[1]) — *Пушкину (VII).*

24-го марта 1836 г. Петербургъ.

Monsieur,

Les prières que nous vous avons adressées plusieurs fois restées toujours sans résultat, nous forcent à réitérer une démarche qui ne peut vous être plus importune qu'elle ne nous est désagréable.

Vous trouverez sous ce pli le relevé général de notre compte[2]), duquel il résulte que Vous nous devez encore 1100 r. sur nos fournitures de 1834! et, à très peu de choses près,—pareille somme pour nos fournitures de 1835.— C'est en Novembre de l'année d-re que nous avons reçu 466.38 à compte sur l'année 1834.—Si ce mode de paiement devait être suivi dans l'avenir, nos comptes ne se régleraient que trois ans après les fournitures, or, dans ce cas, la seule accumulation des intérêts nous constituerait en perte.

Nous ne négligeons rien pour satisfaire les personnes qui veulent bien s'adresser à nous, mais aussi toutes reconnaissent qu'il est juste d'acquitter dans le premier trimestre de l'année suivante le compte de celle qui vient de s'écouler.

Débiteur envers nous à ce jour d'une somme de R. 2172.90 Cop. vous déterminerez, Monsieur, s'il est con-

---

1) Писано на печатномъ бланкѣ магазина.
2) См. предыдущій счетъ, отъ 21-го марта.

venable que vous acquittiez maintenant le compte que nous vous sommettons.

Nous avons l'honneur d'être,

Monsieur,

Vos très humbles et très obéissans serviteurs

F^d Bellizard et C-ie.

St. Petersbourg, le 24 Mars 1836.

Monsieur A. de Pouschkine, En Ville.

Пушкинъ — Н. Н. Карадыкину (XII).

[Вторая половина 1836—начало 1837 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Николай Николаевичь

Вы застали меня въ разплохъ, безъ гроша денегъ. Виноватъ — сей часъ ѣду по моимъ должникамъ собирать недоимки, и коли удастся, явлюся къ Вамъ.

.....это...... сдѣлалось? ....? [1])
Экая бѣда!

Весь Вашъ А. П.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію М. Г. Николаю Николаевичу Карадыкину.

Расписка на письмѣ: „1837 года маія 29 дня слѣдующія мнѣ съ покойнаго Александра Сергѣевича Пушкина за бюро деньги триста рублей отъ опеки учрежденной, надъ его имѣніемъ, получилъ 10-го класса Николай Николаевъ сынъ Карадыкинъ". Бумага съ водяными знаками: А. Г. 1834. Запечатано *черною* печатью (вѣроятно, по случаю смерти Н. О. Пушкиной).

---

1) Точками обозначены отдѣльныя слова, въ подлинникѣ зачеркнутыя настолько тщательно, что разобрать ихъ нѣтъ никакой возможности.

5. *Счетъ бумажной фабрики Е. Н. Кайдановой, поданный Пушкину (XII).*

28-го октября 1836 г. Петербургъ.

Отъ Конторы
бумажной фабрики
Дѣйствительной
Статской Совѣтницы
Е. Н.
Кайдановой
1836 года Октября 28 дня.

Счетъ
Его Высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину на поставленную бумагу.

2	Апреля	16	стопъ	Библейной № 2 в. по 15 р.	240 р.
	„	$1^1/_4$	„	цвѣтной по 30.........	37.50 к.
9	„	$2^1/_2$	„	Библейной № 2 по 15...	37.50
1	Маія	16	„	тожъ № 2 по 15........	240
6	„	16	„	тожъ № 2 по 15........	240
12	„	20	„	тожъ № 2 по 15........	300
15	„	16	„	тожъ № 2 по 15........	240
„	„	$1^1/_4$	„	цвѣтной по 40.........	50
4	Іюня	40	„	Библейной № 2 по 15...	600
11	„	$1^1/_4$	„	цвѣтной по 40.........	50
19	„	28	„	Библейной № 2 по 15...	420
26	„	32	„	тожъ № 2 по 15........	480

Итого на сумму 2935 р.
14 Августа получено въ уплату............ 487 р. 50
Затѣмъ слѣдуетъ получить 2447.50

Управляющій конторою А. Шателенъ.

Рукою Пушкина: „Оныя двѣ тысячи четыреста сорокъ семь рублей обязуюсь заплатить въ исходѣ нынѣшняго 1836 года.

А. Пушкинъ.

28 октября 1836“.

Тутъ-же росписка въ полученіи долга отъ Опеки 12-го мая 1837 г.

6. *Счетъ Ф. Беллизара, поданный Пушкину (XII)*[1]).

9-го ноября 1836 г. Петербургъ.

	Fourni à Monsieur A. de Pouschkinn.	
	Suivant compte, fourni le 21 Mars 1836, il nous était dû	R. 2,172.90 Cop.
	A déduire	
1836, Avril 23.	Reçu à compte 50 demi-Impériales	975
		Resté dû R. 1197.90 Cop.
— 15.	Encyclopédie des gens du monde. Tom. V, 1-ère partie, in 8⁰	8 „
— 18.	Dictionnaire de l'Académie, 2 Vol., in 4⁰	45 „
— 27.	Laplace. Théorie des probabilités, in 4⁰ [библ. № 1429]	35 „
	— Essais philosophiques sur les probabilités, in 8⁰ [изд. 1825 г.].	6 „
	Lacroix. Traité des probabilités, in 8⁰ [изд. 1822 г.]	8 „
Mai 5.	Bibliothèque latine-française. Tom. 147, in 8⁰	8.50
— 25.	Jomini. Tableau analytique, in 8⁰ ..	10 „
	Herschel. Découvertes dans la lune, in 8⁰	4.50
	La Bedouine. 2 Vol., in 18⁰ [соч. J.-F. Poujoulat]	7 „
	Jocelyn. 2 Vol., in 18⁰ [соч. A. Lamartine]	5 „
	Quinet. Napoléon, in 8⁰	10 „
	*Aventures d'un rénégat. 2 Vol., in 8⁰	18 „

1) Снимки съ 1 и 3 страницъ этого счета см. въ журн. „Искры“ 1909 г., № 45, стр. 356.

	Paris et les Parisiens, Tom. 1 et 2, in 8⁰ [соч. Trollope]........	18 „
	Confessions. 2 Vol., in 8⁰ [соч. A. Musset]..................	18 „
	Livre mystique. 2 Vol., 8⁰ [соч. Balzac]....................	18 „
	Il vivere, in 18⁰ [соч. S. Bach]...	3.50
	Rienzi. 2 Vol., in 18⁰ [соч. E. L. Bulwer]...................	7 „
— 26.	Hoffmann. Contes fantastiques. Tom. 1 à 16, in 12⁰............	56 „
	Hamilton. Les hommes et les moeurs aux E. U. 2, in 8⁰.......	16 „
— 29.	Histoire de la chute de l'empire Romain, in 8⁰ [соч. Sismondi]..	7 „
	Les halieutiques, in 8⁰ [соч. J. M. Limes].....................	9 „
	*Oeuvres choisies de Stanislas, in 8⁰.	10 „
	Vie d'Alexandre le Grand, in 8⁰ [библ. № 611?]..............	10 „
	Chronique indiscrète du 19 siècle, in 8⁰......................	8 „
	Esprit de Rivarol, in 12⁰ [изд. 1808 г.]...................	4 „
Juin 2.	Le Centenaire, 2 Vol., in 18⁰ [соч. Balzac]....................	7 „
— 10.	Musset. Poésies, in 18⁰.........	3.50
— 16.	La St. Simonienne, in 8⁰. [соч. J. Lebassu]..................	9 „
	Historiette de Tallemant, 6 Vol., in 18⁰......................	21 „
	Tableau de littérature, in 8⁰ [соч. Barante?]..................	10 „
	*Folle d'Orléans, 2 Vol., in 8⁰....	18 „

— 18.	Sismondi. Histoire des républiques italiennes, 16 vol., 8⁰	145 „
	Marie ou l'Esclavage, 2 Vol., in 8⁰ [соч. G. Beaumont]	18 „
	Chemin de traverse, 2 Vol., in 8⁰ [соч. J. Janin]	18 „
	Chemin le plus court, 2 Vol., in 8⁰ [соч. A. Karr]	18 „
— 20.	*Résumé de l'histoire de littérature française, in 18⁰	3 „
	Mezières. Histoire critique de la littérature anglaise, 3 Vol., in 8⁰.	27 „
	Peschier. Histoire de la littérature allemande, 2 Vol., in 8⁰	20 „
	Duquesnel. Histoire des lettres avant le christianisme, 2 Vol., in 8⁰.	18 „
Juillet 2.	Discussions of the antipapal spirit, 2 Vol in 8⁰ [соч. G. Rossetti] . .	35 „
	Laharpe. Lycée, 2 Vol., in 8⁰	30 „
	Eichhoff. Parallèle des langues, in 4⁰	35 „
	*Oeuvres de Laharpe, 16 Vol. in 8⁰ [изданіе 1820—1826 гг.] 1) .	120 „
	Bibliothèque latine-française. Tom. 148 à 154, in 8⁰, à 8.50.	59.50
	Franklin. Mélanges, 2 Vol. in 18⁰.	7 „
	Démocratie en Amérique, 2 vol., in 8⁰[соч. A. Tocqueville]	18 „
	Rome au siècle d'Auguste, 4 Vol., in 8⁰ [соч. Ch. Dezobry]	35 „
	Physiologie du goût, 2 Vol., in 8⁰. .	16 „

1) Въ библіотекѣ Пушкина не сохранилось тома III.

	Lerminier. Etudes d'histoire, 2 Vol., in 8⁰.	18 „
	Procès de Fieschi, 3 Vol., in 8⁰ . . .	8 „
	Niebuhr. Histoire romaine, Tom. 4-e, in 8⁰.	9 „
	Encyclopédie des gens du monde, Tom. IV, 2-de partie, à Tom. VI, 1-ère et 2-de partie, à 8 r.	24 „
	Paris et les Parisiens. Tom. 3-e, in 8⁰ [соч. Trollope]	9 „
	Cohen. La S-te Bible. Tom. 7-e, 8⁰. .	7.50
	Créqui, Souvenirs. Tom. 7-e, in 18⁰.	3.75
	A Dictionary of the natural history, in 8⁰ [соч. T. Harris] . . .	12
— 7.	Dumas. Don Juan de Marana, in 8⁰	9
	Histoire de la mise en scène, in 12⁰ [соч. E. Morice]	7
— 17.	Chronique des tribunaux, T. 1 et 2, in 8⁰	18
	*Manuel d'histoire ancienne, in 8⁰.	9
— 18.	*Oeuvres de M-me de Staël; 17 Vol. in 8⁰ [Изданіе 1820 г.] [1])	130
	Du Polythéisme romain, 2 v., in 8⁰ [соч. B. Constant]	18
	Constant. Collection d'ouvrages sur le gouvernement constitutionnel. 8 Vol., in 8⁰ [изд. 1818—1820 г.]	45
	Commentaire sur l'ouvrage de Filangieri, in 8⁰ [соч. B. Constant]	5
— 20.	Rienzi, 2 Vol., in 18⁰ [см. выше,	

1) Въ библіотекѣ Пушкина не сохранилось томовъ X и XI.

то-же сочиненіе куплено 25 мая 1836 г.] 7

— 28. Dictionnaire anglais-français, 2 Vol., in 8⁰. 20

— 29. *Chateaubriand. Essai sur la littérature anglaise. 4 Vol., 8⁰ [1]). . . . 40

Vie et aventures de Pigault Lebrun, in 8⁰ [Соч. B. . ., J. N.] . . 9

— 30. Annual Register 1834 & 1835, in 8⁰ à 25 50

Août 3. *Choix d'opuscules, in 8⁰. 9

Poésies de Reboul, in 8⁰. 9

S-te Beuve. Critiques et Portraits. Tom. 2 & 3, in 8⁰. 20

Lys dans la Vallée, 2 Vol., 8⁰ [соч. Balzac] 18

Lavater. L'Art de connaître les hommes. 10 Vol., 8⁰. 120

— 4. Oeuvres de Ballanche, 4 Vol., 8⁰. . 52

Le Clerc. Histoire de la Russie. 6 Vol., in 4⁰ & Atlas 150

Morellet. Mélanges de littérature, 4 Vol., in 8⁰. 35

— 11. Oeuvres de Hoffmann. Tom. 17 à 20, in 12⁰, à 3 r. 50 [2]). 14

— 14. Le Palamède, № 1 à 3; pour 12 №. 30

Portraits littéraires, 2 Vol., in 8⁰ [соч. G. Planche]. 18

Cléopatre, 2 Vol., in 8⁰ [соч. J. Saint-Félix] 18

Bourdaloue. Oeuvres. 3 Vol., 8⁰. . . 30

Bossuet. Oeuvres. Tom. 1 à 3, in 8⁰, à 10 r. 30

---

1) Въ библіотекѣ Пушкина сохранились т. I и II.

2) Въ библіотекѣ Пушкина не сохранилось т. XX.

	Juvénal. Satires. 3 vol., in 8⁰[изд. 1825 г.]	22
— 29.	Mémoires de J. Tanner, 2 Vol., in 8⁰.	18
Septembre 26.	Les derniers Brétons 4 Vol., in 8⁰ [соч. E. Souvestre]	35
	Oeuvres de Bossuet. Tom. 4 & 5, in 8⁰	20
	Histoire des émigrés, 4 Vol., 8⁰ [соч. Antoine, изд. 1828 г.] [1])	35
— 29.	Annual Register p. 1833, in 8⁰.	35
Octobre 5.	De l'Espagne, in 8⁰ [соч. bar. d'Eckstein]	9
— 12.	Contes de Perrault, in 8⁰, avec vignettes	9
— 19.	Revue Retrospective, 1-ère série, 15 №.	80
	Revue Retrospective pr. 1835 complet.	65
	Revue Retrospective pr. 1836, № 1 à 8	l'année 65
	Dodecaton, 2 Vol., in 8⁰	18
Novembre 3.	Appert. Bagnes, prisons etc., 4 Vol., 8⁰	35
		Total. R. 3,713.65 Cop.

St. Pétersdourg, le 9 Novembre 1836.

На оборотѣ *рукою Пушкина* написано [2]):

„Je reconnais ce compte montant à la somme de 3713 (trois mille sept cent treize) dont sept cent roubles payables le 10 janvier 1837 et mille cinq cent pour le 10 avril de la même année — le reste vers le 1-r Septembre 1837.

Alexandre Pouschkine.

10 Novembre 1836".

1) Въ библіотекѣ Пушкина не сохранилось т. IV.

2) Снимокъ съ записи Пушкина см. въ ж. „Искры" 1909 г., №45, стр. 356.

Рукою Беллизара помѣчено: „Le 12 Janvier 1837 reçu à compte trois cent cinquante Roubles assns“.

Въ томъ же дѣлѣ — счетъ Беллизара, составленный уже 21-го февраля 1837 г., за доставленныя Пушкину книги:

„Suivant le compte, fourni le 9 Novembre 1836 et signé par Mr Pouschkinn, il nous était dû.................... R. 3713.65 Cop.
1836, Décembre 7: Raumer. L'Angleterre en 1835, 2 Vol. in 8⁰......... 18
Chefs d'oeuvres du théâtre indien, 2 Vol., in 8⁰................ 18

Total R. 3749.65 Cop.

A déduire:
1837, Janvier 12. Reçu à compte....... 350

Solde en notre faveur 3.399.65 Cop.“

Тутъ-же и расписка въ полученіи этихъ денегъ отъ Опеки.

7. *А. А. Плюшаръ — Пушкину (VII).*

St. Pétersbourg, le 23 Décembre 1836.

Monsieur Pouschkine en Ville.

Ainsi que nous en sommes restés d'accord, il est convenu que je vais imprimer un volume de Vos Poésies, à 2500 exemplaires, format in-octavo, et j'ai l'honneur de Vous remettre ci-joint un échantillon du papier destiné à cette publication, du prix de vingt roubles ass. la rame.

Comme je ne connais point le nombre de feuilles dont se composera votre volume, je me borne à vous prévenir que la feuille d'impression, indépendamment des frais de couverture et de brochage, Vous coûtera cinquante roubles ass. pour 2500 ex. de tirage.

Je serai seul chargé de la vente de cet ouvrage, pour laquelle vous consentez à m'allouer une remise de 15% (quinze pour cent). Je ferai pour votre compte toutes les avances de cette édition, et ces débourses ainsi que les quinze cents roubles ass. que je vous ai compté ce jour seront prélevés par moi sur le produit des premiers volumes vendus.

Veuillez m'accuser reception de cette lettre et me dire si nous sommes bien d'accord sur ces dernierès conditions.

Veuillez agréer, Monsieur, mes salutations bien sincères.

Pluchart.

8. *Пушкинъ — А. А. Плюшару (XII).*

29-го декабря 1836 г. Петербургъ.

Monsieur,

Je suis parfaitement d'accord sur toutes les conditions que Vous avez la complaisance de me proposer, concernant la publication d'un volume de mes poésies (dans votre lettre du 23 décembre 1836). Il est donc convenu que vous le ferez imprimer à 2,500 ex. sur le papier que vous choisirez, que vous serez seul chargé de la vente de l'édition, à raison de 15% de remise, et que le produit des premiers volumes vendus servira à rembourser tous les frais de l'édition, ainsi que les 1500 roubles ass. que vous avez bien voulu m'avancer.

Veuillez recevoir, Monsieur, l'assurance de ma parfaite consideration.

A. Pouschkin.

29 Décembre
1836.
St. Pétersbourg.

[Nota: les 1500 r. ont été comptés à Mr Pouschkine le 22 décembre 1836].

Письмо это въ дѣлахъ Опеки сохранилось въ копіи, но съ засвидѣтельствованіемъ на ней графа Віельгорскаго: „J'ai vu l'original de la lettre. Le C. M. Wielhorsky". Копія эта была представлена въ опеку при письмѣ за Плюшара J. Sabbatier къ графу Віельгорскому отъ 10-го мая 1837 г. съ просьбой уплатить долгъ; на оборотѣ его— расписка Плюшара отъ 5-го февраля 1838 г. въ полученіи долга: 810 рублей асс. и 14-ю подписными билетами на посмертное изданіе сочиненій Пушкина.

9. *Пушкинъ — въ ресторанъ Фильетта (XII).*

16-го января [1837 г. С.-Петербургъ].

Envoyez moi je Vous prie un paté de foie gras à 25 r.

A. Pouchkine.

16 Jan.

На запискѣ — расписка Михайла Васильева въ полученіи денегъ отъ Опеки 14-го мая 1837 г.

10. *Счетъ книгопродавца Л. Диксона, поданный Н. Н. Пушкиной (XII).*

2-го февраля 1837 г. Петербургъ.

Mr Puschkin.

To L. Dixon D^{r}.

1836.	To account delivered...........	R. 319.75
	Colerige's Conversations, 2 vols..	21
	*15 Prints of Horses............	5
	Abbotsfort & Newstead Abbey [соч. W. Irving] [1])..........	3
	Diary of a Physician [см. описаніе библіотеки Пушкина № 585]..	6

1) Эта книга была куплена и у Беллизара 1-го августа 1835 г. (см. выше, стр. 113).

American in England [см. тотъ-же №]	6
Haggi Baba [см. тотъ-же №]	6
	R. 366.75
Oct. 1 Received	58.50
	R. 308.25

Febr. II-d 1837.

L. Dixon.

Тутъ же расписка Диксона въ полученіи долга отъ Опеки 13-го мая 1837 г.

11. *Графъ П. К. Эссенъ—графу Г. А. Строганову* [1]) *(II).*

3-го февраля 1837 г. Петербургъ.

Милостивый Государь,

Графъ Григорій Александровичь.

Поспѣшаю увѣдомить Ваше Сіятельство на отношеніе отъ сего числа, что объ отправленіи тѣла Александра Сергѣевича Пушкина въ Монастырь Святыя Горы извѣщенъ отъ меня С.-Петербургскій Комендантъ Генералъ Адъютантъ Мартыновъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугой

Графъ Петръ Эссенъ [2]).

3-го февраля 1837 г.

---

1) Письмо это не было извѣстно въ печати; ср. статью Н. О. Лернера „Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина"—„Русск. Стар." 1907 г., февраль, стр. 453—457, гдѣ напечатано дѣло Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ „О перевозкѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія въ Псковскую губернію".

2) С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ.

12. *„Записка о сельцѣ Михайловскомъ и моемъ управленіи“ Н. И. Павлищева (IX).*

31-го октября / 12-го ноября 1837 г. Варшава.

...По кончинѣ Надежды Осиповны, А. С. хотѣлъ купить Михайловское за 40/т., побывавъ сначала въ деревнѣ. Левъ прислалъ мнѣ довѣренность на свою, Ольга передала мнѣ свое право вмѣстѣ съ 7 частію, уступленною ей Сер. Льв., и дѣло было-бъ кончено, еслибъ у А. С. случились на то время деньги. Между тѣмъ намъ надо было ѣхать въ Варшаву, а денегъ ни гроша. А. С. даетъ намъ тысячу рублей и говоритъ: „ступайте въ деревню, тамъ найдете денегъ, чтобы добраться въ Варшаву“. Вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ меня заглянуть въ хозяйство и пишетъ управителю слушаться моихъ приказаній. Имѣлъ ли А. С. право такъ распоряжаться? Предоставляю сужденію другихъ. Найдя въ Михайловскомъ большія злоупотребленія, а пуще всего ни зерна въ амбарѣ, я прогналъ управителя, посадилъ старосту, и принялся самъ хозяйничать, тѣмъ болѣе, что наступало время жатвы и посѣва (въ августѣ 1836 г.). Обо всемъ этомъ я тотчасъ оповѣстилъ А. С., Сер. Л., и даже Льва, котораго довѣренность впрочемъ избавляла меня отъ этого труда. А. С. отвѣчалъ мнѣ отъ 13-го іюля: „я очень зналъ, что прикащикъ плутъ, хотя признаюсь не подозрѣвалъ въ немъ такой наглости. Вы прекрасно сдѣлали, что его прогнали и *принялись сами хозяйничать*. Одно плохо; по письму вашему вижу, что вопреки *моему приказанію*, прикащикъ успѣлъ уже все распродать и пр.“. Отвѣтъ Сер. Л. изъ с. Коровина отъ 7-го августа 1836 г. былъ слѣдующій: „Всѣ подробности въ немъ (т. е. въ письмѣ моемъ) изложенныя какъ *по управленію* въ Михайловскомъ, такъ и по раздѣлу вашему *до меня не касаются*. Отказавшись отъ своей части въ пользу

Олиньки [1]), я дѣлаюсь въ этомъ дѣлѣ совершенно *посторонним* человѣкомъ и прошу васъ впредь почитать меня таковымъ... Если А. С. поручилъ вамъ взглянуть на хозяйство, то къ нему вамъ и слѣдовало *обо всемъ* относиться. Я же *ни во что не войду* и прошу васъ *болѣе не обременять меня дѣлами*, въ которыхъ я уже *никакого участія не приму*". Отъ Льва имѣю формальную довѣренность 5-го Маія 1836 г., въ Тифлисскомъ Уѣздномъ Судѣ подъ № 381 записанную. Вотъ на какомъ правѣ я управляю Михайловскимъ: вотъ довѣренности, которыя и Опека не можетъ не признать законными. Отъѣзжая изъ Михайловскаго и потомъ по пріѣздѣ сюда, просилъ я А. С. избавить меня отъ труда управленія и послалъ ему даже краткій окончательный расчетъ. Просьба моя осталась безъ отвѣта, вѣроятно по причинамъ, приготовившимъ роковую развязку; вслѣдствіе чего я продолжалъ и продолжаю управлять имѣніемъ. Опекѣ давно бы слѣдовало запросить меня, но она до сихъ поръ не объявила даже о своемъ бытіѣ въ *здѣшнихъ* газетахъ, не зная, конечно, что Петербургскія для Царства Польскаго необязательны и даже неизвѣстны"...

13. *Графъ Г. А. Строгановъ—В. А. Жуковскому (V).*

[Мартъ 1837 г. Петербургъ].

Милостивый Государь,
Василій Андреевичь.

Вчерашняго числа изволили Вы сообщить мнѣ желаніе Г. Каратыгина [2]) помѣстить въ числѣ піесъ, избранныхъ

---

1) Ср. „Пушк. и его совр.", вып. XII, стр. 83—84, 86, 115.

2) Бенефисъ Петра Андреевича Каратыгина съ „Русалкой" состоялся 25-го апрѣля 1838 г.—см. Записки П. А. Каратыгина, С.-Пб. 1880 г., стр. 260. На 1-е февраля 1837 г. былъ назначенъ, въ бенефисъ Каратыгина, „Скупой Рыцарь", но спектакль, изъ опасенія излишняго энтузіазма, былъ отложенъ („Пушк. и его совр.", вып. VI, стр. 66—67).

имъ для своего Бенефиса, сочиненную покойнымъ А. С. Пушкинымъ Пьесу подъ заглавіемъ Русалка. На сіе поспѣшаю отвѣтствовать Вамъ, Милостивый Государь, что Опекунство, учрежденное надъ дѣтьми и имуществомъ покойнаго Александра Сергѣевича, изъявило согласіе свое на упомянутое предложеніе Г. Каратыгина.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Г. Григорій Строгановъ.

№ 23.

„ “ Марта 1838 г.

Его Прев—ву В. А. Жуковскому.

Бумага подписана, но надорвана; можетъ быть, она не была отправлена?

14. *Н. Н. Пушкина — графу Г. А. Строганову (XII).*

25 Mars 1838 [Полотняный Заводъ].

Cher Oncle. Vous me pardonnerez de vous ennuyer encore de mes affaires. Mais voilà le fait. Il y a une dette de 3000 rs. que mon mari est resté à devoir à Monsieur Нащокинъ. Monsieur Joukoffsky en a été informé par lui, lors de son passage à Moscou, mais sa réponse ayant été qu'il devroit s'adresser à moi, afin que je la reconnoisse, je me suis empressée de faire savoir à Monsieur Joukoffsky, et crois de mon devoir de vous informer aussi que cette dette existe réellement et que c'est un oubli impardonnable de ma part. Si cependant cela pouvoit occasioner quelque embarras à la tutelle, auriez vous la bonté de m'en informer: peut-être pourrois-je la liquider avec mes petites économies de cette année. Dmitri[1]) m'a parlé de quelques renseignements dont vous auriez besoin, par rapport de la terre de

1) Д. Н. Гончаровъ.

Pskoff: dès demain je compte écrire à une des voisines [1]) pour en avoir de bien exactes; aussitôt reçus, je vs les expédie accompagnés d'une lettre officielle, avec la demande de conserver, s'il est possible, cette terre à mes enfants. Vous avez eu la bonté de vous interresser, mon cher Oncle, à mes projets sur l'avenir; mon frère m'a transmis fidèlement votre conseil, il a été reçu avec la reconnaissance; veuillez croire que si j'avois formé quelques plans, je me serois crû autorisée, vû l'intérêt que vous daignez me témoigner, à vous en faire part des premiers. Mais pour le moment mes plans se bornent à un voyage chez ma mère.

Alexandrine et moi vous remercions pour votre souvenir et pr le baiser dont vous avez eu la bonté de charger mon frère pour nous.

Je me dis votre bien devouée nièce

Natalie Pouschkine.

На письмѣ рукою Жуковскаго: „Долгъ Нащокину, о коемъ упоминается въ семъ письмѣ, мнѣ извѣстенъ и его слѣдуетъ заплатить безъ всякаго прекословія.

Дѣйст. Стат. совѣтникъ Жуковскій.

1838 Апрѣля 22".

Деньги Нащокину (3000 р.) были посланы къ Д. Н. Гончарову Н. И. Отрѣшковымъ при письмѣ отъ 7-го іюня 1838 г.

15. *С. Л. Пушкинъ — Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову (V).*

4-го мая 1838 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Нарциссъ Ивановичь!

Препровождая при семъ, полученной мною билетъ, на Сочиненія покойнаго моего сына, осмѣливаюсь просить

1) П. А. Осиповой?

васъ по случаю моего отъѣзда, сдѣлать одолженіе, при появленіи ихъ, переслать ко мнѣ въ *Псковскую Губернію въ Островъ* на имя Барона Бориса Александровича Вревскаго въ Село *Голубово*, чѣмъ почту себя совершенно вами обязаннымъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію, честь имѣю, пребыть

Милостивый Государь!

Покорнѣйшій вашъ

Сергѣй Пушкинъ.

4-го Маія 1838.

Помѣта: „Писано Штеру 12 маія 1838". Петръ Андреевичъ Штеръ завѣдывалъ разсылкой подписчикамъ посмертнаго изданія.

16. *П. А. Плетневъ — графу М. Ю. Віельгорскому (V).*

15-го іюня 1838 г. Спасская Мыза.

Милостивый Государь

Графъ Михаилъ Юрьевичь!

Имѣю честь извѣстить Ваше Сіятельство, что подлинникъ письма Пушкина къ г-жѣ Ишимовой, которое предположено въ видѣ fac-simile присоединить къ послѣднему тому сочиненій его, не у меня находится, а у самой г-жи Ишимовой, дочери Надворнаго Совѣтника, живущей въ Фурштатской улицѣ, въ домѣ, принадлежащемъ Лютеранской Анненской Церкви. И такъ не благоугодно ли будетъ Вашему Сіятельству, чтобы г. Атрѣшковъ прямо къ ней самой отнесся о доставленіи этого письма въ Опекунство, или, что еще удобнѣе, лично объяснился бы съ г-жею Ишимовой, которая безъ сомнѣнія очень дорожитъ такимъ письмомъ.

Біографія Пушкина, которую написать Опекунство возложило на меня, приводится къ концу и печатается въ

№ 2 Современника, который непремѣнно выйдетъ черезъ двѣнадцать дней отъ сего числа. Нѣсколько особыхъ оттисковъ этой Біографіи я буду имѣть честь представить Вашему Сіятельству, дабы Вы сами и кому еще угодно будетъ поручить Вамъ потрудились сдѣлать въ моей брошюрѣ тѣ перемѣны и дополненія, кои почтете необходимыми, чтобы статья могла явиться въ публику при сочиненіяхъ Пушкина.

Съ нѣкотораго времени, послѣ переѣзда моего на дачу, начали въ городской квартирѣ моей покидать пакеты, адресуемые въ Опекунство Пушкина. Такимъ образомъ нашелъ я у себя

1) Отношеніе Псковскаго Гражданскаго Губернатора съ I томомъ Пушкина сочиненій, 2) Повѣстку изъ Почтамта о 25 р. Препровождая при семъ все это къ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прошу приказать, кому слѣдуетъ, чтобы въ Почтамтѣ обстоятельно объявлено было, куда слѣдуетъ доставлять разныя бумаги, съ адресомъ въ Опекунство Пушкина, и тѣмъ прекратить возникнувшій безпорядокъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ,
Сіятельнѣйшій Графъ,
покорнѣйшимъ слугою
П. Плетневъ.

15 Іюня 1838.
Спасская Мыза, близъ Лѣсного Института.

17. *П. А. Плетневъ — Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову (V).*

17-го Іюля 1838 г. [Спасская Мыза].

Милостивый Государь
Наркизъ Ивановичъ!

Вамъ угодно было черезъ князя В. Ѳ. Одоевскаго узнать у меня, отвѣчалъ ли я въ Опеку по дѣламъ Пуш-

кина на письмо въ разсужденіи доставки оригинальныхъ писемъ Александра Сергѣевича, писанныхъ имъ въ послѣдній день его жизни къ дѣвицѣ А. О. Ишимовой. Имѣю честь извѣстить Васъ, что на другой же день это было мною исполнено. Я не могъ сдѣлать на своемъ отвѣтѣ надписи на Ваше имя, потому что тогда еще не имѣлъ чести знать ни мѣста служенія Вашего, ни мѣста Вашего жительства — и потому рѣшился съ отвѣтомъ своимъ обратиться къ Графу Михаилу Юрьевичу, какъ члену Опеки, полагая, что отъ этого не произойдетъ никакой остановки въ дѣлѣ. Я увѣренъ былъ, что Его Сіятельство не преминетъ сообщить моего отзыва Опекѣ.

Еще Вамъ угодно было потребовать отъ меня отзыва, съ дозволенія ли Опеки я помѣщаю неизвѣстныя еще публикѣ стихотворенія Пушкина въ Современникѣ? И это непонятно мнѣ, какимъ образомъ Вы, какъ Членъ Опеки, не изволили видѣть бумаги моей, еще въ Генварѣ нынѣшняго года поданной мною черезъ Д. С. С. Василія Андреевича Жуковскаго въ Опеку[1]). Тамъ изложено было мною это дѣло въ подробности — и Опека тогда же поручила означенному Члену своему В. А. Жуковскому разрѣшить меня, находя, что такъ-какъ никто болѣе и вѣрнѣе меня не можетъ отыскать непечатанныхъ Стихотвореній покойнаго Пушкина, то мои открытія принесутъ пользу самой Опекѣ, которая желаетъ нѣкогда издать все, что только найдется писаннаго Пушкинымъ. Сей отвѣтъ Опеки переданъ мнѣ самимъ Василіемъ Андреевичемъ, безъ чего, какъ Вы сами изволите предположить, и я не имѣлъ бы права, и не осмѣлился бы пользоваться чужою собственностью.

Наконецъ, Вы изволите полагать, что Біографія Пушкина, мною написанная (коей особые оттиски я имѣлъ

1) Въ дѣлахъ Опеки ея не сохранилось. *Б. М.*

честь давно препроводить въ Опеку черезъ Графа М. Ю. Віельгорскаго), не можетъ въ этомъ видѣ быть помѣщена при сочиненіяхъ автора. Какъ сочинитель, я на это ничего не смѣю отвѣчать Вамъ. Впрочемъ въ моемъ отношеніи въ Опеку сказано, что я согласенъ на всѣ перемѣны, даже на самое уничтоженіе статьи. Вы нынѣ въ лицѣ своемъ представляете всю Опеку: слѣдственно все, что Вамъ угодно будетъ сдѣлать со статьею, уже давно принято мною.

Имѣю честь быть покорный слуга

П. Плетневъ.

17 Іюля 1838.

18. *П. А. Плетневъ — графу Г. А. Строганову (V).*

[Сентябрь-октябрь 1838 г. Петербургъ].

Милостивый Государь

Графъ Григорій Александровичь!

Вашему Сіятельству угодно знать, откуда получаются статьи въ стихахъ и прозѣ, печатаемыя съ именемъ покойнаго А. С. Пушкина въ издаваемомъ мною журналѣ: *Современникъ*.

Я имѣлъ счастіе, въ теченіе двадцати лѣтъ, пользоваться дружбою нашего знаменитаго поэта. Не выѣзжавши въ это время ни разу изъ Петербурга, я былъ для него всѣмъ: и родственникомъ, и другомъ, и издателемъ, и кассиромъ. Покойный Пушкинъ, находившись по большой части внѣ Петербурга, то въ Новороссійскомъ краю, то въ своей деревнѣ, безпрестанно долженъ былъ писать ко мнѣ, потому что у него не было другихъ доходовъ, кромѣ тѣхъ денегъ, которыя собиралъ я отъ изданія и продажи его сочиненій.

Привычка относиться во всемъ ко мнѣ, опыты прямодушія моего, и — можетъ быть — нѣсколько счастливыхъ замѣчаній, которыя удалось мнѣ передать ему на его сочиненія, до такой степени сблизили его со мною, что ему вздумалось предварительно совѣтоваться съ моимъ приговоромъ каждый разъ, когда онъ въ новомъ сочиненіи своемъ о чемъ нибудь думалъ на̀-двое. Такимъ образомъ, присылая оригиналъ свой ко мнѣ для печатанія, онъ прилагалъ при немъ нѣсколько поправокъ или перемѣнъ на сомнительныя мѣста, предоставляя мнѣ выбрать для печати то, что я найду лучше.

Такимъ образомъ у меня накопилось нѣсколько статей, хотя неполныхъ, отрывчатыхъ, но уже и тѣмъ драгоцѣнныхъ, что на нихъ остался блескъ ума Пушкина. Не подумайте однакожъ, Ваше Сіятельство, что я употребляю во зло довѣренность покойнаго моего друга. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года, печатая № 1 Современника, я письменно отнесся, о намѣреніи помѣщать эти статьи въ моемъ журналѣ, къ одному изъ Членовъ Опеки дѣтей Пушкина, а именно къ Д. С. С. Василію Андреевичу Жуковскому, прося его извѣстить объ этомъ Опеку и отвратить отъ меня всякое нареканіе. При отъѣздѣ своемъ за границу Василій Андреевичь извинился передо мною, что не успѣлъ увѣдомить меня письменно о согласіи Опеки на мое предположеніе, но *поручился* мнѣ словомъ своимъ, что это согласіе Опеки произнесено, и даже прибавилъ, что все, мною собираемое и печатаемое въ Современникѣ, принесетъ выгоды Опекѣ, которая, безъ моей публикаціи, никогда не узнала бы о существованіи этихъ статей.

Впрочемъ, объ отзывѣ В. А. Жуковскаго на мою бумагу въ Опеку, я уже имѣлъ честь нынѣшнимъ лѣтомъ писать къ Члену Опеки Камеръ-Юнкеру Н. И. Атрешкову по его запросу, по какому праву я печатаю статьи Пушкина.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ,

Сіятельнѣйшій Графъ,

покорнѣйшимъ слугою

П. Плетневъ.

Д. С. С. Петра Александровича
Плетнева квартира у Обухова
моста въ домѣ *Сухаревой*.

19. *П. А. Плетневъ—Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову (V).*

1-го ноября 1838 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Наркизъ Ивановичь!

Въ біографіи Пушкина я не умѣю сдѣлать самъ никакихъ перемѣнъ; иначе не преминулъ бы внести ихъ въ пьесу прежде, нежели ее напечаталъ. Объ этомъ я уже имѣлъ честь и Васъ увѣдомить и Е. С. Графа Михаила Юрьевича.

Но какъ біографія написана мною единственно по желанію нѣкоторыхъ Членовъ Опеки и, какъ я имѣлъ честь Вамъ отозваться, предана мною въ полное распоряженіе Опеки; то на всѣ поправки съ ея стороны, кѣмъ бы онѣ сдѣланы ни были изъ членовъ ли ея, или даже изъ постороннихъ лицъ по ея усмотрѣнію, согласіе мое полное уже дано и теперь вновь подтверждается. Самъ же я, какъ объяснилъ выше, на это не выступлю и даже не имѣю времени.

Само собою разумѣется, что въ случаѣ помѣщенія Біографіи при сочиненіяхъ Пушкина, мое имя *не будетъ подъ нею выставлено.*

Съ истиннымъ почтеніемъ

Вашъ покорнѣйшій слуга

П. Плетневъ.

1 Нояб. 1838 г.

20. *П. А. Плетневъ—графу Г. А. Строганову (V).*

24-го ноября 1838 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Графъ Григорій Александровичь!

Ваше Сіятельство удивлены были, отъ чего я такъ поздно извѣстилъ Типографію о желаніи В. А. Жуковскаго, чтобы Письма покойнаго А. С. Пушкина къ дѣвицѣ Ишимовой набраны были въ его сочиненіяхъ съ тѣмъ примѣчаніемъ, которое находится въ Современникѣ. Всѣ разпоряженія касательно печатанія произведены въ Опекѣ, и мнѣ совершенно было не извѣстно до полученія послѣдняго Корректурнаго листа Сочиненій Пушкина, какъ набраны будутъ эти два письма. Членъ Опеки Камеръ-Юнкеръ Н. И. Атрешковъ нынѣшнимъ лѣтомъ письменно навѣдывался у меня о жительствѣ дѣвицы Ишимовой, чтобы достать отъ нея въ оригиналахъ эти письма. Извѣстивъ объ этомъ г. Атрешкова, я оставался въ полномъ убѣжденіи, что при доставленіи писемъ въ Типографію прибавленъ будетъ и объяснительный отзывъ издателей, тѣмъ болѣе, что безъ объясненія нѣтъ никакого интереса въ письмахъ. Увидѣвъ наконецъ въ Корректурномъ листѣ наборъ Письма только одного и безъ всякаго примѣчанія, я почелъ своимъ долгомъ увѣдомить Типографію, что въ этомъ видѣ письмо никому не будетъ понятно.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашимъ,

Сіятельнѣйшій Графъ,
покорнѣйшимъ слугою
П. Плетневъ.

24 Нояб. 1838 г.

21. *П. А. Плетневъ—графу Г. А. Строганову (V).*

19-го января 1839 г. [Петербургъ].

Милостивый Государь

Графъ Григорій Александровичь!

Принося искреннѣйшую благодарность за объясненіе дѣла касательно напечатанныхъ въ Современникѣ сочиненій покойнаго А. С. Пушкина, имѣю честь извѣстить Ваше Сіятельство, что послѣ письма Вашего отъ 18 Генваря сего года ни одна уже пьеса изъ сочиненій А. С. Пушкина въ Современникѣ помѣщена не будетъ. Одно только отсутствіе В. А. Жуковскаго было причиною, что все это дѣло приняло столь неблагопріятный для меня видъ. Но и теперь я не нахожу себя внѣ возможности удовлетворить взыскательности Опеки. Безъ малѣйшаго отлагательства я готовъ внести сумму, которая назначена будетъ Опекою за напечатанныя мною сочиненія.

Что касается до лестнаго для меня порученія Вашего Сіятельства—способствовать открытію новыхъ пьесъ покойнаго А. С. Пушкина, Опекѣ неизвѣстныхъ, я принимаю его съ истиннымъ удовольствіемъ сколько по чувству преданности моей памяти незабвеннаго Поэта, столько и по моему желанію способствовать украшенію Отечественной Словесности.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

Покорнѣйшій слуга

П. Плетневъ.

19 генв. 1838 г.

22. *А. О. Ишимова — графу Г. А. Строганову (VIII).*

21-го марта 1839 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Григорій Александровичь!

Опека, учрежденная надъ дѣтьми и имѣніемъ покойнаго Александра Сергеевича Пушкина обращалась ко мнѣ прошедшій годъ съ просьбою о доставленіи къ ней письма, полученнаго мною отъ него, за два дня до кончины его, 26-го января 1836 (sic) года: оно нужно было при изданіи полныхъ сочиненій его. Желая, сколько возможно, содѣйствовать этому изданію, я поспѣшила доставить письмо одному изъ членовъ Опеки, Г—ну Камеръ-юнкеру Атрѣшкову. По выходѣ VIII-го тома сочиненій Александра Сергеевича, я увидѣла, что письмо мое, напечатанное въ этомъ томѣ, уже не нужно болѣе для Опеки, и съ того времени нѣсколько разъ обращалась съ просьбою о возвращеніи его къ Г—ну Атрѣшкову, но до сихъ поръ не получила не только письма, но даже и отвѣта, изъ котораго я могла бы узнать что оно существуетъ еще въ Опекѣ.

Ваше Сіятельство! я цѣню слишкомъ высоко это письмо, чтобы мнѣ возможно было оставаться спокойною въ этой неизвѣстности, и потому беру смѣлость покорнѣйше просить Васъ о возвращеніи мнѣ листочка, почитаемаго мною величайшею драгоцѣнностію моею. Я увѣрена, что Ваше Сіятельство, какъ просвѣщенный цѣнитель незабвеннаго поэта нашего, оправдаете безпокойство мое, и не откажетесь употребить вліяніе Ваше на тѣхъ, отъ кого зависитъ возвращеніе мнѣ драгоцѣнной собственности моей.

Съ чувствами глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть

Милостивый Государь!
Вашего Сіятельства
готовая къ услугамъ
Александра Ишимова.

21 Марта 1839 г.
На Литейной, по Фуршт.
улицѣ, въ домѣ Лютер.
церкви Св. Анны, № 8

Графъ Г. А. Строгановъ отвѣтилъ на это письмо, что Отрѣшковъ вернулъ письмо Пушкина черезъ знакомаго Ишимовой д. с. с. Энегольма и при этомъ благодарилъ ее за доставленіе письма.

23. *В. А. Жуковскій—графу Г. А. Строганову (IX).*

17/29-го апрѣля 1839 г. Гага.

Милостивый Государь
Графъ Григорій Александровичъ.

На письмо, полученное мною отъ Вашего Сіятельства, имѣю честь отвѣчать, что я совсемъ ничего не знаю о перепечатываніи въ Современникѣ стихотвореній Пушкина. Я никогда не давалъ на это позволенія и не могъ дать его, ибо это зависитъ не отъ меня. Говорю только о тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, кои собраны мною, и приготовлены къ изданію. Что же касается до сочиненій, мнѣ неизвѣстныхъ, то есть до мелкихъ стихотвореній, кои могли быть написаны Пушкинымъ въ какомъ нибудь альбомѣ, или не нашлись въ бумагахъ его, то за напечатаніе ихъ отвѣчать не могу; да ихъ и не можетъ быть много и отъ ихъ появленія въ свѣтъ въ какомъ бы то ни было журналѣ не будетъ подрыва полному изданію неизвѣстныхъ сочиненій Пушкина. Помнится мнѣ, что двѣ или три мелкія піесы

найдены были Плетневымъ и помещены имъ въ первомъ Номерѣ его Современника. Право не помню, какія это піесы. Но отъ меня Плетневъ не получалъ никогда позволенія перепечатывать сочиненій Пушкина, собранныхъ нами и назначенныхъ для изданія.—Мы вѣроятно будемъ къ концу Іюня въ Петербургѣ. Если вамъ угодно будетъ подождать нашего пріѣзда, то я могу взять на себя наблюденіе за изданіемъ полныхъ сочиненій Пушкина. Въ нихъ иное надобно будетъ выбросить, иное поправить. Я радъ, что Государю Императору было угодно взять на себя пересмотръ манускрипта. Дѣло будетъ рѣшительнѣе и вѣрнѣе, и сочиненія Пушкина будутъ пропущены разъ на всегда и на всѣ предбудущія изданія.

Имѣю честь поздравить Ваше Сіятельство съ полученіемъ милости Монаршей. Надеюсь, что найду васъ совершенно здоровымъ, чего искренно желаю.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностью честь имѣю быть

Вашего Сіятельства
покорнымъ слугою
Жуковскій.

Гага $\frac{17}{29}$ Апрѣля
1839.

24. *Н. Смирновъ—въ Опеку (V)* [1].

6-го ноября 1839 г. [Петербургъ].

Всемилостивѣйшіе Государи!

Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ, прилагая при семъ копію съ посланія покойнаго А. С. Пушкина, напи-

1) На „Невскомъ Альбомѣ“ значится его издателемъ Николай Бобылевъ, о коемъ см. статью В. К. въ „Критико-біографическомъ Словарѣ“ С. А. Венгерова, т. IV, отд. I, стр. 73; біографическихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ никакихъ: не былъ-ли это псевдонимъ нѣкоего Н. Смирнова? Пос-

саннаго къ нему по случаю выхода въ свѣтъ поэмы *Дурацкой Колпакъ*, проситъ всепокорнѣйше Почетныхъ Господъ членовъ Комитета разрѣшить по данному имъ праву напечатать его въ издаваемомъ Невскомъ Альбомѣ на будущій 1840 годъ. При чемъ, доводя до свѣдѣнія Комитета, считая посланіе собственностію, Владиміръ Сергѣевичъ надѣется въ уваженіи своей просьбы, тѣмъ болѣе, что каждая строка незабвеннаго нашего поэта должна быть драгоцѣнна какъ признательнымъ соотечественникамъ, такъ и всѣмъ почитателямъ высокаго и блестящаго его дарованія.

Имѣю честь быть
Съ глубокимъ уваженіемъ
Издатель Альбома
Н. Смирновъ.

6 Ноября 1839.

Просьба Смирнова была удовлетворена Опекой.

25. *И. Е. Бецкій—графу Г. А. Строганову (VIII).*

24-го февраля 1844 г.

Ваше Сіятельство!

Между сочиненіями, собранными мною для четвертаго выпуска Молодика, имѣющаго быть изданнымъ исключительно въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Пріюта, находится одно стихотвореніе покойнаго славнаго нашего Русскаго Поэта А. С. Пушкина; но, не имѣя права напечатать оное безъ особеннаго на то позволенія, осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Сіятельству и покорнѣйше просить Вашего ходатайства о доставленіи мнѣ права украсить

ланіе къ Филимонову, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, напечатано впервые въ „Невскомъ Альбомѣ", т. II, С.-Пб. 1840, а оттуда вошло въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 222. Настоящее письмо только подписано Смирновымъ, написано же писарскимъ почеркомъ.

свой сборникъ симъ произведеніемъ. Я не рѣшился бы безпокоить Васъ сею просьбою, если бъ одно имя Пушкина не ручалось за успѣхъ изданія, назначеннаго въ пользу заведенія, находящагося подъ Высокимъ Вашимъ покровительствомъ, и поступающаго нынѣшній же день въ печать.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

И. Бецкій.

1844. 24 Февр.

При письмѣ приложено стихотвореніе (8 строкъ):

Простой воспитанникъ природы... и т. д., до:
Невольно сердцемъ обожаю.

Разрѣшеніе графа Строганова было дано Бецкому письмомъ отъ 1-го марта 1844 г.

26. *Князь Г. В. Кугушевъ — графу Г. А. Строганову (VIII).*

12-го января 1846 г. Петербургъ.

Милостивый Государь

Графъ Григорій Александровичь.

Получивъ отъ подлежащей Цензуры разрѣшеніе на представленіе сочиненной мною драмы Евгеній Онѣгинъ, основаніе сюжета которой заимствовано изъ поэмы Пушкина, я, по постановленію той же цензуры, обращаюсь къ Вашему Сіятельству, какъ къ опекуну дѣтей покойнаго Пушкина, съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи оставить тѣ стихи изъ означенной Поэмы, которые по необходимости внесены мною въ различныя сцены вышеупомянутой драмы, обязуясь при томъ завѣрить Ваше Сіятель-

ство, что подобное заимствованіе нигдѣ не составляетъ большихъ монологовъ и, по мнѣнію моему, напоминая публикѣ подлинникъ, можетъ возбудить въ ней еще сильнѣйшее участіе къ безсмертному таланту великаго нашего Поэта.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію честь имѣю быть

Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Князь Григорій Кугушевъ.

12 Генваря 1846 года.

Отвѣтъ графа Строганова князю Григорію Васильевичу Кугушеву, съ согласіемъ на его просьбу, былъ посланъ 16-го января 1846 года. О князѣ Г. В. Кругушевѣ см. Словарь Геннади, т. II, стр. 194, и „Московскій Некрополь“, т. II стр. 116. Драма „Евгеній Онѣгинъ“ въ печати не извѣстна.

27. *Счетъ Н. Ѳомина, поданный въ Опеку за книги, проданныя имъ Пушкину (XII).*

Абевега [Чулкова]	1	экз.
Литературная газета	1	„
*Кошелекъ журналъ	1	„
*Старинный Московскій Путеводитель	1	„
*Старинный журналъ модъ	1	„
*Стенька Разинъ	1	„

„За всѣ вышеозначенныя книги сорокъ пять рублей, въ чемъ и свидѣтельствую Николай Ѳоминъ“. Тутъ же росписка его въ полученіи этихъ денегъ отъ Опеки.

28. *Замѣчанія Пушкина на статью Погодина о Борисѣ Годуновѣ.*

Статья Погодина „Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія", вызвавшая историко-критическія замѣчанія Пушкина, помѣщена въ III-й части издававшагося Погодинымъ „Московскаго Вѣстника" за 1829 г. (на стр. 90—126), пропущенной цензоромъ С. Н. Глинкою 31-го мая 1829 года. Пушкинъ былъ въ это время въ Тифлисѣ; въ серединѣ сентября, возвращаясь съ Кавказа, онъ пріѣхалъ въ Москву, а 26-го сентября Погодинъ, за мѣсяцъ до того вернувшійся изъ поѣздки въ Малороссію, писалъ С. П. Шевыреву: „Пушкинъ здѣсь съ Евфрата и ѣдетъ чрезъ недѣлю въ Петербургъ" („Русск. Арх." 1882 г., кн. III, стр. 112), и въ томъ же письмѣ сообщалъ своему пріятелю: „Отъ Пушкина я не слыхалъ ничего [т. е., никакихъ новыхъ произведеній], потому что цѣлые два часа протолковалъ только о моей статьѣ въ пользу Бориса, а послѣ перервали насъ" (тамъ же).

Пушкинъ былъ постоянно занятъ мыслями о любимомъ своемъ „Борисѣ Годуновѣ", оконченномъ еще въ 1825 году, и даже въ Арзрумѣ, въ походной обстановкѣ, нашелъ время набросать замѣчанія по поводу предполагавшагося изданія въ свѣтъ его трагедіи, успѣхъ или неудача которой должны были, по его мнѣнію, „имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы" („Русск. Стар." 1884 г., т. XLIV, стр. 347; Соч., ред. Морозова, изд. Просв., т. III, стр. 252—253); передъ отъѣздомъ на Кавказъ онъ поручилъ Плетневу представить рукопись въ цензуру III Отдѣленія. Поэтому понятно, съ какимъ интересомъ онъ долженъ былъ отнестись къ статьѣ Погодина о главномъ дѣйствующемъ лицѣ его трагедіи, которое его пріятель-историкъ пытался выставить въ освѣщеніи, совершенно противопо-

ложномъ тому, въ которомъ видѣлъ его Пушкинъ и которое дало ему возможность съ такою силою изобразить душевную драму Бориса, казнимаго собственною совѣстью за преступленіе, нѣкогда имъ совершенное.

Но Пушкинъ не только „цѣлые два часа протолковалъ“ съ Погодинымъ о его статьѣ: онъ испещрилъ ее своими замѣтками, въ которыхъ съ величайшею настойчивостью старался разбить всѣ доводы Погодина въ пользу невиновности Бориса Годунова въ убіеніи Димитрія. Благодаря сопоставленію точныхъ хронологическихъ указаній ясно видно, что замѣтки Пушкина сдѣланы имъ въ промежутокъ времени между 15–26-мъ сентября 1829 г., т. е., между пріѣздомъ его въ Москву (около 15—20-го сентября) и письмомъ Погодина къ Шевыреву (26-го сентября); весьма вѣроятно, что споры на эту тему велись между Пушкинымъ и Погодинымъ и ранѣе, т. е. еще до выхода въ свѣтъ книжки „Московскаго Вѣстника“, такъ какъ поэтъ несомнѣнно видался съ Погодинымъ и до отъѣзда своего на Кавказъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ съ 11—12-го марта до 1-го мая (см. „Русск. Арх.“ 1882 г., кн. III, стр. 80—81), когда статья Погодина приготовлялась или была уже приготовлена къ печати[1]).

Свою статью о Борисѣ Погодинъ начинаетъ слѣдующею оговоркою: „Предупреждаю своихъ читателей, что въ этой статьѣ я не говорю *ничего положительнаго*, хотя иное по ходу рѣчи и можетъ казаться таковымъ. Главная цѣль моя—показать, какъ необходимо издать, сличить и оцѣнить критически всѣ наши и чужестранныя свидѣтельства о запутанномъ періодѣ Бориса и Лжедимитрія,—періодѣ, въ которомъ много еще остается темнаго и для принимающихъ главныя положенія Карамзина“. Ставя

---

1) О ней см. у Н. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, кн. II, стр. 393—397; тутъ же отзывы о ней И. В. Кирѣевскаго и Кс. Полевого.

затѣмъ вопросъ, имѣлъ-ли Годуновъ участіе въ убіеніи Димитрія, Погодинъ старается доказать противное: Годунову, по его мнѣнію, не нужна была смерть царевича, и изъ прежнихъ его дѣйствій не видно намѣренія „погубить несчастнаго спроту“. „Димитрій“, говоритъ Погодинъ: „родился отъ седьмаго брака Іоаннова, и по тогдашнимъ понятіямъ едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ неоспоримое“. Съ этой фразы Пушкинъ начинаетъ свои возраженія: онъ подчеркиваетъ слова (стр. 90) „едва ли имѣлъ право на престолъ, по крайней мѣрѣ неоспоримое“ и пишетъ на полѣ:

Смотри всѣ Лѣтописи гдѣ объ незаконности Дмитрія нигдѣ неупомянуто, напротивъ.

Опровергая мнѣніе Карамзина о томъ, что Годуновъ вѣроломно содѣйствовалъ удаленію Бѣльскаго, котораго-де ему нечего было бояться, Погодинъ пишетъ (стр. 91), что Бѣльскій „вскорѣ опять является въ столицѣ“; Пушкинъ подчеркиваетъ слово „вскорѣ“ и отмѣчаетъ на полѣ, что появленіе Бѣльскаго произошло вскорѣ

послѣ смерти Борисовой,

чѣмъ и уничтожаетъ доводъ Погодина; послѣдній говоритъ далѣе (стр. 92), что уже вскорѣ по воцареніи Ѳеодора Іоанновича митр. Діонисій, Шуйскій и другіе сановники, „въ заговорѣ противъ Годунова, условились ударить челомъ Царю, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія Державы (Кар. X, 76).— Слѣдовательно они не почитали Димитрія наслѣдникомъ? по крайней мѣрѣ отсюда видно, что всякая сторона легко могла отстранять его при разсужденіяхъ о престолѣ“. Пушкинъ подчеркиваетъ слова „слѣдовательно“ и т. д. и приписываетъ противъ этого свое возраженіе, указывая Погодину, что

дядя законный наслѣдникъ, но сынъ естественный наслѣдн.

Борисъ, говоритъ Погодинъ, возражалъ сановникамъ, что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, „ибо Царевичъ Димитрій живетъ"; эти слова Пушкинъ подчеркиваетъ, а въ слѣдующемъ абзацѣ, къ ссылкѣ Погодина на Карамзина о томъ, что Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріи и поминать его имя на литургіи, „мысля тѣмъ объявить злосчастнаго Царевича незаконнорожденнымъ", приписываетъ послѣ слова „мысля":

(одинъ Борисъ),

указывая этимъ на то, что одинъ Борисъ склоненъ былъ считать Димитрія незаконнорожденнымъ. Эпитетъ „лишній," который Погодинъ примѣнилъ къ слову „мѣра", назвавъ таковою запрещеніе молиться за царевича и поминать его на литургіи, разъ онъ задумалъ убить Димитрія, Пушкинъ подчеркиваетъ и сопровождаетъ восклицательнымъ знакомъ. Далѣе Пушкинъ подчеркиваетъ слова Погодина: *„Борисъ хотѣлъ политически убить Димитрія, въ нородномъ мнѣніи*, тише, безопаснѣе и гораздо дѣйствительнѣе", а противъ словъ: „Сюда же относятся и слухи, распущенные въ народѣ друзьями Годунова, о наклонности Димитрія ко злу и жестокости (коими правитель, по мнѣнію Исторіографа, приготовлялъ будто легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ"),—Пушкинъ приписываетъ:

Слѣдств. были замыслы противъ младенца, и Дм. былъ опасенъ Борису.

„Задумавъ убійство", продолжаетъ Погодинъ (стр. 93—94), „какъ Борисъ не удалилъ по крайней мѣрѣ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей... Такъ легко могъ онъ сдѣлать это, давъ имъ какія-нибудь значительныя мѣста при Дворѣ (эти два слова Пушкинъ отчеркиваетъ

и ставитъ противъ нихъ знакъ !) или въ городахъ!—Какъ не избавился онъ (здѣсь поставлены два знака ! !) отъ кормилицы, будто бы преданной Царицѣ“, а Пушкинъ замѣчаетъ къ словамъ „какъ не избавился“:

Однако жъ думалъ.

„Неужели“, дѣлаетъ Погодинъ заключеніе: „Борисъ могъ бояться совмѣстничества съ семилѣтнимъ или четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ, безъ подпоры въ церкви, дворянствѣ, гражданахъ, безъ положительнаго права“? Пушкинъ перечеркиваетъ эту фразу, подчеркиваетъ слова „семилѣтнимъ или четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ“, а далѣе (стр. 95) подчеркиваетъ выраженіе Погодина о Димитріи „несчастный сирота“ и приписываетъ противъ него на полѣ:

Царевичь! Единственный сынъ Іоанна!

Затѣмъ Погодинъ приводитъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что Борису легко было добиться признанія Димитрія незаконнымъ, слова Годунова въ письмѣ 1608 г. къ Сигизмунду съ Огаревымъ, „что если бы растрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены“; Пушкинъ замѣчаетъ на это:

Русскимъ этого не говорили: Кар (амзинъ) это умно объяснилъ.

„Принявъ въ расчетъ сіи соображенія“, заключаетъ Погодинъ первую часть своей статьи: „можно-ли сказать утвердительно, что Борису необходимо нужна была смерть Димитрія? нельзя ли, на оборотъ, предположить, что Борисъ готовилъ ему смерть политическую, а не настоящую?“ Пушкинъ подчеркиваетъ эту фразу и замѣчаетъ, что тутъ по его мнѣнію

противурѣчіе.

Намѣреваясь перейти къ разбору самаго факта убійства Димитрія и желая доказать, что въ убійствѣ этомъ не видно „руки разумнаго Бориса", Погодинъ говоритъ: допустимъ, что всѣ разобранные факты нужно освѣщать такъ, какъ дѣлалъ это Карамзинъ; „согласимся (*самая трудная уступка*) [1]), что Борисъ своими мѣрами хотѣлъ показать народу, будто и живой *Димитрій ему не опасенъ* [1]) (противъ этого Пушкинъ опять пишетъ: *противурѣчіе*), и слѣдовательно смерть его безполезна;— согласимся, что Нагихъ и *кормилицу* [1]) оставилъ онъ въ Угличѣ для отклоненія отъ себя всякихъ подозрѣній" и т. д.; по поводу словъ о кормилицѣ Пушкинъ замѣчаетъ (стр. 96):

Какъ ему знать кормилицу.

Переходя къ описанію убіенія Димитрія по разсказу Карамзина, Погодинъ называетъ послѣдняго „представителемъ всѣхъ нашихъ извѣстныхъ лѣтописей" и говоритъ, что исторіографъ „сообразилъ всѣ свидѣтельства, бывшія передъ его глазами"; эти слова (стр. 97) Пушкинъ подчеркиваетъ, отчеркиваетъ на полѣ пятью чертами, давая этимъ, вѣроятно, понять, что онъ вполнѣ согласенъ съ этою характеристикою Карамзина и его труда. Пересказъ Погодинымъ повѣствованія Карамзина Пушкинъ оставляетъ безъ замѣчаній, но какъ только историкъ переходитъ къ критикѣ словъ Карамзина, Пушкинъ опять начинаетъ свои возраженія и замѣтки. Слово *совѣтъ* (стр. 101), которымъ Погодинъ называетъ совѣщаніе Годунова съ нѣкоторыми лицами объ убіеніи Димитрія, Пушкинъ опредѣляетъ словами

mauvaise foi;

при ироническихъ восклицаніяхъ Погодина по поводу

1) Подчеркнуто Пушкинымъ.

разсказа Карамзина о ядѣ, который не дѣйствовалъ на царевича, онъ замѣчаетъ, что такъ передаютъ объ этомъ

Лѣтописцы,

а на слова Погодина: „существуютъ - ли такіе злодѣи, которые согласны дать скрупулъ мышьяку, а не драхму“, — замѣчаетъ:

шуточки.

Страницы 102 и 103 воспроизведены въ журналѣ „Искры“ (1909 г., № 45, стр. 356); онѣ представляютъ наглядный образчикъ того, какъ внимательно Пушкинъ отнесся къ статьѣ Погодина, живо его интересовавшей. Фраза Погодина: „И Борисъ [вмѣсто того де, чтобы совѣтоваться со многими лицами] не умѣлъ сыскать *одного* человѣка, съ руками потверже (который, казалось-бы, только и нуженъ былъ ему съ самаго начала вмѣсто всѣхъ совѣщаній и выборовъ), не умѣлъ сыскать одну знающую старушку, кои по нашимъ деревнямъ портятъ людей!“ — перечеркнута Пушкинымъ; слѣдующая за симъ: „Нѣтъ: Борисъ только что *досадовалъ*, и за неимѣніемъ способныхъ исполнителей рѣшился *перемѣнить* свое намѣреніе *и вмѣсто тихаго яда дѣйствовать звонкимъ ножомъ*“! [1]) вызываетъ его замѣчаніе:

Не то: смотри Кар (амзина),

а противъ слѣдующихъ словъ: „Чтоже? Этотъ опытный знатокъ людей *открывается опять двумъ*[1]) человѣкамъ *(двадцатымъ)* [1]), которые отказываются исполнить его порученіе, и предаются гоненію! *(даже и не* [1]) смерти?“ [2]) Пушкинъ пишетъ:

---

1) Эти слова подчеркнуты Пушкинымъ.
2) Здѣсь Пушкинъ ставитъ два ! !.

а Наполеонъ, убійца Энгенскаго и когда? ровно 200 лѣтъ послѣ Бориса [1]).

Всѣ разсужденія Погодина, находящіяся на второй половинѣ стр. 102-й и въ началѣ 103-й, просто перечеркнуты Пушкинымъ, а слова его „Какъ могла подозрительная мамка [Волохова, преданная Борису] вывести Димитрія насильно изъ горницы въ сѣни? *Какъ допустила* (курсивъ Пушкина) она за собою вѣрную кормилицу, предвидя убійство?“ вызываютъ замѣчаніе:

Какъ бы не,

т. е., какъ бы могла мамка не допустить ее этого сдѣлать. „Какъ, продолжаетъ Погодинъ, могла [мамка] согласиться при ней [кормилицѣ] на оное? Вѣдь, оставаясь съ трупомъ и очевидною свидѣтельницею убійства, *она подвергалась явной смерти! и проч. и проч.*“ (курсивъ Пушкина); поэтъ приписываетъ на полѣ:

Покровительствуемая Борисомъ! т. е. Царемъ!,

давая этимъ понять, что мамкѣ нечего было бояться смерти, такъ какъ она была подъ покровительствомъ Бориса, что было равносильно покровительству Царя Ѳеодора.

Указывая на то, что Борисъ, если бы онъ, дѣйствительно, былъ виновенъ въ убійствѣ, никогда не послалъ

---

1) Louis-Antoine-Henri de Bourbon duc d'Enghien, въ 1789 г. удалившійся изъ Франціи, съ 1801 г. жилъ въ Баденѣ, на англійской пенсіи. 15-го марта 1804 г. онъ, какъ человѣкъ, готовый постоять за наслѣдственныя права рода на Французскій престолъ, былъ схваченъ по приказанію Наполеона, привезенъ въ Венсенъ, осужденъ на смерть и убитъ 21-го марта. Въ своихъ посмертныхъ „Mémoires de St.-Hélène“ Наполеонъ старался снять съ себя вину въ этомъ вѣроломномъ убійствѣ и сваливалъ ее на министра полиціи Савари, который издалъ оправдательную записку „Sur la catastrophe de M. le duc d'Anghien“ (1823); по поводу ея было издано нѣсколько сочиненій, которыя вошли въ серію „Collection de mémoires sur la Révolution Française“ и которыя доказываютъ виновность Наполеона. Эта серія, выходившая съ 1821 г., была въ библіотекѣ Пушкина, но сохранилась не полностью: тома о герцогѣ Энгіенскомъ въ ней нѣтъ.

бы на слѣдствіе Шуйскаго, своего личнаго врага, Погодинъ задаетъ вопросъ, „почему Шуйскій, подобно баснословнымъ Чепчугову и Загряжскому, не отказался, подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ такого порученія". Пушкинъ подчеркиваетъ эпитетъ *баснословнымъ* и пишетъ на полѣ:

почему же если объ нихъ упоминаетъ современная лѣтопись?,

а далѣе подчеркиваетъ слово *благородно*, которымъ опредѣляетъ Погодинъ образъ дѣйствій Шуйскаго при Лжедимитріи, на Престолѣ и въ Польшѣ. Въ передаваемомъ Погодинымъ (стр. 105—106) разсказѣ Карамзина, представляющемъ извлеченіе изъ розыска слѣдователей, Пушкинъ подчеркиваетъ слова (въ стр. 1-й на стр. 106-й: *кормилицею* и въ стр. 13—14: *изъ коихъ ни одного тутъ не было*), на которыя Погодину слѣдовало бы обратить вниманіе, а противъ словъ „сію нелѣпость", которыми называетъ Карамзинъ распоряженіе Михайла Нагого положить на тѣла убитыхъ Битяговскаго, Волохова и др. вымазанное кровью оружіе, какъ обличеніе ихъ злодѣянія, приписываетъ:

истинно нелѣпость.

Карамзинъ говоритъ, что „сію нелѣпость утвердили своею подписью Воскресенскій Архимандритъ *Ѳеодоритъ, два Игумена и Духовникъ* (курсивъ Пушкина) Нагихъ отъ робости и малодушія, а свидѣтельство истины, мірское, единогласное, было утаено"; Пушкинъ замѣчаетъ при этомъ:

свидѣтели!

и отчеркиваетъ первые четыре абзаца на стр. 107-й, а противъ словъ Карамзина, что допросы Шуйскаго „суть памятники безсовѣстной лживости" его и явно „свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова" пишетъ одно краснорѣчивое слово:

именно,

показывая тѣмъ свою совершенную солидарность съ исторіографомъ въ его мнѣніи о роли Бориса. Слова Погодина, что „Царицѣ должно было снять вину съ себя, если Димитрій погибъ отъ ея небреженія“, вызываютъ у Пушкина рѣзкое замѣчаніе по адресу автора:

глупость.

„Народъ“, говоритъ Погодинъ (стр. 109), „зная о непріязни Борисовой къ Димитрію, легко повѣрилъ правдоподобной выдумкѣ“ (о томъ, что царевичъ убитъ по приказанію Годунова), а Пушкинъ, подчеркивая слова „правдоподобной выдумкѣ“, замѣняетъ ихъ словами:

оправданному показанію всея Руси.

Далѣе Пушкинъ опять рѣзко замѣчаетъ Погодину

вздоръ

по поводу его словъ, что „Царица; Нагіе и граждане, совершивъ самовольно казнь, должны были впредь, для своего оправданія, доказывать вину казненныхъ“ (стр. 110), а въ слѣдующемъ абзацѣ: „Скажутъ—слѣдствіе можно бъ произвесть лучше и дознаться до истины; но если этого не сдѣлано, то мы не имѣемъ права дополнять его теперь своими произвольными догадками“, Пушкинъ подчеркиваетъ нѣсколько словъ, отчеркиваетъ его по полю и, обращаясь уже прямо къ Погодину, иронически или даже раздраженно его спрашиваетъ по поводу его личныхъ догадокъ:

а вы что-же дѣлаете?

Слова Погодина: „Какъ очутились на дворѣ дѣти, если Димитрій убитъ у крыльца тотчасъ по выходѣ изъ ком-

наты“, отмѣчаются Пушкинымъ по полю и вызываютъ его недоумѣнное замѣчаніе:

Не понимаю что хочетъ сказать критикъ.

„Неужели“, спрашиваетъ затѣмъ Погодинъ (стр. 111): „убійцы не предвидѣли, что *въ городѣ* (подчеркнуто Пушкинымъ) произойдетъ волненіе, и не приняли никакихъ мѣръ къ своему спасенію? (Иные лѣтописцы говорятъ, что они отбѣжали 12 верстъ, но воротились назадъ)“; Пушкинъ подчеркиваетъ слова „воротились назадъ“ и пишетъ противъ нихъ:

нѣтъ они бѣжали.

„Неужели“, продолжаетъ Погодинъ: „Шуйскій явно заставлялъ гражданъ подписываться подъ готовыми отвѣтами?“

„Какъ Борисъ рѣшался до такой степени обнаруживаться предъ тысячами своихъ подданныхъ?“

„Царица была пострижена и заключена въ монастырь. Всѣ Нагіе, сіи справедливые или несправедливые обвинители Бориса, остались въ живыхъ (знакъ доброты его) и дожили до лучшей участи при Лжедимитріѣ“.

Эти три абзаца, слѣдующіе одинъ за другимъ, отчеркнуты Пушкинымъ по полю и противъ перваго написано:

какъ мудрено!

противъ второго:

и очень!

а противъ имени Нагихъ, упомянутыхъ въ третьемъ,—

Братья Царицы!

На стр. 112-й, противъ утвержденія Погодина, что Шуйскій не получилъ никакихъ особенныхъ милостей отъ

Бориса, на которыя имѣлъ бы право, если бы дѣйствовалъ въ его пользу, т. е. былъ бы недобросовѣстнымъ, и что „въ остальныя семь лѣтъ царствованія Ѳеодора и семь лѣтъ царствованія Бориса онъ оставался въ одномъ положеніи, безъ особенныхъ знаковъ дружбы, даже милости Борисовой“,—Пушкинъ пишетъ сперва слово

Глупость

но зачеркиваетъ его и пишетъ:

Онъ былъ Военачальникъ.

Слова Погодина, что „до сихъ поръ нѣтъ *уликъ* противъ Бориса“ отмѣчены по полю нѣсколькими черточками.

Затѣмъ Погодинъ переходитъ къ разбору событій, происшедшихъ уже послѣ смерти Ѳеодора, Бориса и Лжедимитрія, — при царѣ Василіи Шуйскомъ; тогда, по его словамъ, „являются новыя важныя доказательства противъ несчастнаго Годунова“,—и разбору ихъ посвящаетъ онъ конецъ своей статьи.

Въ этой части статьи Погодина Пушкинъ прежде всего возражаетъ противъ эпитета *безхарактерная*, который придаетъ Погодинъ (стр. 112) царицѣ-инокинѣ Марѳѣ, заявившей, что Димитрій убитъ въ Угличѣ „отъ Бориса Годунова“: онъ подчеркиваетъ этотъ эпитетъ и ставитъ въ скобки, какъ неумѣстный; на стр. 115-й и 116-й онъ также подчеркиваетъ выраженія про царевича: Погодина— будто онъ былъ съ дѣтства гонимъ, оскорбляемъ, „*лишаемъ правъ своихъ, наконецъ невинно погибъ*“, и патріарха Іова, — что онъ „пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнникъ своихъ“, а на стр. 117-й—противъ словъ: „Могъ ли бы Іовъ, другъ и слуга Борисовъ, произвесть такое дѣйствіе, еслибъ *принималъ участіе въ убіеніи Святаго Димитрія,* только что тогда въ Москву пренесеннаго, которое

лѣтописи и Исторіографъ ему приписываютъ?"—дѣлаетъ отмѣтку, подчеркиваетъ слова, отмѣченныя у насъ курсивомъ, а противъ словъ „только что тогда" пишетъ:

когда-же.

На стр. 120-й находимъ любопытный выпадъ Пушкина противъ Полевого: Погодинъ приводитъ слова Карамзина, что „Борисъ велѣлъ, *говорятъ Лѣтописатели* [1]), удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою" и т. д., и дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Исторіографъ предлагаетъ сіе извѣстіе вотъ какъ: „если вѣрить лѣтописцу, то Борисъ велѣлъ и проч., но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что и проч.". — За чѣмъ же вѣрить лѣтописцу?" Пушкинъ подчеркиваетъ послѣднюю фразу и приписываетъ къ нимъ:

То и говоритъ Кар(амзинъ). Это напоминаетъ способъ критиковать Полевымъ употребляемый.

„Соединивъ теперь", заключаетъ Погодинъ (стр. 124—125) „всѣ собранныя мною доказательства за него и противъ него [т. е. Бориса], я предоставляю все дѣло на судъ Уголовной Палаты, по существующимъ *нынѣ* законамъ. Не должна-ли она оставить Бориса только въ подозрѣніи и подозрѣніи слабомъ?" Этотъ аргументъ, который Погодинъ считалъ, очевидно, очень остроумнымъ и прибѣрегъ его, какъ самый сильный, неопровержимый и остроумный, для конца статьи, вызываетъ рѣзкое и недвусмысленное замѣчаніе Пушкина:

Это глупость. Уго(ловная) Пал(ата) не судитъ мертвыхъ Царей по сущ(ествующимъ) нын(ѣ) Зак(онамъ). Судитъ ихъ Исторія ибо на Царей и на .... [2]) нѣтъ инаго Суда [3]).

---

1) Курсивъ нашъ.

2) Одно слово разобрать мы не могли.

3) Ранѣе Погодина Булгаринъ въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1825 г. помѣстилъ статью, въ которой тоже обратилъ вниманіе на недостатокъ

Патетическое восклицаніе Погодина: „Какъ! нынѣшняя Уголовная Палата должна оставить Бориса только въ подозрѣніи, а Исторія, имѣя на своихъ вѣсахъ еще двадцатипятилѣтіе благодѣяній Борисовыхъ Россіи, осмѣливается произносить ему рѣшительный приговоръ! Нѣтъ! Нѣтъ! будемъ справедливы къ сему великому мужу“ и т. д.—просто, безъ всякихъ разсужденій, перечеркнуто Пушкинымъ, а ссылка Погодина на обѣщаніе, данное Борисомъ во время помазанія на царство, „отдать послѣднюю рубашку съ плеча неимущему подданному“, вызываетъ съ его стороны указаніе, что это просто

фраза!

Таковы замѣчанія поэта на заинтересовавшую его статью Погодина. Безъ сомнѣнія, большинство этихъ замѣчаній и возраженій по существу было имъ сдѣлано автору и въ той устной двухъ-часовой бесѣдѣ, о которой упоминаетъ Погодинъ въ своемъ, цитованномъ выше, письмѣ къ С. П. Шевыреву. Зная вообще точку зрѣнія Пушкина на Бориса и его роль въ событіяхъ 1591 года, мы могли бы, конечно, догадываться, что въ бесѣдѣ съ Погодинымъ онъ энергично и горячо возражалъ ему на всѣ пункты его статьи, но только благодаря тому счастливому обстоятельству, что № „Московскаго Вѣстника“ съ замѣчаніями поэта на эту статью сохранился и перешелъ въ собственность А. А. Бахрушина, мы имѣемъ теперь возможность съ точностью познакомиться съ возраженіями Пушкина. Возраженія эти, писанныя бѣгло, при самомъ чтеніи статьи и спустя четыре года послѣ окончанія работъ надъ драмой, показываютъ лишній разъ, какъ близко знакомъ былъ Пушкинъ

уликъ и говорилъ „о судѣ по нынѣшнимъ законамъ“, „объ оставленіи его въ подозрѣніи“ и т. д. (см. замѣтку Погодина въ „Моск. Вѣстн.“ 1829 г., ч. III, стр. 205—206).

не только съ Карамзинымъ, но и съ источниками, какъ глубоко, тонко и добросовѣстно изучилъ онъ матеріалы прежде, чѣмъ составилъ опредѣленный взглядъ на своего героя, и съ какимъ, слѣдовательно, убѣжденіемъ считалъ онъ Бориса достойнымъ той нравственной казни, которую заставляетъ его переживать въ своей трагедіи. Изъ замѣчаній этихъ мы видимъ также, какъ внимательно и глубоко изучилъ Пушкинъ и вообще всю ту эпоху, и отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ тогдашнихъ событій. Можно только пожалѣть, что Пушкинъ не оставилъ какихъ-либо замѣчаній и на другую статью Погодина въ той же книжкѣ „Московскаго Вѣстника", касающуюся Самозванца и Смутнаго времени, — статью „Нѣчто объ Огрепьевѣ" (стр. 144 — 170). „Пушкинъ", по мнѣнію К. Н. Бестужева-Рюмина, „былъ подъ вліяніемъ своихъ матеріаловъ: онъ даже вѣрилъ въ сознательное самозванство [Лжедмитрія] и все-таки силой генія угадалъ основныя черты характера, въ высокой степени симпатическаго" [1]). Погодинъ же считалъ Отрепьева „злодѣемъ по сердцу, готовымъ на всякое преступленіе". Изъ матеріаловъ, послужившихъ Пушкину для обрисовки личности Отрепьева, многое далъ ему Карамзинъ, котораго Погодинъ въ статьѣ своей подвергаетъ строгой критикѣ, говоря, что „исторія Огрепьева, какъ она предлагается Исторіографомъ", заключаетъ въ себѣ „очень много сомнительнаго, взятаго безъ критической оцѣнки изъ лѣтописей, не говоря ужъ о первой мысли Самозванца, объясняемой внушеніемъ какого то злого инока". „А злому иноку какъ пришла она въ голову, и съ какой цѣлью для себя подалъ онъ благой совѣтъ иноку", — спрашиваетъ Погодинъ (стр. 160—161). Пушкинъ, какъ извѣстно, воспользовался

1) Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени (къ графу С. Д. Шереметеву), С.-Пб. 1898, стр. 16.

зовался этимъ эпизодомъ и включилъ въ „Бориса Годунова“ сцену „Ограда монастырская“, въ которой передалъ разговоръ Григорія и злого чернеца, дающаго ему мысль назваться царевичемъ Димитріемъ; однако, въ изданіе 1831 года сцену эту онъ не включилъ, — быть можетъ подъ вліяніемъ прочтенія статьи Погодина и бесѣдъ съ нимъ по поводу нея.

Въ заключеніе скажемъ, что статья Погодина объ участіи Бориса въ убіеніи Димитрія, много лѣтъ спустя послѣ Пушкина, подвергалась рѣзкой и рѣшительной критикѣ со стороны С. М. Соловьева [1]), въ вопросѣ о смерти царевича стоявшаго, какъ извѣстно, на сторонѣ лѣтописей. Сводка новѣйшихъ данныхъ о Димитріи дана въ статьѣ покойнаго Н. П. Павлова-Сильванскаго: „Народъ и царь въ трагедіи Пушкина“, помѣщенной въ Собраніи сочиненій поэта подъ редакціей С. А. Венгерова (т. III, стр. 312—314) [2]).

Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь А. А. Бахрушину искреннюю благодарность за разрѣшеніе использовать для настоящей статьи пріобрѣтенные имъ цѣнные матеріалы.

Б. Модзалевскій.

25 декабря 1909 г.

---

1) Исторія Россіи, изд. 2-е, Тов. Общественная Польза, кн. 2, С.-Пб. 1896, стр. 668—671.

2) См. также его „Очерки по Русской исторіи XVIII — XIX вв.“, С.-Пб. 1910.

Замѣтки къ тексту Пушкина.

I.

Благодаря рѣдкой любезности С. А. Венгерова, я имѣлъ возможность, находясь въ Петербургѣ, заняться черновыми тетрадями Пушкина, хранящимися въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ. Сердечно долженъ благодарить С. А. Венгерова, предоставившаго въ мое распоряженіе прекрасные фотографическіе снимки тетрадей въ полномъ ихъ объемѣ.

Мы живемъ въ пору оживленія пушкинскихъ изученій, мы близки къ осуществленію удовлетворяющаго требованіямъ научной критики изданія Пушкина. Но установленіе и критическое изученіе пушкинскаго текста выдвигаетъ необходимость воспроизведенія цинкографическимъ или фототипическимъ путемъ черновыхъ тетрадей Пушкина. Я думаю, что до изданія факсимиле пушкинскихъ черновиковъ мы не будемъ имѣть въ рукахъ ни абсолютно правильнаго текста, ни транскрипцій, исчерпывающихъ содержаніе черновиковъ. Вѣдь только по рукописямъ или по ихъ факсимиле мы можемъ провѣрять работу издателей, а возстановленіе всѣхъ строкъ и словъ, написанныхъ Пушкинымъ, не подъ силу одному изслѣдователю, хотя бы и наметавшемуся въ чтеніи пушкинскихъ рукописей. Необходима совмѣстная работа многихъ чтецовъ и разбирателей почерка Пушкина, сопровождаю-

щаяся взаимной провѣркой. Дѣйствительно, мы неоднократно можемъ видѣть, какъ прочтенное въ первый разъ неправильно слово именно въ силу этой первой неправильности передавалось въ неизмѣнной ошибочности отъ одного поколѣнія специалистовъ къ другому.

Я могу привести два любопытнѣйшихъ примѣра вліянія первоначальной неправильности. Специалисты долго ломали голову (въ послѣднее время Н. О. Лернеръ) надъ стихотвореніемъ „Зачѣмъ безвременную скуку....". Между прочимъ, указаніе на это загадочное стихотвореніе видѣли въ сохранившемся въ черновой тетради (№ 2365, л. 53) пушкинскомъ спискѣ пьесъ, написанныхъ въ 1821 году. Тутъ, по указанію В. Е. Якушкина („Русск. Стар." 1883, апр., стр. 103), значится „Плешѣеву". Значитъ, или указанное мною стихотвореніе и есть посланіе къ „Плешѣеву", или, въ противномъ случаѣ, существовало недошедшее до насъ произведеніе, адресованное „Плешѣеву" или, правильнѣе (съ общаго согласія изслѣдователей), Плещееву. Но тутъ вышла смѣшная ошибка. Первая буква этой фамиліи подъ перомъ Пушкина сначала приняла-было форму П, но онъ, тотчасъ перерѣзавъ ее горизонтальной черточкой, передѣлалъ ее на А и написалъ: Алексѣеву. Посланіе же Алексѣеву, какъ извѣстно, печатается подъ 1821 годомъ.

Другой примѣръ не менѣе интересенъ. Извѣстны попытки специалистовъ примирить показанія Пушкина о томъ, въ какой день начатъ „Онѣгинъ". Въ составленномъ имъ хронологическомъ листкѣ четко написано „9 мая 1823 года Кишиневъ", а въ черновой рукописи, какъ разъ передъ популярнымъ стихомъ „Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ", находится помѣта, по обозначенію изслѣдователей: „9 іюня 28 мая ночью". Выходитъ, слѣдовательно, что романъ начатъ 28-го мая, а 9-е іюня, по мнѣнію, напримѣръ, П. О. Морозова, могло бы означать новый стиль. Но

Пушкинъ не ошибся въ своей хронологіи, а ошиблись изслѣдователи, прочитавъ 9-е іюня вмѣсто, въ сущности, довольно явственнаго 9-го мая. Въ рукописи эти помѣты расположены такъ:

9 мая

28 мая ночью

Первая помѣта есть главенствующая, и, конечно, безспорно, романъ начатъ 9-го мая.

Въ этихъ двухъ случаяхъ мы имѣли дѣло со словами, написанными безъ перечеркиванія; гораздо хуже обстоитъ дѣло со словами, перечеркнутыми или даже весьма основательно зачеркнутыми. Но вѣдь изслѣдователи не могутъ счесть свою задачу конченной до тѣхъ поръ, пока не исчерпаютъ всего содержанія пушкинскихъ черновиковъ. Тутъ опять нужны совокупныя усилія многихъ занимающихся. Наконецъ, по отношенію къ пушкинскимъ рукописямъ, нужно сказать, что рѣшительно не существуетъ такого метода транскрипціи, который упразднилъ бы необходимость обращенія къ рукописямъ. Самыя совершенныя транскрипціи пушкинскихъ черновиковъ были даны В. Е. Якушкинымъ, но и онѣ не даютъ того представленія о работѣ поэта, которое даетъ факсимиле. Справедливость моего мнѣнія о транскрипціи пушкинскихъ черновиковъ раздѣлятъ, конечно, всѣ видѣвшіе и изучавшіе пушкинскія рукописи. *Изданіе факсимиле, несомнѣнно, мощно двинуло бы впередъ критическую разработку черновыхъ поэта.* Понятно, для строгихъ изслѣдователей и факсимиле не устранятъ подлинныхъ рукописей, ибо, какъ бы ни было совершенно воспроизведеніе, цинкографически или фототипически, все же и оно не уловитъ всѣхъ оттѣнковъ рукописи и почерка, разобраться въ которыхъ было бы иногда чрезвычайно полезно. Мнѣ кажется, что Пушкинская Коммиссія при Академіи Наукъ могла бы взять

на себя задачу такого изданія. Но что можно и должно сдѣлать теперь же при осуществленіи большихъ изданій, — Академіи Наукъ и С. А. Венгерова, — это не скупиться на приложеніе всѣхъ наиболѣе спорныхъ, наименѣе разбираемыхъ страницъ пушкинскихъ рукописей.

II.

А черновики иногда даютъ возможность установить нѣкоторые факты, имѣющіе значеніе для пушкиньянца. Вотъ примѣры.

Черновой набросокъ, по первому своему стиху носящій названіе: „Кто, волны, васъ остановилъ“, былъ впервые разобранъ В. Е. Якушкинымъ въ описаніи пушкинскихъ рукописей („Русск. Стар.“ 1884 г., іюнь, стр. 555). П. О. Морозовъ, П. А. Ефремовъ, С. А. Венгеровъ воспроизвели въ своихъ изданіяхъ безъ измѣненій текстъ, данный В. Е. Якушкинымъ, и отнесли отрывокъ къ 1822 году. Изслѣдователи цитируютъ обыкновенно этотъ отрывокъ, когда приходится говорить объ эволюціи политическихъ воззрѣній Пушкина. Грозы и бури, къ которымъ взываетъ поэтъ, понимаются ими аллегорически, какъ явленія порядка соціальнаго, характера революціоннаго. Всѣ эти утвержденія касательно интересующаго насъ наброска — сплошное недоразумѣніе.

Набросокъ находится въ тетради № 2369, на передней страницѣ 9-го листа. Изъ 51 листа, находящагося въ этой тетради, львиная доля приходится на черновики 1-й, 2-й и 3-й (начало) главъ „Евгенія Онѣгина“. На указанной страницѣ, съ самаго ея верха, карандашомъ записаны слѣдующіе четыре стиха:

Но былъ ли щастливъ нашъ Евгеній
Среди блистательныхъ побѣдъ
Среди вседневныхъ наслажденій
Во цвѣтѣ юныхъ пышныхъ лѣтъ.

Эти стихи съ небольшими перемѣнами появились въ XXXVI строфѣ (стихи 9—12) 1-й главы. За ними въ черновикѣ начатъ, карандашомъ же, занимающій насъ набросокъ, но доконченъ онъ и исправленъ уже перомъ. На лѣвомъ полѣ страницы, сбоку послѣднихъ стиховъ отрывка, можно разобрать: „вотще ли былъ — душа... уменъ,—безпеченъ и здоровъ, среди пировъ, въ прахъ“. Все это, очевидно, матеріалъ для 13-го и 14-го стиховъ печатной XXXVI строфы

Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

Сейчасъ же за наброскомъ, послѣ тире, была начата нынѣшняя XV строфа 1-ой главы:

Едва проснется онъ, бывало,
Ему несутъ записокъ рядъ
Зовутъ на балъ зовутъ на.

Но это начало зачеркнуто, и на его перечеркнутыхъ строкахъ Пушкинъ началъ набрасывать вошедшій въ нынѣшнюю XXXVII строфу отвѣтъ на вопросъ, былъ ли счастливъ Евгеній. Отвѣтъ этотъ здѣсь въ первоначальной редакціи:

Нѣтъ рано чувства охладѣли
Измѣны сердцу надоѣли
И въ 20 лѣтъ
Ужь онъ оставилъ модный свѣтъ.

Послѣ этого стиха Пушкинъ поставилъ свой обычный заключительный знакъ ~~~ и занялся опять нынѣшней XV строфой:

(Бывало) (въ полдень)
Бывало — (полдень лишь настанетъ) $\frac{\text{въ постелѣ}}{\text{онъ еще}}$
Къ нему записочки несутъ

и т. д. На этой страницѣ черновики по содержанію своему охватываютъ стихи 1—8 строфы XV.

Изъ этого описанія 9-ой страницы очевидно, что набросокъ никоимъ образомъ нельзя относить къ 1822 году. Онъ находится, такъ сказать, въ сердцѣ 1-ой главы „Евгенія Онѣгина", а извѣстно, что она начата 9-го мая 1823 года и кончена 22-го октября того же года. Если бы онъ еще былъ записанъ съ самаго верха страницы, то тогда можно было бы все-таки думать, что онъ могъ быть въ тетради и до начала „Онѣгина", но при дѣйствительномъ его положеніи на страницѣ такое заключеніе недопустимо; слѣдовательно, даты начала и окончанія 1-ой главы „Евгенія Онѣгина" являются предѣльными для нашего наброска: онъ написанъ не ранѣе 9-го мая и не позже 22-го октября 1823 года. *Можно было бы опредѣлить время созданія наброска еще болѣе точно, но въ настоящій моментъ я не имѣю въ виду дѣлать этого.*

Но не случайно нашъ отрывокъ набросанъ послѣ вопроса, являющагося въ концѣ XXXVI строфы и передъ отвѣтомъ на него, который находится въ XXXVII строфѣ. Совершенно очевидна внутренняя (по содержанію) связь отрывка съ вопросомъ, былъ ли счастливъ Онѣгинъ, и съ отрицательнымъ отвѣтомъ, указывающимъ на его охладѣвшія, остывшія чувства. Отрывокъ этотъ запечатлѣлъ одинъ изъ моментовъ творческой работы поэта: онъ, въ сущности, и заключаетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ, сохраняя слѣды размышленій Пушкина на любезную ему одно время тему объ омертвѣлости чувствъ. Ясно, что въ этомъ наброскѣ и помину нѣтъ о революціонныхъ грозахъ и буряхъ. Поэтъ говоритъ исключительно о явленіяхъ въ области сердца, о сердечныхъ грозахъ и буряхъ. Обычное толкованіе наброска, какъ призыва къ революціи, опиралось на 7-ой стихъ:

Гдѣ ты, гроза, симвоЛъ [свободы].
Промчись поверхъ невольныхъ водъ.

Но издатели осторожно заключили слово „свободы“ въ скобки. Дѣйствительно, въ рукописи послѣ слова символъ стоитъ съ трудомъ разбираемое слово, но оно *ни въ коемъ случаѣ не можетъ читаться, какъ „свободы“*. Я склоненъ прочесть тутъ *стихіи*. Правда, „стихіи“ не риѳмуютъ съ словомъ “водъ“, но на то вѣдь и отрывокъ-то только черновой. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ради риѳмы вычитывать несуществующія въ рукописи слова. Я уже замѣтилъ, что отрывокъ написанъ частью карандашомъ; фотографія плохо передаетъ карандашъ, и поэтому я, къ сожалѣнію, не могу дать полную транскрипцію отрывка, но я могу все же привести два стиха, непонятнымъ образомъ скрывшіеся отъ вниманія изучавшихъ рукопись. Они написаны перомъ съ праваго бока страницы и должны быть вставлены послѣ 4-го стиха на мѣсто теперешнихъ точекъ.

Чей жезлъ волшебный поразилъ
Во мнѣ надежду, скорбь и радость?

Относительно слова „скорбь“ у меня небольшое сомнѣніе, вѣрно ли я прочелъ его. Добавлю, что стихи эти не зачеркнуты.

Эти ускользнувшіе стихи еще болѣе утверждаютъ насъ въ мнѣніи, что въ отрывкѣ идетъ рѣчь о буряхъ сердца, а не о буряхъ общественныхъ.

III.

1 „Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
2 Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
3 Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
4 Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
5 И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:

6 Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!
7 Привѣтствуетъ тебя свободный океанъ...

(По изданію С. А. Венгерова, т. II, С.-Пб. 1908, стр. 81).

П. В. Анненковъ, говоря въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина (въ изд. соч., т. I, стр. 343, и отд. изд. стр. 344) объ оставшихся послѣ Пушкина черновыхъ, неотдѣланныхъ наброскахъ стихотвореній, въ примѣчаніи добавляетъ: „Въ бумагахъ Пушкина сохранилось еще нѣсколько отрывковъ изъ посланій къ друзьямъ, нигдѣ не напечатанныхъ... Мы не имѣемъ возможности приводить здѣсь урывки, которые, статься можетъ, совсѣмъ не похожи на настоящія стихотворенія". И, „какъ примѣръ такого посланія къ одному изъ товарищей поэта", Анненковъ привелъ стихи 1—5 наброска, приведеннаго мною, съ заглавіемъ „Къ М*". Въ указателѣ же онъ раскрылъ этотъ иниціалъ, назвавъ Матюшкина (т. VII, стр. 166). Этотъ набросокъ извѣстенъ намъ нынѣ по черновой тетради №2369, л. 12, но безъ заглавія. Не совсѣмъ ясно, по этой ли тетради напечаталъ его Анненковъ (въ такомъ случаѣ, усвоеніе его Матюшкину—только предположеніе Анненкова), или по другой рукописи, намъ неизвѣстной, въ которой уже было обозначеніе „Къ М." (въ такомъ случаѣ, Анненкову принадлежитъ только предположительное истолкованіе значенія иниціала). Но, такъ какъ Анненковъ говоритъ о черновомъ, неотдѣланномъ видѣ наброска, а какъ разъ такой набросокъ мы и имѣемъ въ тетради № 2369, то скорѣе всего придется заключить, что у Анненкова другого списка и не было, и что отнесъ онъ набросокъ къ Матюшкину по собственному предположенію. Непосредственно по этой тетради сообщилъ этотъ отрывокъ впервые П. И. Бартеневъ. Такъ какъ тетрадь заключала и стихотворенія Кишиневскаго періода, то набросокъ былъ отнесенъ къ 1821 году, и неизмѣнно во

всѣхъ изданіяхъ поэта (такъ же, какъ и въ „Матеріалахъ“ Л. Н. Майкова) печатается подъ этимъ годомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ, по замѣчанію П. А. Ефремова, въ 1821 году 20-лѣтній Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ никакъ не могъ быть названъ „въ буряхъ посѣдѣлымъ“ (Соч. П., изд. 8-ое, Анскаго, 1882 г., т. 2, стр. 23), этотъ отрывокъ уже не усвояется Матюшкину. П. И. Бартеневъ присоединилъ къ 5 стихамъ, даннымъ Анненковымъ, еще и 6-ой стихъ, а Л. Н. Майковъ въ „Матеріалахъ для Академическаго изданія сочиненій Пушкина“ (С.-Пб. 1902, стр. 141) прибавилъ и 7-ой стихъ.

Послѣдній издатель Пушкина С. А. Венгеровъ напечаталъ этотъ отрывокъ среди черновыхъ набросковъ 1821 года, но авторъ даннаго въ этомъ изданіи примѣчанія къ этому отрывку, Н. О. Лернеръ (стр. 583), присоединяясь къ указанію П. А. Ефремова на невозможность относить эти стихи къ Матюшкину, говоритъ: „Можетъ быть, Пушкинъ самъ относитъ ихъ не къ опредѣленному лицу, а къ типу стараго моряка, „морского волка“. Они находятся среди черновиковъ первой главы „Евгенія Онѣгина“, начатой въ 1823 году, и, можетъ быть, ихъ съ большимъ основаніемъ можно датировать 1823 годомъ, чѣмъ 1821“.

Оставляя въ сторонѣ „морского волка“, которымъ Н. О. Лернеръ пополнилъ и безъ того чрезмѣрно обильный матеріалъ предположеній вокругъ и около пушкинскаго творчества, останавливаюсь на его указаніи хронологическомъ. Это указаніе ошибочно съ методологической точки зрѣнія. Н. О. Лернеръ самъ знаетъ, что Пушкинъ пользовался своими рукописями внѣ всякаго порядка и системы, и заключенія объ одновременности созданія разныхъ стихотвореній, записанныхъ на одной и той же страницѣ, должны приниматься послѣ осторожнаго критическаго разбора. Какъ разъ въ данномъ случаѣ оказы-

вается не пріемлемымъ это правило. Изъ описанія этого листа тетради (см. „Русск. Стар.“ 1884 г., іюнь, стр. 556) Н. О. Лернеръ могъ бы узнать, что этимъ отрывкомъ занято начало страницы, а за нимъ уже идутъ черновые наброски къ 1-ой главѣ „Онѣгина“. Слѣдовательно, такое положеніе отрывка въ рукописи не даетъ намъ права заключить, что отрывокъ написанъ въ одно время съ 1-ой главой „Онѣгина“: весьма вѣроятно, что это начало страницы было уже имъ занято, когда Пушкинъ сталъ набрасывать на ней строфы 1-ой главы. Это положеніе отрывка можетъ дать намъ только одну достовѣрную дату, *позже* которой онъ не былъ написанъ, — а дату, *раньше* которой онъ не былъ написанъ, придется уже разыскивать по другимъ даннымъ. Такъ какъ въ этой тетради есть и произведенія 1822 года, то, слѣдовательно, можно относить отрывокъ и къ этому году, но для отнесенія его къ 1821 году не годится и эта аналогія совмѣстности [1]). Произведеній 1821 года нѣтъ совсѣмъ въ этой тетради. На внутренней сторонѣ передней крышки переплета есть помѣта руки Пушкина „27 мая 1822. Кишиневъ“. И положеніе, и самый видъ этой помѣты не позволяютъ ли думать, что она означаетъ тотъ день, въ который заведена эта тетрадь?

Такъ какъ положеніе отрывка въ рукописи не даетъ намъ опредѣленныхъ основаній для хронологіи, то надо искать ихъ при помощи иныхъ пріемовъ. Отрывокъ, дѣйствительно, писанъ въ 1823 году, въ Одессѣ, въ періодъ созданія послѣднихъ строфъ 1-ой главы „Онѣгина“, особенно ея строфы 2-ой.

Если только въ распоряженіи Анненкова не было дру-

---

1) Явное недоразумѣніе, не требующее даже разъясненія, въ мотивировкѣ пріуроченія у Л. Н. Майкова (Мат., 141). „Къ 1821 году отнесено потому, что находится въ Музейной рукописи между черновыми строфами I-ой главы „Онѣгина“.

гого, неизвѣстнаго намъ списка этого отрывка, то можно съ достовѣрностью утверждать, что Пушкинъ никогда не видѣлъ передъ собой такого наброска, который мы читаемъ въ нашихъ изданіяхъ. Онъ въ дѣйствительности исчерканъ, не законченъ и не отдѣланъ, а ежели о стихахъ 1 — 4 можно сказать, что ихъ можно извлечь изъ черновика, то для редакціи стиховъ 5 — 7 не найдется достаточныхъ основаній. Нынѣшній 5-ый стихъ вовсе не слѣдуетъ въ рукописи за 4-мъ; „двѣ строки, какъ замѣтилъ еще Л. Н. Майковъ (Матер., 141), послѣ стиха 4-го въ рукописи сильно перечеркнуты и не поддаются разбору“. Я не имѣю въ виду дать точную транскрипцію, но не могу не указать, что изъ этихъ двухъ *полузачеркнутыхъ строкъ* можно разобрать:

Дай руку—для тебя (меня?) насталъ...
Для неба дальняго, для новыхъ странъ“.

Для моей цѣли самое интересное и главное — это чтеніе нынѣшняго 6-го стиха.

Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталой!

Такого стиха въ рукописи нѣтъ. Первоначально этотъ стихъ былъ написанъ Пушкинымъ такъ:

Стихій другихъ ищу—земли жилецъ усталой,

затѣмъ Пушкинъ зачеркнулъ въ немъ слово *ищу* и написалъ это же слово въ началѣ стиха; кромѣ того, онъ зачеркнулъ слово *усталой* и замѣнилъ его не совсѣмъ разборчивымъ словомъ, которое я читаю *остылой.* Съ этими исправленіями стихъ читается такъ:

Ищу стихій другихъ—земли жилецъ остылой.

7-ой стихъ тоже прочитанъ невѣрно; для нынѣшняго чтенія нѣтъ основаній: скорѣе его надо прочесть:

Привѣтствую тебя свободный Океанъ.

Но не буду настаивать на предполагаемыхъ мной чтеніяхъ конца 6-го стиха и 7-го стиха. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что 6-ой стихъ надо читать „Ищу стихій другихъ", а не „Ищи" и т. д. Слѣдовательно, въ этомъ стихѣ Пушкинъ говоритъ о себѣ. Весь отрывокъ освѣщается свѣтомъ внутренней, интимной жизни поэта и представляется лишнимъ свидѣтельствомъ о намѣреніи „начать вольный бѣгъ по вольному распутью моря". При внутренней же связи этого отрывка со II строфой 1-ой главы „Онѣгина", можно, пожалуй, обратить вниманіе и на положеніе его въ тетради, которое весьма правдоподобно можетъ объясняться одновременностью возникновенія темъ.

Выводы изъ сдѣланныхъ наблюденій: отрывокъ 1) писанъ въ 1823 году и 2) требуетъ еще извѣстной работы по установленію транскрипціи и текста.

П. Щеголевъ.

Замѣтка Пушкина объ „Адольфѣ" Б. Констана.

Приписанная нами Пушкину по внутреннимъ соображеніямъ замѣтка о переводѣ романа Бенжамена Констана (см. „Пушкинъ и его современники", вып. XII), оказывается, несомнѣнно принадлежитъ Пушкину. Наша статья о забытыхъ страницахъ Пушкина въ „Литературной Газетѣ" была уже напечатана, когда мы случайно наткнулись, занимаясь въ Имп. Публичной Библіотекѣ бумагами князя В. Θ. Одоевскаго, на записку О. М. Сомова къ князю Одоевскому, въ которой заключается прямое и ясное подтвержденіе высказаннаго нами предположенія. Вотъ эта записка.

Mon Prince!

Monsieur Pouschkine a composé pour la Gazette Littéraire un petit article sur la traduction d'un roman de Benjamin Constant: *Adolphe*, que le Prince Wiazemsky veut faire imprimer à Moscou: mais comme notre censeur s'obstine à croire que le dit roman est à l'index sur la liste des ouvrages étrangers, et que, pour cette raison, il se refuse de signer l'atrticle, je vous prie, mon Prince, d'avoir la bonté de me faire savoir, si le roman en question est réellement

sur la liste des ouvrages défendus, et, si cela est possible, de m'écrire quelques lignes à ce sujet aujourd' hui même. Je vous en aurai mille obligations.

Agréez, Mon Prince, l'expression de la plus parfaite considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Mon Prince!

Votre très humble et très obéissant serviteur

O. Somoff.

Ce 28 Décembre
1829.

Записка Сомова окончательно устраняетъ всякія сомнѣнія въ принадлежности замѣтки объ „Адольфѣ" перу Пушкина. Она появилась во́-время, въ первомъ же № „Литературной Газеты" 1830 г., подписанномъ цензоромъ 30-го декабря.

Подъ первыми номерами „Литературной Газеты", до 20-го января включительно, стояла подпись цензора К. С. Сербиновича. Быть можетъ, онъ то и поставилъ появленію замѣтки Пушкина то препятствіе, на которое жаловался Сомовъ. Самъ Пушкинъ былъ, впрочемъ, доволенъ Сербиновичемъ. Когда вмѣсто него „Литературной Газетѣ" дали другого цензора, Щеглова, Пушкинъ просилъ о возвращеніи Сербиновича. Сохранился черновикъ его жалобы[1]) на Щеглова, который „своими замѣчаніями поминутно напоминаетъ лучшія времена Бирукова... Издатели рѣшили, если только это возможно, возвратить имъ г. Сербиновича"...

Н. Лернеръ.

---

1) Румянцовскій Музей, тетр. № 2382, л. 66 об. — см. „Русск. Стар." 1884 г., ноябрь, 369.

Пушкинъ и цензура.

Въ Архивѣ Цензурнаго Комитета, гдѣ я работаю подъ руководствомъ проф. И. А. Шляпкина, нашлось три документа, касающихся: эпиграммы Пушкина „Собраніе насѣкомыхъ“, „Бориса Годунова“ и изданія „Современника“. Документы эти слѣдующіе:

1.

„Въ засѣданіи Комитета 7-го марта 1830 года слушали статью для альманаха „Подснѣжникъ“ на 1830 годъ, подъ названіемъ: „Собраніе насѣкомыхъ“ (соч. А. Пушкина).

Г. Цензоръ, надворный совѣтникъ Гаевскій, почиталъ нужнымъ представить оную на разсмотрѣніе Комитета, сомнѣваясь, не заключаетъ ли она въ себѣ эпиграммы на извѣстныя какія-нибудь лица, хотя на мѣстѣ именъ и поставлены одни только знаки. Засѣданію Комитета, сколь ни казалось возможнымъ представленное Г. Цензоромъ сомнѣніе, но, по силѣ § 6 Устава о цензурѣ не имѣя права произвольно толковать рѣчь въ дурную сторону, оно постановило: допустить означенную статью къ напечатанію“. (Подписи).

2.

М. Н. П.

Департаментъ нар. пр.
Секретарскій столъ.
Въ Санктпетербургѣ.
24 октября 1830 г.

№ 7914.

Г. Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа.

Г. Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ меня, что по Высочайшему Государя Императора повелѣнію объявилъ онъ извѣстному писателю Александру Сергѣевичу Пушкину дозволеніе Его Величества на напечатаніе исторической драмы его сочиненія: „Борисъ Годуновъ" подъ собственною его отвѣтственностью. О сей Высочайшей волѣ имѣю честь сообщить къ свѣдѣнію Вашего Превосходительства по С.-Петербургскому Цензурному Комитету.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Генералъ-отъ-Инфантеріи
К. Ливенъ.

3.

Выписка изъ Журнала засѣданія Петербургскаго Цензурнаго Комитета 21-го января 1836 года.

„Слушали:

1) предписаніе Господина Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 11-го генваря за № 16, коимъ Его Превосходительство даетъ знать Комитету, что камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ просилъ разрѣшенія издать въ нынѣшнемъ 1836 году 4 тома статей: чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній и пр.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности,—

на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews, и что Его Императорское Величество на таковую просьбу Господина Пушкина изволилъ изъявить Высочайшее свое соизволеніе съ тѣмъ, чтобы означенное періодическое сочиненіе переходило, по установленному порядку, черезъ цензуру. О таковой Высочайшей волѣ Г. Министръ предлагаетъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету къ должному наблюденію. При семъ Его Сіятельство Г. Предсѣдатель объявилъ Комитету, что онъ поручилъ уже разсмотрѣніе упомянутаго изданія Г. Цензору Крылову.

Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію".

Сообщ. студентъ С.-Петербургскаго Университета

А. Егоркинъ.

Къ статьѣ „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ“.

(Дополнительная замѣтка).

Уже послѣ отпечатанія моей статьи высокочтимый внукъ перваго директора Лицея Егора Антоновича Энгельгардта — баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ сообщилъ мнѣ одинъ любопытный документъ, имѣющій отношеніе къ предмету моей статьи, въ которомъ документально отмѣчены всѣ участники лицейскихъ сходокъ (первыхъ выпусковъ) 19-го октября съ 1837 года, когда впервые Энгельгардту удалось объединить въ эту годовщину воспитанниковъ всѣхъ первыхъ курсовъ,—и до 1850 года. Имѣющіяся здѣсь записи, подтверждая всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось извлечь изъ разныхъ современныхъ отрывочныхъ и случайныхъ свидѣтельствъ, пополняютъ ихъ вполнѣ достовѣрными данными за каждый годъ отмѣченнаго періода.

Съ благосклоннаго разрѣшенія почтеннѣйшаго барона Ѳедора Романовича, которому приношу искреннюю за это благодарность, я — въ дополненіе къ моему очерку—сообщу здѣсь эти данныя, предварительно познакомивъ читателей съ самымъ документомъ, несомнѣнно любопытнымъ, не только какъ реликвія лицейской старины, но и какъ памятникъ для характеристики самого Энгельгардта и его питомцевъ—первенцевъ Лицея.

Переплетенная въ коричневую кожу тетрадь in-folio съ вдѣланною въ верхнюю доску лицейскою медалью носитъ заглавіе „Лицейской Сиротской Капиталъ. Основанъ 1837 года“. На первомъ листѣ находятся медальный портретъ Императора Александра I и подъ нимъ извѣстное изображеніе лицейской залы; на второмъ, сверху, надъ текстомъ—изображеніе зданія Царскосельскаго Лицея со стороны нынѣшней Садовой улицы съ подписью Энгельгардта: „Шесть лѣтъ промчались какъ мечтанье“.

Въ самой тетради помѣщены „Годовыя записки сбора на составленіе Лицейскаго Сиротскаго Капитала съ 1837 года, 19 октября“, т. е., сбора, или денежной складчины, которую устраивали съ благотворительной цѣлью въ каждую лицейскую годовщину 19-го октября воспитанники первыхъ выпусковъ съ своимъ Директоромъ Энгельгардтомъ во главѣ (и при томъ не только участники обѣдовъ, но и многіе отсутствующіе).

Всѣ записи изъ года въ годъ ведены самимъ Е. А. Энгельгардтомъ и имъ предпослана тоже собственноручная вводная замѣтка его о возникновеніи, побужденіяхъ и цѣли этого сбора, которую, какъ любопытную страничку лицейской старины, я и привожу здѣсь полностью.

„Годы промчались, но, спасибо доброму племени Лицейскому,—сердечный обычай сходки 19 октября сохранился между нами. Собирались всѣ вмѣстѣ, собирались по курсамъ, складывались на скромный пиръ, и сходки шестилѣтнихъ однокашниковъ всегда наблюдались.

„Такъ настало 19 октября 1836 года, когда праздновалось 25-лѣтіе нашего Лицея у радушнаго лицейскаго хлѣбосола [1]) и съ тѣхъ поръ было положено впредь соби-

1) Здѣсь, очевидно, разумѣется лицейская сходка 19-го октября съ Энгельгардтомъ во главѣ у лицеиста III-го курса А. Е. Жадовскаго, безъ I-го курса, собравшагося, какъ знаемъ, у М. Л. Яковлева отдѣльно по настоянію Пушкина и его товарищей (см. нашъ очеркъ). *К. Г.*

раться всегда у него первымъ четыремъ курсамъ на общую дружескую трапезу. Кто могъ и хотѣлъ, являлся, и товарищи, не видавшіеся иногда въ цѣлый годъ, тутъ встрѣчались, и, вспоминая добрую старину, отогрѣвались юношескою дружбою сердца, легко остывающія въ холодномъ велико-свѣтскомъ быту: „*Храните, о друзья, храните ту жъ дружбу съ тою же душою*“!..

„Въ слѣдующемъ годѣ [1]) одинъ изъ товарищей, поминая надпись, Александромъ Благословеннымъ на медали Лицейской начертанную [2]), предложилъ ознаменовать нашу Лицейскую сходку какимъ-либо общеполезнымъ дѣломъ. Предложеніе было единодушно принято и положено: возобновить прежнюю прекратившуюся складчину, но, вмѣсто угощенія самихъ себя, употребить собираемыя деньги на истинно благотворный предметъ, а именно: на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей въ сиротскомъ заведеніи, учреждаемомъ при здѣшней Реформатской Церкви. — Многіе отсутствующіе товарищи, узнавъ о семъ благородномъ предположеніи, поспѣшили участвовать въ общемъ добромъ дѣлѣ, и такъ, какъ видно по слѣдующимъ ежегоднымъ запискамъ, въ три года составилось 3400 рублей (т. е., ассигн.) основнаго капитала [3]). Онъ хранится отдѣльно при церковномъ попечительномъ совѣтѣ, подъ названіемъ Лицейскаго Капитала, съ тѣмъ, что когда возрастетъ онъ до 14 т. рублей, то изъ процентовъ его содержать на всегда въ томъ заведеніи одного *сироту лицейскаго.*

„Нѣтъ сомнѣнія, что доброе дѣло сбудется и составитъ навсегда приличный, скромный памятникъ благороднаго духа и чувствъ прежнихъ лицейскихъ. — Доживу

---

1) Т. е., 1837 г.

2) „Для общей пользы“.

3) Судя по этому показанію, эта замѣтка писана въ концѣ 3-го года съ начала сбора, т. е., въ концѣ 1839 г., хотя она и помѣчена 19-мъ октября 1837 г., т. е., днемъ почина сбора. *К. Г.*

ли я до совершенія его и удастся ли мнѣ съ вами порадоваться ему—не знаю, но то знаю, что вы и безъ меня довершите доброе дѣло, и тогда, при послѣднемъ взносѣ въ дополненіе всей суммы, сія книга Лицейская должна быть доставлена въ Церковный Совѣтъ для храненія въ его Архивѣ.

„Да будетъ такъ; исполняйте и поминайте иногда стараго, вѣрнаго друга

Егора Антоновича.

19 октября
1837".

Какъ видно изъ дальнѣйшаго, мечта Е. А. осуществилась, и онъ самъ былъ свидѣтелемъ того: по послѣдней записи 1850 г. капиталъ достигъ суммы 4064 р. 50 к. серебромъ, т. е., болѣе 14000 р. ассигнац., внесенной постепенно въ Попечительный Совѣтъ Сиротскаго заведенія [1]).

Въ записи каждаго года (подъ заголовкомъ „Сходка такого то года") находимъ списки жертвователей, по старшинству курсовъ, — сперва „наличныхъ", а затѣмъ „отсутствующихъ" съ цифрой взноса, а внизу замѣтки объ итогѣ и о внесеніи собранной суммы въ Попечительный Совѣтъ Сиротскаго заведенія, съ отмѣткой суммы всего собраннаго до сего капитала.

Насъ интересуютъ эти записи, конечно, со стороны ихъ участниковъ — для дополненія нашихъ свѣдѣній о составѣ собраній въ день лицейскихъ годовщинъ послѣ смерти Пушкина, т. е., съ 1837 г. — за эпоху конца 30-хъ и 40-хъ годовъ.

---

1) Капиталъ этотъ существуетъ до нынѣ въ дѣтскомъ пріютѣ при нѣмецкой Реформатской церкви. См. Geschichte der Reformirten Kirche in Russland von H. Dalton, Gotha. 1865, стр. 93. Описанная здѣсь книга сборовъ передана барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ по назначенію Энгельгардта.

Изъ доступныхъ донынѣ источниковъ можно было установить, что Е. А. Энгельгардту удалось съ 1837 г. соединить для совмѣстнаго празднованія лицейскихъ годовщинъ (обѣденной трапезой) воспитанниковъ первыхъ трехъ (или четырехъ) выпусковъ, и что въ этихъ собраніяхъ принимали участіе и нѣкоторые товарищи Пушкина (см. въ нашей статьѣ — переписку Корфа съ Яковлевымъ). Но болѣе точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій не имѣлось. Теперь изъ записей тетради Энгельгардта, представляющихъ самыя достовѣрныя документальныя данныя, мы знаемъ участниковъ каждой сходки,—узнаемъ, кто бывалъ на нихъ изъ первокурсниковъ, что иногда въ нихъ участвовали и представители V (и даже VI) курса, и что гостями тутъ бывали, кромѣ непремѣннаго участника-организатора, т. е., самого Энгельгардта, еще нѣкоторые лицейскіе профессора и воспитатели, напр., Кайдановъ, Георгіевскій, Калиничъ, А. Сакенъ, прот. Кочетовъ и другіе.

Считая излишнимъ для моей задачи приводить всѣ эти списки или останавливаться на нихъ подробно, я сообщу лишь самое характерное о каждомъ годѣ—главнѣйше со стороны участія въ собраніяхъ лицейскихъ первенцовъ (I курса).

Вотъ, что мы узнаемъ, между прочимъ.

Оказывается, что въ *1837-мъ* году изъ первокурсниковъ отозвались на зовъ Энгельгардта только Стевенъ и Комовскій, что баронъ Корфъ и Яковлевъ (къ которому обращено дошедшее до насъ пригласительное письмецо Е. А.) на сей разъ еще не вняли усиленнымъ просьбамъ стараго Директора. На трапезѣ этого года присутствовало 23 воспитанника первыхъ *пяти* курсовъ, а въ числѣ гостей Кайдановъ, А. Сакенъ и сынъ Егора Антоновича Александръ, а также какой-то Бенедиктовъ (вѣроятно, извѣстный поэтъ).

Въ *1838 г.* собралось (кромѣ Энгельгардта и 4-хъ гостей) всего 12 лицеистовъ, и изъ I-го курса — баронъ Корфъ, Яковлевъ и Стевенъ. Убѣдительнымъ своимъ письмомъ къ Яковлеву (намъ извѣстнымъ) Егоръ Антоновичъ добился осуществленія своего завѣтнаго желанія.

Въ *1839 г.* было всего 32 участника въ лицейскомъ обѣдѣ, изъ нихъ 27 воспитанниковъ и изъ I-го курса — баронъ Корфъ, Масловъ, Комовскій и Данзасъ. Среди отсутствующихъ участниковъ складчины названы Вальховскій и Малиновскій.

Въ сходкѣ *1840 года* (присутствовало 22 лицеиста), о которой, если читатель припомнитъ, была оживленная переписка у барона Корфа съ Яковлевымъ, изъ первокурсниковъ были только князь Горчаковъ (единственный разъ за все время) и баронъ Корфъ. Не знаемъ, почему не былъ съ ними Яковлевъ. Среди отсутствующихъ названы Вальховскій, Стевенъ и Малиновскій.

Сходку *1841 года* почтили своимъ присутствіемъ первокурсники Данзасъ, Яковлевъ, баронъ Корфъ и Масловъ — въ числѣ 18 товарищей ближайшихъ выпусковъ. Между отсутствующими жертвователями упоминаются Мартыновъ (Варшава) и Ломоносовъ (Бразилія).

Въ *1842 г.*, въ 25-лѣтіе I-го выпуска, собраніе состояло изъ 29 лицъ, и первокурсниковъ было на этотъ разъ пять — баронъ Корфъ, Яковлевъ, Данзасъ, Комовскій и Масловъ. Изъ отсутствовавшихъ отозвались Горчаковъ (Штутгардъ), Стевенъ (Выборгъ) и Малиновскій (Полтава).

Въ *1843 г.* среди 18 человѣкъ присутствовали баронъ Корфъ, Масловъ, Корниловъ, Комовскій и Ломоносовъ, а Стевенъ снова въ числѣ отсутствующихъ (въ Выборгѣ).

Въ небольшомъ собраніи (15 человѣкъ) *1844 г.* изъ первокурсниковъ были только Данзасъ, Комовскій и Стевенъ, о чемъ уже намъ было извѣстно изъ сохранивша-

гося письма Е. А. къ Матюшкину. Въ рубрикѣ отсутствующихъ находятся князь Горчаковъ (Штутгардъ) и баронъ Корфъ.

Въ *1845 г.* на лицейскую годовщину собралось 18 лицъ, и изъ первенцовъ были Корниловъ, Масловъ, Данзасъ, Стевенъ и Комовскій.

Тѣ же лица съ прибавленіемъ барона М. Корфа участвовали и въ сходкѣ *1846 г.*

Тѣ же самыя фамиліи всегда вѣрныхъ лицейскимъ традиціямъ товарищей Пушкина, именно барона Корфа, Яковлева (имя котораго встрѣчается, впрочемъ, уже рѣже), Данзаса, Стевена, Корнилова, Комовскаго и Маслова повторяются и въ послѣднихъ Энгельгардовыхъ записяхъ слѣдующихъ четырехъ лѣтъ (1847—50 гг.) среди участниковъ тогда не очень многочисленныхъ лицейскихъ сходокъ 19-го октября.

Мы уже знаемъ изъ дошедшаго до насъ протокола сходки 1851 года, что въ этомъ юбилейномъ году (40-лѣтіе Лицея) первенцы Лицея собрались къ Корнилову на лицейскую годовщину опять *особо*, своимъ кружкомъ, и что тутъ присутствовало 7 человѣкъ, а именно: Комовскій, Масловъ, Матюшкинъ, Данзасъ, баронъ Корфъ и Корниловъ.

Здѣсь къ обычнымъ участникамъ собраній присоединился Матюшкинъ, но за то нѣтъ Стевена, который немного не дожилъ до этой годовщины, скончавшись 12-го августа 1851 г.

О послѣдующемъ времени и возобновленіи съ 1860-хъ годовъ совмѣстнаго празднованія 19-го октября первыми лицейскими выпусками по почину VI курса я уже сообщилъ въ своемъ очеркѣ все мнѣ извѣстное. Изъ товарищей (участниковъ сходокъ [1])) Пушкина въ 1856 г. умерли

---

1) Изъ неучаствовавшихъ въ сходкахъ по тѣмъ или другимъ причинамъ за этотъ періодъ времени умерли: Кюхельбекеръ въ 1846 г., Греве-

Масловъ и Корниловъ, а въ 1857 г.—Ломоносовъ. Яковлевъ умеръ въ 1868 г., Данзасъ—въ 1870-мъ, а Матюшкинъ въ 1872-мъ г.; самъ же Энгельгардтъ — еще въ 1862-мъ году.

Пережили на много своихъ товарищей и не разъ еще праздновали день 19-го октября въ кругу лицейскихъ старѣйшинъ (первыхъ VII курсовъ), какъ уже было сказано, баронъ (графъ) Корфъ (ум. 1876) и Комовскій (ум. 1880).

К. Гротъ.

ницъ въ 1847-мъ, Юдинъ въ 1852-мъ, Пущинъ въ 1859-мъ, Бакунинъ въ 1862-мъ, Малиновскій въ 1873 гг.

Указатель.

А., 2, 7.
А. Г., 117.
Abbotsford (Abbotsfort), 113, 127.
„Абевега русскихъ суевѣрій“, 146.
Адмиралтейская часть, 2-я (въ С.-Пб.), 94.
„Адольфъ“, романъ Б. Констана, 175, 176.
Agoub, J., 114.
Académie, 119.
Академія Наукъ, Имп., 1, 13, 34, 98, 165, 166,
Академія Россійская, Имп., 98.
Александровская эпоха, 28.
Александръ I, Императоръ, 15, 16, 181, 182.
Александръ II, Императоръ, 70.
„Алексѣеву“, стихотвореніе Пушкина, 164.
Алексѣевъ, 164.
Alexandre le Grand, 120.
Альбіонъ, 2, 7.
„Альбомъ Онѣгина“, 102.
Amérique, 121.
Англійскій Клубъ, 97.
Англійскій магазинъ, 97, 104.
Англія, 16, 125, 128..
Анненковъ, П. В., 28, 29, 62, 91, 170, 171, 172.
Анненская церковь лютеранская, въ С.-Пб., 31, 133, 142.
Анненскій, Ѳ., 79, 80, 84, 85.
Анскій, Ѳ., 171.
Antoine, 124.
Appert, 124.
Аракчеевъ, графъ, А. А., 16.
„Арапъ Петра Великаго“, Пушкина, 102.
d'Argenay, Sir Lionel, 114.
Арзрумъ, 147.
Арина Родіоновна, 100.
Auguste, 121.

Б., 2.
В..., J. N., 123.
Баденъ, 154.
„Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова“, 21.
Байронъ, лордъ, 102.
Бакунинъ, 74, 187.
Ballanche, 123.
Balzac, 120, 123.
Barante, 120.
Баргузино, 62.
Барклай, 5.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ, 148.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, 48, 62, 170, 171.
„Баснословныя времена старосты Трифона“, Пушкина, 102.
Бахрушинъ, Алексѣй Александровичъ, 90, 91, 160, 162.

Bach, S., 120.
La **Bédouine**, 119.
„**Безвѣріе**", Пушкина, 102.
Беллизаръ, Фердинандъ (Bellizard, Fd.), 96, 97, 108, 109, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 125, 127.
Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ, 184.
Бенкендорфъ, А. Х., 19, 110, 178.
Беранжеръ, 47.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., 161.
Бетховенъ, 22.
Бецкій, И. Е., 99, 144, 145.
La **Bible**, 113, 122.
Библіотека А. С. Пушкина, 33, 108, 109, 113, 115, 121, 122, 123, 124, 127, 154.
Библіотека, Имп. Публичная, 15, 175.
Библіотека Имп. Академіи Наукъ, 13.
Библіотека Имп. Александровскаго Лицея, 40.
„**Bibliothèque Latine-Française**", 113, 114, 119, 121.
Бируковъ, А. С., цензоръ, 176.
Битяговскій, 155.
Бобылевъ, Николай, 143.
Богомоловъ, купецъ, 96.
„**Богъ помочь вамъ, друзья мои...**", стихотвореніе Пушкина, 46.
Болдино, 13, 48, 52. 54.
Большая Морская ул., въ С.-Пб., 106.
Большой проспектъ Васильевскаго Острова (С.-Пб), 71.
Beaumont, G., 121.
Бонапартъ, 5.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ, 102.
„**Борисъ Годуновъ**", Пушкина, 20, 147, 162, 177, 178.
Боровичи, 46.
Bossuet, 123, 124.
Бочаровъ, Ив., 85.
Бразилія, 185.
Бреверыъ, И., 79, 80, 84.
Brétons, 124.
Бригель, портной, 96, 104.
Брилевичъ, 79, 80, 84.
Бролье, 74.
Брунсъ, Л., 104.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ, 28.
Бугъ, 11.
Bulwer, E. L., 113, 120.
Булгаринъ, Ѳ. В., 159.
Bourdaloue, 123.
Бутрюмова, 95.
Бутырской, профессоръ, 34.
Бухарія, 40.
„**Была пора: нашъ праздникъ молодой...**", стих. Пушкина, 61.
Бѣльскій, 149.

Вакхъ, 3, 7, 10.
Вальховскій (Вольховскій), Владиміръ Дмитріевичъ, 41, 48, 49, 53, 60, 185.
Варшава, 57, 101, 129, 185.
Васильевскій Островъ, 42, 71.
Васильевъ, Михаилъ, 127.
Васюковъ, 100.
Венгеровъ, Семенъ Аѳанасьевичъ, 27, 143, 162, 163, 166, 170, 171.
Веневитиновъ, Алексѣй Владиміровичъ, 20, 26.
Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ, 20.
Венера, 3, 7, 10.
Венсенъ, 154.
West-India, 115.
Виневецкій, художникъ, 98.
Вистингаузенъ, 79, 80.
Витгенштейнъ, 11.
Віельгорскій, графъ Михаилъ Юрьевичъ, 93, 96, 99, 127, 133, 135, 136, 138.
Вл., 2, 5.
Владимірская (улица въ С.-Пб.), 65.
„**Возстань, возстань, пророкъ Россіи...**", стихотвореніе Пушкина, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 29.
Voïart, 113.
Волковъ, А., 79, 80, 81, 83, 84, 85.
Волконская, свѣтлѣйшая княгиня Софія Григорьевна, 94.

Вологда. 30. 79.
Волохова, 154.
Волоховъ, 155.
„Волшебный стрѣлокъ“, 43.
Вольфъ, М. О., 105.
Вольховскій — см. Вальховскій.
Воскресенскій архимандритъ, 155.
„Воспоминанія“ гр. Соллогуба, 36.
„Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“, Л. Павлищева, 57.
Враскій, Борисъ Алексѣевичъ, 93, 97.
Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ, 133.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ, 2.
„Встрѣча съ Кюхельбекеромъ“, Пушкина, 46.
„В. С. Ф*** (Филимонову) при полученіи поэмы его „Дурацкой колпакъ“, стихотвореніе Пушкина, 99.
Вульфъ, Алексѣй Николаевичъ, 48.
„Въ третій разъ, мои друзья, вамъ пою куплеты я...“, стих. Дельвига, 43.
Выборгъ, 185.
„Вышній Волочекъ“, 102.
„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“, 42.
„Вѣстникъ Европы“, 21.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ, 99, 175.

„Гавриліада“, Пушкина, 12.
Гага, гор., 142, 143.
Haggi Baba, 128.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 47, 58, 62, 66.
Гаевскій, Павелъ Ивановичъ, 177.
Гаевскій, Семенъ Ѳедоровичъ, 15.
Галаадскіе мужи, 8.
Galt, John, 115.
Гамбсъ, братья, 104.
Hamilton, 120.
Гардеръ, Егоръ, 78, 79, 80, 84.
Harris, T., 122.
Gasté, 114.
Геккеренъ, баронъ, 31.
Гельсингфорсъ, 85.
Геннади, Григорій Николаевичъ, 146.
Георгіевскій, 184.
Германія, 16.
Германъ, Христофоръ Христофоровичъ, 99.
„Герой“, стихотвореніе Пушкина, 4.
Herschel, 119.
Гессъ, Германъ Ивановичъ, 34.
Goethe, 114.
Глазуновъ, московскій книгопродавецъ, 97.
Глазуновъ, И. И., 93.
Глазуновъ, Н. Н., 93.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ, 147.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ, 13, 14, 15, 16, 17.
Gaubert, типографъ, 106.
Godwins, 115.
„Годовщина“, стихотвореніе Пушкина, 50.
Годуновъ, Борисъ, 20, 91, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 177, 178.
Голландскій посланникъ, 31.
Голубово, село, 133.
Гольтгоеръ, Константинъ, 78, 80, 84, 85.
Гольтгоеръ, Ѳедоръ Григорьевичъ, 80.
Гомеръ, 14, 16.
Гончарова, Александра Николаевна, 36, 98, 132.
Гончарова, Наталія Ивановна, 97.
Гончаровъ, Димитрій Николаевичъ, 131, 132.
Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ, 68, 74, 79, 80, 84, 85, 87, 88, 185, 186.
Gotha, 183.
Hoffmann, 120, 123.
Гревеницъ, баронъ, 48, 52, 55, 60, 186.
Греція, 8.
Гречъ, Алексѣй Николаевичъ, 31.
Гречъ, Николай Ивановичъ, 31.
Григорьевъ, двор. засѣдатель, 99.

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ, 29.
Гротъ, Константинъ Карловичъ, 85.
Гротъ, Константинъ Яковлевичъ, 49, 55, 61, 89, 181, 182, 187.
Гротъ, Яковъ Карловичъ, 38, 47, 61 64, 76, 77, 78, 80, 83, 84, 85, 86, 87 88.
Грузія, 79, 83.
Гуровскій, графъ Адамъ, 113.
Гурьевъ, 60.

Давыдовъ, 9.
Даль, Владиміръ Ивановичъ, 64.
Dalton, H., 183.
Данзасъ, Борисъ Карловичъ, 68.
Данзасъ, Константинъ Карловичъ, 33, 34, 37, 42, 50, 51, 52, 54, 61, 73, 74, 85, 185, 186, 187.
Дантесъ, 31, 32, 34, 36, 37.
Данцигъ, 51.
Дашкевичъ, 29.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, 91.
Дворъ Высочайшій, 37, 92, 94.
Двѣнадцатый годъ, 2, 5, 8.
Dezobry, Ch., 121.
Декабристы, 8, 10 12, 22, 27, 28, 44, 51.
Декабря 14-ое 1825 года, 7, 43.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, 40, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 53.
„Дельвигъ“, статья Пушкина, 102.
Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, 178.
Дибичъ, баронъ Иванъ Ивановичъ, 27.
Диксонъ, Л., 97, 108, 113, 127, 128.
Димитрій, Царевичъ, 91, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 158, 162.
Динабургъ, 46, 48.
Діонисій, митрополитъ, 149.
Дмитревскій, Иванъ Дмитріевичъ, 77, 78, 80, 82, 83, 84, 85.
Дмитріевъ, Герасимъ, 104.
Днѣпръ, 11.
Dodecaton, 124.
Don Juan de Marana, 122.
Достоевскій, Ѳ. М., 24.
Дунай, 9.
„Дурацкой колпакъ“, поэма В. С. Филимонова, 99, 144.
Dufour, M. A., 113.
Duquesnel, 121.
Dumas, 122.
„Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ“, 94.

„Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина, 20, 33, 145, 164, 166, 167, 168, 171, 172, 174.
„Евгеній Онѣгинъ“, драма князя Г. В. Кугушева, 145, 146.
Европа, 21, 169.
Евфратъ, 147.
Егоркинъ, А., студентъ, 179.
Егоровъ, Иванъ Ивановичъ, 99.
Eichhoff, 121.
Екатерининскій каналъ (въ С.-Пб.), 53. 54.
Eckstein, 124.
Св. Елены, островъ, 154.
d'Enghien, Louis-Antoine-Henri de Bourbon, duc —, 154.
d'Epinay, M-r, 114.
Есаковъ, Семенъ Семеновичъ, 49, 50.
„Es kann doch nicht immer so bleiben...“, пѣсня Коцебу, 41.
L'Espagne, 124.
États-Unis, 120.
Ефраимъ, 8.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ, 18, 21, 25, 32, 166, 171.

Жадимеровскій, Петръ Алексѣевичъ, 95, 96, 97.
Жадовскій, А. Е., 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 78, 81, 181.
Janin, J., 121.
Желѣзная Маска, 102.
Жемчужниковъ, Лука Ивановичъ, 96, 104.
Jomini, 119.
Jocelyn, 119.
Жуковскій, Василій Андреевичъ,

33, 35, 36, 64, 91, 92, 93, 95, 97, 100, 101, 102, 108, 109, 130, 131, 132, 135, 137, 139, 140, 142, 143.
Журналъ модъ, старинный, 146.
„Journal de St.-Pétersbourg", 111.
Juvénal, 124.

З, 2, 3, 4.
„Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый", стихотвореніе Пушкина, 169.
Загряжская, Екатерина Ивановна, 103.
Загряжскій, 155.
Замятнина, 87.
Замятнинъ, Дмитрій Николаевичъ, 87.
Заочный, Василій, 36.
„Записки и анекдоты", Пушкина, 102.
„Записки" П. А. Каратыгина, 130.
„Зачѣмъ безвременную скуку...", стихотвореніе Пушкина, 164.
Зеленая Лампа, общество, 8.
„Земледѣльческая Газета", 73.
Зубовъ, Павелъ, 31.

Иваницкій, Николай Ивановичъ, 30, 31, 32.
„И вотъ опять Лицея день священный...", стих. В. Кюхельбекера, 66.
Игоревъ полкъ, 33.
„Изъ записки пріятелю", Пушкина, 13.
Икскуль, баронъ А. К., 73.
„Иліада", 13, 14, 16.
Илличевскій, Алексѣй Демьяновичъ, 39, 40, 41, 44, 45, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 61, 64.
Indien, théâtre, 125.
„И первую полнѣй, друзья, полнѣй...", стих. Пушкина, 51.
Ипсиланти, князь, 9.
Irving, W., 113, 127.
„Искры", журналъ, 91, 105, 119, 124, 153.
Испанія, 8.
„Исторія Петра I", Пушкина, 102.
„Исторія Пугачевскаго Бунта", Пушкина, 102.
„Исторія" Полеваго, 32.
„Исторія Россіи", С. М. Соловьева, 162.
Италія, 8, 121.
Ишимова, Александра Осиповна, 99, 108, 133, 135, 139, 141, 142.

Іефѳай, 8.
Іоаннъ, 149, 151.
Іовъ, патріархъ, 158.
Іорданъ, 8.

К., 1.
К., 2, 6.
К., В., 143.
Кавказскія минеральныя воды, 15.
Кавказъ, 16, 53, 147, 148.
Казначейство Главное, 107.
Казначейство Государственное, 17, 102.
Кайданова, Е. Н., 97, 108, 118.
Кайдановъ, 59, 78, 184.
Калиничъ, Фотій Павловичъ, 184.
Камарашъ, 75.
Каменка, 7, 8, 11.
Канцелярія Государственная, 14, 15, 16, 17.
Канцелярія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 128.
Capefigue, 113.
Карадыкинъ, Николай Николаевичъ, 97, 110, 117.
Карамзина, Екатерина Андреевна 96.
Карамзинъ, Н. М., 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 159, 161.
Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ, 130, 131.
Karr, A., 115, 121.
Quinet, 119.
Кипренскій, Орестъ Адамовичъ, 98.
Кишиневъ, 41, 164, 170, 172.
Кирилловъ, Кириллъ, 102.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, 148.

Кистенево, сельцо, 96, 99.
Кіевъ, 14.
Cléopatre, 123.
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ, 103.
Княжнина, 57.
Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ, 42, 48, 50, 52, 60, 73.
Cohen, 113, 122.
„Collection de mémoires sur la Révolution Française“, 154.
Coleridge, 127.
Комовскій, Александръ, 78, 80, 81, 82, 84, 85.
Комовскій, Сергѣй Дмитріевичъ, 44, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 60, 61, 73, 74, 76, 86, 87, 184, 185, 186, 187.
„Кому-жъ изъ насъ подъ старость день Лицея торжествовать придется одному?“, стих. Пушкина, 88.
Кондратьевъ, портной, 96.
Коновницынъ, Алексѣй, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85.
Констанъ, Бенжаменъ, 122, 175.
Коранъ, 22.
Корниловъ, 50, 51, 52, 60, 72, 74, 185, 186, 187.
Коровино, село, 129.
Корпусъ Пажескій, 92.
Корсаковъ, Николай Александровичъ, 50.
Корсаковъ, Петръ Александровичъ, 109.
Корфъ, баронъ (графъ) Модестъ Андреевичъ, 44, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 65 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 78, 85, 86, 184, 185, 186, 187.
Костенскій, К., 48, 49, 50.
Кохановская, 29.
Коцебу, 41.
Коцебу, В., 78, 80, 84.
Кочетовъ, прот., 184.
„Кошелекъ“, журналъ, 146.
Краевскій, Андрей Александровичъ, 33, 34, 35, 105.
Крамеръ, Михаилъ Севастьяновичъ, 32.
Créqui (Créquy), 113, 114, 122.
Кремлевскій дворецъ, 18, 20.
„Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ....“, эпиграмма Пушкина, 14.
Крижаничъ, 24.
„Критико - біографическій Словарь“, С. А. Венгерова, 143.
„Кромѣшникъ“, Пушкина, 102.
Кронштадтъ, 55, 79.
Крузенштернъ, А. И., 87.
Крузенштернъ, П., 78, 80, 84.
Крыловъ, А. Л., 35, 179.
Крыловъ, В. А., 34, 35.
Крыловъ, Петръ, 96.
„Кто, волны, васъ остановилъ...“, стих. Пушкина, 166.
Кугушевъ, князь Григорій Васильевичъ, 99, 145, 146.
„Куда же ты?—въ Москву...“, стих. Пушкина, 13, 14.
Куломзинъ, А. Н., 87.
„Къ біографіи А. С. Пушкина“, Н. Невзорова, 93.
„Къ иностранкѣ“, стих. Пушкина, 102.
„Къ Лицинію (съ Латинскаго)“, стих. Пушкина, 98.
„Къ М**“, стих. Пушкина, 170.
„Къ моей чернильницѣ“, стих. Пушкина, 102.
„Къ переводу Иліады“, эпиграмма Пушкина, 14.
„Къ статуѣ въ Царскомъ Селѣ“, стих. Пушкина, 13, 14.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, 43, 44, 46, 48, 61, 62, 66, 186.

Л., 3, 10.
Laharpe, 121.
Lacroix, S.-F., 119.
Lamartine, Alphonse, 119.
Laplace, Pierre-Simon, 119.
Latouche, J.-G. 113.
Lavater, 109, 123.
Lafontaine, 114.
Lebassu, J., 120.
Lewis, M. G., 115.
Leclerc (Le Clerc), 109, 123.

Lerminier, 122.
Лермонтовъ, М. Ю., 21, 24.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 29, 46, 56, 128, 164, 171, 172, 176.
Le-Fevre, J., 114.
Лжедимитрій, 148, 155, 157, 158, 161.
Ливенъ, князь, 178.
Limes, J. M., 120.
Линія 2-я Васильевскаго Острова (СПБ), 71.
Линія, 3-я Васильевскаго Острова (СПБ), 71.
Линія 9-я Васильевскаго Острова (СПБ), 73.
Лисенко (Лисенковъ), Иванъ Тимоѳеевичъ, книгопродавецъ, 93, 105.
Литва, 40.
Литейная улица, въ СПБ., 50, 142.
„Литературная Газета", 33, 146, 175, 176.
Литературный Фондъ, 21.
Лихонинъ, Сергѣй, 78, 80, 83, 84, 85.
Лицей, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 48, 51, 53, 55, 58, 59, 60, 61, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 180, 181, 186.
„Лицейская годовщина" Пушкина, 42, 44.
Лицейскій Сиротскій капиталъ, 181, 182, 183.
„Лицейскія стихотворенія" Пушкина, 102.
Лициній, 98.
„Ломоносовъ", Пушкина, 102.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, 102.
Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ, 55, 56, 74, 185, 187.
„Лордъ Байронъ", Пушкина, 102.
Лукояновскій Земскій Судъ, 96.
Лукояновскій уѣздъ, 95.
Лукуллъ, 32.
Лунинъ, декабр., 7, 8, 10.
Lys, 123.
Luther, 114.
Лѣсной Институтъ, 134.
„Лѣто знойно", „Лицейскій пэанъ", 47.
Лѣтописи, 149, 152, 159, 161, 162.

M*, 170.
Майкова, Александра Алексѣевна, 1, 13.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, 1, 26, 171, 172, 173.
Макаровъ, Петръ, 78, 80, 84.
Максимъ Грекъ, 24.
Малинники, имѣніе, 48.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ, 60, 74, 85, 86, 185, 187.
„Малороссійскій родословникъ", Вад. Л. Модзалевскаго, 14.
Малороссія, 147.
Мансуровъ, Александръ Павловичъ, 99.
Marie, 121.
„Marie Schoning", Пушкина, 102.
Марковъ, 73.
Marmier, 114.
Марсъ, 3, 7, 10.
Мартыновъ, 48, 52, 60, 185.
Мартыновъ, генералъ-адъютантъ, 128
Марѳа, царица-инокиня, 158.
Масловъ, 72, 74, 185, 186, 187.
Масоны, 9.
„Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій Пушкина", Л. Н. Майкова, 171, 172, 173.
„Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина", П. В. Анненкова, 62, 170.
Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 42, 48, 52, 54, 60, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 85, 170, 171, 186, 187.
Mezières, 121.
„Mémoires de St.-Hélène", Наполеона, 154.
Merimée, Prosper, 114.
Миллеръ, Павелъ Ивановичъ, 78, 80, 82, 84, 85.
Милютины лавки (въ С.-Пб.), 104.
Министерство Народнаго Просвѣщенія, 178.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, 128.
Министръ Народнаго Просвѣщенія, 32, 178, 179.
Министръ Финансовъ, 16, 92.
Министръ Юстиціи, 91.
Mirabeau, 114, 115.
Михаилъ Павловичъ, Великій Князь, 70.
Михайловское, село, 18, 27, 42, 46, 56, 57, 99, 100, 101, 108, 129, 130.
Мицкевичъ, Адамъ, 29.
„Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ", П. А. Ефремова, 32.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 14, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 98, 135, 162.
Модзалевскій, Вадимъ Львовичъ, 14.
„Мой другъ! для твоего поэта уже насталъ великій постъ", стих., 32.
„Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!..", стих. Пушкина, 46.
„Молодикъ", сборникъ, 144.
Morellet, abbé, 123.
Морея, 1, 6.
Morice, E., 122.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ, 12, 17, 21, 46, 147, 164, 166.
Москва, 13, 20, 22, 26, 27, 28, 37, 42, 46, 48, 52, 57, 62, 79, 86, 102, 104, 106, 131, 147, 148, 158, 175.
„Москва", Пушкина, 102.
„Московскій Вѣстникъ", 91, 147, 148, 160, 161.
„Московскій Наблюдатель", 32.
„Московскій Некрополь", 146.
Московскій путеводитель, старинный, 146.
Музей А. А. Бахрушина, 90.
Musset, Alfred, 120.
Мясоѣдовъ, 56, 60, 74.

„На выздоровленіе Лукулла", стихотвореніе Пушкина, 32.
Нагіе, 150, 152, 155, 156, 157.
Нагой, Михаилъ, 155.
Наполеонъ, 102, 119, 154.
„Народъ и царь въ трагедіи Пушкина", статья Н. П. Павлова-Сильванскаго, 162.
„На смерть Наполеона", Пушкина, 102.
„Начало романа", Пушкина, 102.
„Нашъ Пушкинъ далеко...", 53.
Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ, 131, 132.
Неаполь, 3, 6.
Нева, 3, 7, 11, 73.
Невзоровъ, Н., 93.
„Невскій Альбомъ", 143, 144.
Невскій проспектъ, 95.
Незеленовъ, Александръ Ильичъ. 29.
Newstead Abbey, 127.
Niebuhr, 113, 122.
Николай I, Императоръ, 6, 8, 16, 18, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 37, 53, 80, 95, 143, 178, 179.
Нижегородская губернія, 95, 99.
Никита, 2, 7, 8.
Никитенко, А. В., 31, 32, 34, 36, 98.
Никольскій, В., 29.
Никольсъ, 104.
Ницца, 88.
„Новая Русь", газета, 30.
Новиковъ, Николай Ивановичъ, 24.
„Новое Время", газета, 38, 56.
Новороссійскій край, 136.
„Нѣчто объ Отрепьевѣ", статья Погодина, 161.

Оберманъ, Екатерина, 96.
„Обозрѣніе литературныхъ журналовъ за апрѣль мѣсяцъ 1862", Василія Заочнаго, 36.
Оболенскій, князь Николай Николаевичъ, 95, 96, 103.
Обуховъ мостъ, въ С.-Пб., 138.
Общество Библейское, 53, 54.
„Объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія", статья Погодина, 91, 147, 162.
Огаревъ, 151.
Одесса, 41, 172,

Одоевскій, князь Александръ Ивановичъ, 24.
Одоевскій, князь Владиміръ Өедоровичъ, 34, 93, 134 175.
Ожаровскій, 79, 80, 84.
„О Желѣзной Маскѣ“, Пушкина, 102.
Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ, 15, 16.
Онѣгинъ, 9, 10, 20, 33, 102.
Опочецкая Дворянская Опека, 107.
Опочецкій земскій исправникъ, 100.
„Опять мы на лицейскій праздникъ соединились въ кругъ родной...“, стихи, 52.
ОР..., 3, 5.
Orléans, 120.
Осипова, Прасковья Александровна, 27, 98, 132.
Остенъ-Сакенъ, баронъ Өедоръ Романовичъ, 180, 183.
„О стихотворцахъ“, Пушкина, 102.
Островъ, гор., 133.
„Отвѣтъ анониму“, Пушкина, 102.
„Отечественныя Записки“, журналъ, 38, 62, 66.
Отрепьевъ, Григорій, 161, 162.
„Отрывокъ повѣсти“, Пушкина, 102.
„О цензурѣ“, Пушкина, 102.
„О Шатобріанѣ“, Пушкина, 101.

П., 1.
Павлищева, Ольга Сергѣевна, рожд. Пушкина, 57, 100, 101, 129, 130.
Павлищевъ, Левъ Николаевичъ, 57.
Павлищевъ, Николай Ивановичъ, 57, 101, 108, 129.
Павловскъ, 57.
Павловъ, 102.
Павловъ - Сильванскій, Николай Павловичъ, 162.
Le **Palamède,** 123.
Пальчиковъ, Владиміръ Петровичъ, 101.
„Памятникъ“, стих. Пушкина, 25.
Пантелеймонская аптека (въ С.-Пб.), 104.
Папа, Римскій, 1, 4, 6.
Парижъ, 5, 8, 112, 120, 122.
Les **Parisiens,** 120, 122.
Пащенко, Константинъ, 79, 80, 81, 83, 84, 85.
„Переписка Пушкина“, Академич. изданіе, 103, 105.
Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, 94.
Perrault, 124.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ, 101.
Пестель, П. И., 11.
Петербургскія газеты, 130.
Петровскій Заводъ, 54, 64.
Петръ Великій, 3, 6, 35, 102.
Пешель, Францъ Осиповичъ, 59, 78, 80, 81, 82, 83.
Peschier, 121.
Pigault Lebrun, 123.
Пиренеи, 3, 6.
„Пируйте же, пока еще мы тутъ!“, стих. Пушкина, 42.
„Пиръ Петра Великаго“, стих. Пушкина, 35.
„Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени (къ графу С. Д. Шереметеву)“, 161.
„Письма Пушкина и къ Пушкину“, сборникъ, 28.
Planche, G., 123.
„Планы сказокъ“, Пушкина, 102.
Плетневъ, Петръ Александровичъ, 30, 31, 33, 57, 93, 103, 108, 109, 133 134, 136, 138, 139, 140, 143, 147.
Плещѣевъ, 164.
Плинке, 104.
Плюшаръ, А. А., 97, 109, 125, 126, 127
„Повѣсти Павлова“, Пушкина, 102.
Погодинъ, М. П., 91, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162.
„Подражанія Корану“, Пушкина, 22.
„Подснѣжникъ“, альманахъ, 177.

Полевой, Николай Алексѣевичъ, 32, 33, 159.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, 148.

Полкъ потѣшный, 3, 6, 8.

Полкъ, Преображенскій, 8.

Полотняный Заводъ, 98, 131.

Полтава, 102, 185.

Польша, 79, 114, 130, 155.

„Поминки нашей юности! И я ихъ праздновать хочу...", стих. Кюхельбекера, 62.

Pompéi, 113.

Попечительный Совѣтъ Сиротскаго Заведенія, 183.

„Посланіе Боратынскому", Пушкина, 102.

„Посланіе въ цензуру", Пушкина, 102.

Похвисневъ, 79, 80, 82, 84.

Почтамтъ С.-Петербургскій, 134.

Прево, Андрей (Prevost, H.), 105, 106.

„Происхожденіе автора", Пушкина, 102.

„Пророкъ", стих. Пушкина, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 29.

„Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану", 22.

„Простой воспитанникъ природы...", стих. Пушкина, 145.

Псковская гимназія, 31.

Псковская губернія, 128, 133.

Псковскій гражданскій губернаторъ, 27, 28, 134.

Псковскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, 101.

Псковъ, 27, 28, 31, 46, 132.

Пугачевскій бунтъ, 102.

Пугачевъ, 33, 111, 112, 115.

Poujoulat, J. F., 119.

„Путешествіе Радищева", Пушкина, 102.

Пушкина, Марія Александровна, 92.

Пушкина, Надежда Осиповна, 57, 100, 117, 129.

Пушкина, Наталія Александровна, 92.

Пушкина, Наталія Николаевна, 31, 33, 37, 57, 91, 92, 95, 98, 99, 105, 106, 127, 131, 132.

Пушкина, Ольга Сергѣевна — см. Павлищева.

Пушкинская Коммиссія при Академіи Наукъ, 165.

Пушкинскій Музей, Лицейскій, 40.

Пушкины, 104.

Пушкинъ, Александръ Александровичъ, 92.

Пушкинъ, А. С., 1, 4, 8, 9, 12, 13, 14, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 74, 75, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 183, 184, 186.

„Пушкинъ", В. Я. Стоюнина, 29.

„Пушкинъ", сборникъ статей Л. Н. Майкова, 26

„А. С. Пушкинъ", сборникъ П. И. Бартенева, 48, 62.

„А. С. Пушкинъ", очеркъ, редактированный П. А. Ефремовымъ, 18.

„А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", П. В. Анненкова, 28.

„Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", Я. К. Грота, 38, 64, 86.

„Пушкинъ. Жизнь и творчество", В. В. Сиповскаго, 29.

„Пушкинъ и его современники", 1, 9, 13, 50, 92, 93, 96, 101, 130, 175.

Пушкинъ, Григорій Александровичъ, 87, 92, 100.

Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ, 100, 101, 129, 130.
Пушкинъ, Петръ Львовичъ, 99.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ, 57, 98, 99, 101, 129, 132, 133.
Пущинъ, Иванъ Ивановичъ, 42, 44, 46, 51, 52, 54, 55, 64, 65, 74, 77, 187.
Пятковскій, Александръ Петровичъ, 19, 21, 26.

Р. Р., 3, 9.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ, 24, 102.
Разинъ, Стенька, 146.
„Разныя записки и замѣчанія“, Пушкина, 102.
Рауль, 97, 104.
Raumer, 125.
Рафаэль, 22.
Reboul, 123.
Rėvolution Française, 154.
„Revue Étrangère“, 111, 115.
„Revue Retrospective“, 124.
Рейнботъ, 79, 80, 84.
Рейхель, Яковъ Яковлевичъ, 93.
Reiffenberg, 113.
„La Réforme“, 113.
Ржевскій, 50.
Rivarol, 120.
Rienzi, 120, 122.
Rogers, 115.
Розенъ, баронесса А. В., 51.
Romain, l'Empire, 120.
Romaine, Histoire, 113, 122.
Rome, 121.
Роминковъ, Павелъ, 96.
„Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...“, стих. Пушкина, 42.
Россетти, Аркадій Осиповичъ, 97.
Rossetti, G., 121.
Россія, 8, 10, 12, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 63, 109, 113, 114, 123, 160, 162, 183.
Румянцовскій Музей, Московскій, 163, 176.
„Румяный критикъ мой...“, стих. Пушкина, 13.
„Русалка“, Пушкина, 130, 131.
„Русская изба“, Пушкина, 102.
„Русская Старина“, журналъ, 18, 19, 20, 26, 27, 28, 128, 147, 164, 166, 172, 176.
„Русскій Архивъ“, журналъ, 30, 33, 36, 46, 102, 147, 148.
„Русское Слово“, газета, 91, 105.
Русь, 22, 156.
Ручъ (Rutsch, Conrad), 96, 103.
Рылѣевъ, К. Ѳ., 22, 24.
„Рыцарскія сцены“, Пушкина, 102.

Сабатье (Sabbatier, J.), 127.
Савари, министръ полиціи, 151.
Саврасовъ, 44, 49, 50.
Садовая улица, въ Царскомъ Селѣ, 181.
Сакенъ, А., 184.
С.-Петербургская Дворянская Опека, 91, 94, 101, 107.
С.-Петербургская Реформатская Церковь, 182, 183.
С.-Петербургскій вице-губернаторъ, 65.
С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, 128.
С.-Петербургскій Комендантъ, 128.
С.-Петербургскій Надворный Судъ, 95, 96.
С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, 99.
С.-Петербургскій Учебный Округъ, 178.
С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, 177, 178, 179.
С.-Петербургъ, 26, 28, 29, 30, 32, 33, 36, 38, 39, 40, 42, 46, 47, 50, 52, 54, 56, 57, 79, 90, 91, 93, 94, 95, 96, 99, 100, 101, 106, 108, 111, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 132, 136, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 147, 161, 162, 163, 170, 171, 178.
Самозванецъ, 161.
Самойловъ, Антонъ Ивановичъ, 101.
Сахаровъ, Иванъ Петровичъ, 32, 33.
Святогорскій монастырь, 98.
Святыя Горы, монастырь, 128.

Say, J. B., 115.
„Семь лѣтъ пролетѣли, но дружба...“, экспромптъ Дельвига, 41.
S-te Beuve, 123.
St.-Simon, 114.
La **St.-Simonienne**, 120.
Saint-Félix, J., 123.
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ, 176.
Сергачскій Земскій Судъ, 99.
Сергачскій уѣздъ, 99.
Сибирь, 6, 8, 18, 19, 40, 41, 46, 64.
Сигизмундъ, 151.
Сидневъ, Григорій, 95.
Синовскій, Василій Васильевичъ, 29.
Сицкій, князь Иванъ, 159.
Sichler, 106.
Sismondi, 120, 121.
„Скупой Рыцарь“, А. С. Пушкина, 130.
„Слово о Ломоносовѣ (Радищева)“, Пушкина, 102.
„Слово о полку Игоревѣ“, 33.
„Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи...“, стих. Пушкина, 13.
Смирдинъ, А. Ф., 93, 103.
Смирновъ, 103.
Смирновъ, Н., 143, 144.
Смирновъ, Николай Михайловичъ, 97.
Смутное время, 161.
„Снова, други, въ братскій кругъ...“, стих. Дельвига, 45.
Сновидова, Екатерина Васильевна— см. Шишкина.
Снѣгиревъ, Леонтій, 93.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ, 19, 20, 21, 26, 95, 96, 98, 100, 101.
„Собраніе насѣкомыхъ“, эпиграмма Пушкина, 177.
„Современникъ“, журналъ, 35, 64, 94, 97, 105, 108, 109, 110, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 142, 143, 177.
Сологубъ, М., 79, 80, 84.
Соллогубъ, графъ Владиміръ Александровичъ, 36, 37.
Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ, 29.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, 162.
Соломонъ, царь, 47.
Сомовъ, Орестъ Михайловичъ, 175, 176.
Сочиненія А. С. Пушкина, 57.
Сочиненія А. С. Пушкина, посмертное изданіе, 93, 97, 101, 106, 107, 127, 132, 133, 134, 138, 139, 141, 142, 143, 144.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Академіи Наукъ, 166, 171.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. П. В. Анненкова, 170.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Анскаго, 171.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. подъ ред. С. А. Венгерова, 27, 162, 166, 170.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. П. А. Ефремова, 21, 25.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, 21.
Сочиненія А. С. Пушкина, изд. подъ ред. Морозова, 46.
Сочиненія А. С. Пушкина, ред. П. О. Морозова, изд. Тов. „Просвѣщеніе“, 21, 147.
Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ, 21, 22, 24, 27.
Спасская Мыза, 133, 134.
Спасскій, 64.
Срезневскій, Всеволодъ Измайловичъ, 9, 13.
Ставрополь, 100, 101.
de Staël, M-me, 122.
Stanislas, 120.
„Статья о Классицизмѣ и Романтизмѣ“, Пушкина, 102.
„Статья о Полтавѣ“, Пушкина, 102.
„Статья о Радищевѣ“, Пушкина, 102.
„Статья о Татищевѣ“, Пушкина, 102.

Стевенъ, Ф. X., 41, 47, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 60, 61, 72, 73, 184, 185, 186.
„Стенька Разинъ", 146.
Стесель, Н., 78, 80, 84, 85.
„Стихи***", Пушкина, 102.
„Стихотворенія" Пушкина, 109, 125.
Стоюнинъ, Владиміръ Яковлевичъ, 29.
Страховъ, 29.
Стрекаловъ, 79, 80, 84.
Строгановъ, графъ Григорій Александровичъ, 92, 93, 95, 98, 100, 128, 130, 131, 136, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146.
Souvestre, Emile, 124.
Судей, Книга, 8.
„Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ...", стих. Пушкина, 89.
Сумцовъ, Николай Өедоровичъ, 24, 26, 29.
Сухарева, 138.
„Sur la catastrophe de M. le duc d'Anghien", Савари, 154.
„Съ тѣхъ поръ, какъ мы лицейски стали...", куплеты Илличевскаго, 40.
„Сѣверная Почта", 36.
„Сѣверная Пчела", 33.
„Сѣверный Архивъ", 159.
„Сѣятель", стих. Пушкина, 22.

Т., 10.
Tallemant, 120.
Tanner, J., 124.
Танѣевъ, А. С., 92.
Тарасенко-Отрѣшковъ, Наркизъ Ивановичъ, 93, 101, 105, 132, 133, 134, 137, 138, 139, 141, 142.
Татариновъ, Илья Ивановичъ, 97, 105.
Татищевъ, 102.
Тверь, 74.
„Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ...", стих. Пушкина, 74.
Тимеръ, 104.
Типографія Гуттенбергова, 93, 97, 105.
Типографія при Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, 93.
Тифлисскій Уѣздный Судъ, 130.
Тифлисъ, 53, 147.
„Товарищи, сегодня праздникъ нашъ...", стих. Пушкина, 42.
Tocqueville, A., 121.
Толстой, графъ, 57.
Trémadeure, 114.
Третье Отдѣленіе, 94, 147.
Тригорское, село, 57.
Трифонъ, староста, 102.
Trollope, 120, 122.
Трубецкая, княгиня Е. И., 54.
Тульчинъ, 11.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, 92.
Тырковъ, 47, 48.
Thierry, 114.

Уваровъ, графъ С. С., 32.
Угличъ, 150, 152, 158.
Уголовная Палата, 159, 160.
Университетъ Александровскій, въ Гельсингфорсѣ, 85.
Университетъ С.-Петербургскій, 30, 31, 179.
Управа Благочинія, 95.
Urbain, Ch., 106.
„Урну съ водой уронивъ...", стих. Пушкина, 13.
„Усердно помолившись Богу...", стих. Пушкина, 48.
Уставъ о цензурѣ, 117.

Fénelon, 114.
Filangieri, 122.
Филимоновъ, Владиміръ Сергѣевичъ, 99, 143, 144.
Философовъ, А., 79. 80, 84.
Фильетта, рестораторъ, 97, 127.
Фитоновъ, 65.
Fieschi, 122.
Franklin, 121.
Франція, 16, 113, 154.
Фридрихсгамскій купецъ, 95.
Фурштадтская улица въ СПБ., 133, 142.

Харламовъ, Николай, 79, 80, 84.
Харьковскій Дѣтскій Пріютъ, 144.
„Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина“, 24.
Харьковъ, 24, 86.
„Хвала лицейскимъ! Святъ обѣтъ...“, стих. Илличевскаго, 45.
Хвостовъ, 9.
Chrapovitskij, 106.

„Царскій Арапъ“, Пушкина, 102.
Царское Село, 13. 49, 70, 72.
Цетреусъ, А. И., 81.

Чепчуговъ, 155·
Черноморскій флотъ, 96.
Чернышевъ, графъ А. И., 92.
Черняевъ, Н. И., 22, 24.
Чириковъ, Сергѣй Гавриловичъ, 59, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85.
„Что Илличевскій не въ Сибири...“, экспромптъ Дельвига, 41.
Чудовъ дворецъ, 21.
Чулковъ, М. Д., 146.

Шаблонъ, 97, 105.
Шателенъ, А., 118.
Шатобріанъ, 102, 123.
Швыйковскій, 79, 80, 84.
Шевченко, Т. Г., 24.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, 26, 147, 148, 160.
Шереметевъ, графъ Сергій Димитріевичъ, 161.
Шереметьевъ, 32.
„Шесть лѣтъ“, пѣсня, 68, 80, 81, 84 181.
„Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ...“, стих. Пушкина, 50.
„Шесть упраздненныхъ мѣстъ“, статья Д. Ѳ. Кобеко, 50.
Шишкина, Екатерина Васильевна, рожд. Сновидова, 96.
Шишкинъ, Алексѣй Петровичъ, 95, 96, 98, 110.
Шишкинъ, Андрей Петровичъ, 98.
Шишковъ, 23.
Шлиссельбургъ, 46.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ, 40, 177.
Schnitzler, 114.
Schoning, Marie, 102.
„Шоссе“, Пушкина, 102.
Штеръ, Петръ Андреевичъ, 133.
Шторхъ, К., 79, 80, 84, 85.
Штофрегенъ, А., 79, 80, 81, 84, 85.
Штутгардъ, 185, 186.
Шуйскій, 149, 155, 157.
Шуйскій, царь Василій, 158.
Шульговскій, 93.
Шумовъ, Захаръ, 95.

Щегловъ, цензоръ, 176.
Щеголевъ, Павелъ Елисѣевичъ, 174.
„Щукинскій Сборникъ“, 30, 34, 36, 37.
Щукинъ, Петръ Ивановичъ, 30.

Эйхенъ, Василій, 79, 80, 83, 84, 85.
Экспедиція Заготовленія Государственныхъ бумагъ, 93.
Энгельгардтъ, Александръ Егоровичъ, 184.
Энгельгардтъ, Василій Васильевичъ, 97, 105.
Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ, 42, 48, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 60, 64, 65, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 180, 181, 183, 184, 185, 186, 187.
Энгіенскій герцогъ, 154.
Энегольмъ, 142.
Эскулапъ, 105.
Эссенъ, графъ Петръ Кирилловичъ, 92, 108, 128.
„Этикетъ“, Пушкина, 102.

Юдинъ, 48, 52, 55, 60, 74, 187.
Юнгмейстеръ (J. Jungmeister), 115.
Юнкеръ, 71.
Юрьевъ, Василій Гавриловичъ, 96, 97, 103, 105.

Языковъ, Дмитрій Ивановичъ, 97.
Якоби, Борисъ Семеновичъ, 34.

Яковлевъ, Иванъ Алексѣевичъ, 97, 104, 105.
Якубовичъ, Лукьянъ Андреевичъ, 32, 33.
Яковлевъ, 103.
Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ, 41, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 58, 60, 61, 62, 65, 67, 68, 69, 71, 72, 74, 75, 76, 181, 184, 185, 186, 187.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ, 164, 165, 166.
„Я ускользнулъ отъ Эскулапа“, посланіе Пушкина, 105.

Ѳеодоритъ, архимандритъ, 155.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, 149, 154, 158.
Ѳоминъ, Николай, 96, 108, 146.

№ 475770